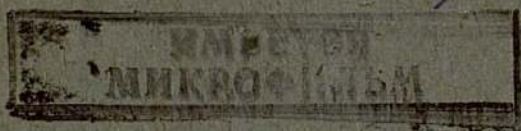

7-54

19. 3. 3. 10/3

с. 81-84-

-оторванки

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ,
ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИЗДАНИЕ,

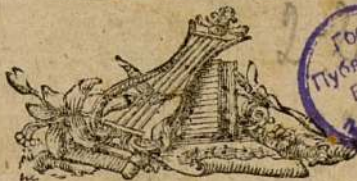
ВЪ пользу заведенныхъ въ Санктпетер-
бургѣ Екашерининскаго и Александровскаго
Училищъ,

ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ ВЪ СЕБѢ

Лучшія мѣста изъ древнихъ и новѣйшихъ
Писателей, открывающія челоуку
путь къ познанію Бога, самого себя и
споихъ должностей, которыя предста-
влены какъ въ нравоученіяхъ, такъ и
въ примѣрахъ оныхъ, то есть, не волю-
щихъ Исторіяхъ, Поѣствіяхъ, Анекдо-
тахъ и другихъ Сочиненіяхъ стихами
и прозою;

СЛУЖАЩЕЕ ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ
УТРЕННЯГО СВѢТА.

ЧАСТЬ III.

ВЪ МОСКВѢ,

ВЪ Университетской Типографіи, у Н. Новикова
1782 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Госпо́дь Кураторо́въ я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Вечерняя Заря, Часть III, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсмотрѣніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему она и напечатана быть можетъ. Коллежскій Сопѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

страниц.

1. Разсужденіе о бытіи Бога, выведенное изъ разсмаприванія природы. - - - - -	1
2. О познаніи Божія бытія. - - - - -	18
3. Гласъ Божій къ человѣку. - - - - -	43
4. Преложеніе молитвы: <i>Тебе Бога хвалимъ.</i> - - - - -	46
5. Душеспасительное размышленіе при возрѣніи на гробы и прахъ мертвыхъ. - - - - -	49
6. Стансы. - - - - -	50
7. Краткія исторіи. - - - - -	52
8. Стихи Его Сіятельству Графу Сѣверному, говоренные въ присутствіи Его во Французской Академіи Господиномъ де-ла-Гарпомъ, 1782 года, Мая, 27 дня. 65	65
9. Наставленіе молодому Суепону, вступающему въ свѣтъ. - - - - -	70
10. Мадригалы. - - - - -	74
11. Эпиграммы. - - - - -	75
12. Эпитафіи. - - - - -	—
13. Загадка. - - - - -	76
14. Пѣснь Всемогущему. - - - - -	77
15. Египетское ученіе о вѣрѣ. - - - - -	81

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

I.

*Разсужденіе о бытіи Бога, пыпеденное
изъ разсматриванія природы.*

Прежде нежели приступимъ мы къ изслѣдыванію сущности и превосходства исповѣдуемой нами вѣры, должны во первыхъ быть удостовѣрены объ извѣстныхъ всеобщихъ истиннахъ. Первая и важнѣйшая изъ оныхъ есть сія, что или есть Богъ, или нѣтъ его, что или есть высочайшее и премудрѣйшее существо, отъ котораго міръ съ его природою и порядкомъ получилъ свое начало, или должны мы взирашь на все не иначе, какъ на дѣйствія вѣчнаго ничтожества, слѣпаго случая, или какъ на вѣчныя слѣдствія вѣчно мертвенной не-
1782. Часть III. Сентябрь. А обхо-

обходимости? Вотъ мысль, которая всѣхъ важнѣе для насъ, и которая разсма-триваніемъ можетъ заниматься нашъ разумъ! Вездѣ куда ни обращаемъ мы свои очи, возводимъ ли ихъ на не-беса горъ, разсма-триваемъ ли окружающія насъ твари, и входимъ ли въ собственные наши чувствованія: вездѣ встрѣчается намъ мысль со всею ея важностію о высочайшемъ существѣ. Мы вездѣ зримъ красоту, и душа наша при возврѣніи на безконечное разнообра-зіе стройности теряется въ изступленіи своемъ. Взираемъ на небеса! Какая сокрытая сила, которая сохраняетъ непремѣняемый порядокъ неисчетныхъ и неизмѣримыхъ небесныхъ тѣлъ, плавающихъ въ пустомъ пространствѣ? Какая непостижимая премудрость, ко-торая одну часть сихъ тѣлъ въ безмѣр-номъ разстояніи однихъ отъ другихъ чрезъ самый простѣйшій законъ около шѣхъ, какъ бы около общаго своего средоточія, обращаетъ въ нѣкоторомъ разстояніи, каждаго изъ нихъ внутрен-ней природѣ соразмѣрномъ, и которая опять посредствомъ того же самаго за-кона столь многія кометы совѣмъ въ другомъ печеніи, нежели какъ другія небесныя тѣла, чрезъ свой всякую изъ нихъ кругъ водитъ такъ, что онѣ въ сво-

своемъ бѣгѣ одна другой не мѣшаютъ? Земля наша могла бы на неисчетное множество градусовъ удаляться отъ солнца, такъ какъ и приближаться къ оному; кто же показалъ ей такое разстояніе, въ которомъ находясь она заимствовала бы отъ солнца столько свѣта и теплоты, сколько требуетъ природа находящихся на ней твореній? Положеніе ея въ разсужденіи солнца могло бы быть совсѣмъ другое; и кто далъ ей изъ всѣхъ возможныхъ такое положеніе, которое чрезъ перемѣны лѣта, зимы, осени и весны всѣ страны на ней побольшей части дѣлаютъ обитаемыми? Кто повелѣлъ лунѣ непрестанно слѣдовать за землею, и кто съ таковою точностію измѣрилъ ея разстояніе, что чрезъ то океанъ удерживается въ безпрестанномъ своемъ движеніи, и при томъ такъ, что никакъ не можетъ выступить изъ положенныхъ ему предѣловъ? Кто между поверхностію океана и возвышенною поверхностію земли учинилъ столь мудрый размѣръ, чтобъ отъ исходящихъ многочисленныхъ паровъ усилившейся непрерывной дождь не могъ попопить послѣдней, но паче бы чрезъ непродолжительной дождь и рѣки всѣ другія страны были напоиваемы? И кто наконецъ двумъ

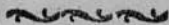

поль шѣсно соединеннымъ и сроднымъ стихіямъ, каковыя суть вода и воздухъ, далъ поль различный законъ, чтобы воздухъ своей всюду разливающейся силы не могъ перясть, а вода бы не могла съ оною соединяться и претворяясь въ воздухъ: но дабы обѣ сіи стихіи непремѣняемо удерживали мѣру и вѣсѣ, которыя съ такою соразмѣрностію качеству и природѣ всѣхъ тварей даны? И такъ естьли нѣтъ Бога, естьли нѣтъ премудраго и свободнаго существа, приведшаго все сіе въ такой порядокъ: то мы ничего не видимъ; все сіе для насъ есть только самая темная загадка, и все сіе совершенство, вся стройность, обрѣпаемая нами здѣсь на земли, столько же для насъ темны.

Въ первомъ сложеніи природы мы находимъ все неуспроеннымъ еще и грубымъ. Сей есть ея запасъ. Но едва на одну степень восходимъ выше, то ужè находимъ сіе грубое вещество въ металлахъ, соляхъ, камняхъ и кристаллахъ прекраснѣйше образованное. И что еще за новое зрѣлище, представляющее разнообразность, порядокъ и красоту, открывається намъ, когда мы разсмаптываніе наше простираемъ далѣе? Мы видимъ, какъ сіе грубое мертвенное вещество въ безчисленныхъ родахъ деревьевъ

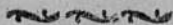
ревѣ, нравѣ и цвѣтовѣ единообразно въ
 бесконечно различныхъ видахъ располо-
 жено и устроено! Кристаллѣ, кремьнѣ,
 не перемѣняющѣ своего вида, получен-
 наго можетѣ быть ими при ихѣ соотво-
 реніи. Они остаются одинаковы такѣ,
 какѣ они есть, безѣ всякаго ошущи-
 тельнаго премѣненія или приращенія.
 Напротивѣ того въ семѣ царствѣ все
 въ непрестанномѣ измѣненіи, здѣсь все
 возрастаетѣ, здѣсь все живетѣ, и все
 съ безчисленнымѣ восхожденіемѣ. Хотя
 все находится на единой землѣ, и еди-
 нымѣ дождемѣ напаяется: однако все
 бесконечно различествуетѣ въ запахѣ,
 цвѣтѣ и вкусѣ; все рождается, растетѣ,
 умираетѣ, но не премѣняя своего есте-
 ства до опредѣленнаго времени; все въ
 совершенной стройности и согласіи съ
 естествомѣ всего прочаго; все имѣетѣ
 свое различіе, и все слѣдуетѣ единому
 первоначальному закону.

Мы восходя на одну степень выше,
 находимѣ предметѣ нашѣ еще чудеснѣе.
 Прежде мы видѣли при бесконечной
 разнообразности и красотѣ самое иску-
 снѣйшее строеніе (механизмѣ): но кро-
 мѣ ращенія находимѣ еще все мер-
 твымѣ; тамѣ возрастаетѣ, но и уми-
 раетѣ все на томѣ же мѣстѣ, гдѣ оно
 родилось, и притомѣ безѣ всякаго чув-

ствованія своего бытія; здѣсь же сверхъ того мы видимъ самопроизвольную подвижность, тончайшія чувствованія и искуснѣйшія побужденія. Тоже прежнее вещество и одинакое почти составленіе (организація). Все рождается, растетъ и по одинакимъ законамъ съ растѣніями умираетъ; однако въ бесконечно новыхъ видахъ, и гораздо въ большемъ совершенствѣ; все живетъ, все движется само собою, все чувствуетъ, и сіе совершенство восходитъ, какъ и въ растѣніяхъ, въ бесчисленныхъ всегда себѣ подобныхъ степеняхъ; самое послѣднее растѣніе было еще половина камня; такъ какъ самое послѣднее животное ясно показываетъ на себѣ, что оно только что перешло еще изъ растѣнія; полуживотныя растуція подобно деревьямъ, животныя съ однимъ чувствомъ, животныя имѣющія пять чувствъ; одни умираютъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ они родились, и для которыхъ раковина ихъ была цѣлымъ міромъ; другія, которыя посредствомъ обонянія, слышанія и зрѣнія чувствуютъ отдаленнѣйшія вещи; животныя ужасной величины какъ горы; животныя, для которыхъ пространство, заключающееся въ песчинкѣ, въ каплѣ воды, въ листочкѣ, есть цѣлой міръ. Всякое съ не-

неизслѣдимою премудростію снабдѣно
 членами, которые расположены сообраз-
 но съ прочимъ строеніемъ его тѣла,
 его опредѣленіемъ, пропитаніемъ и спи-
 хією, въ коей живетъ оное. Всякое
 имѣетъ свои особливья побужденія,
 согласующіяся со всею его природою.
 Между тѣмъ въ безпокойномъ семъ и
 самодвижимомъ царствѣ господствуетъ
 тотъ же порядокъ, какой примѣчаемъ
 и въ царствѣ растѣній. Все имѣетъ
 свое опредѣленное мѣсто, такъ какъ
 и непремѣнный законъ; все пребываетъ
 непремѣннымъ въ своемъ родѣ, не
 смѣшивается, не теряется; ничто не
 остается безъ совершенствованія, ничто
 не можетъ выше степени своей приро-
 ды возвыситься; все умираетъ и опять
 появляется въ непремѣняемомъ соот-
 вѣствіи его предопредѣленію и цѣло-
 му естеству; все получило соразмѣрныя
 себѣ силы, желанія и предопредѣленное
 продолженіе. Мы не примѣчаемъ здѣсь
 истиннаго разсудка, но нѣкій сокрытый
 и неизъясняемый законъ, который бы-
 стрее и явственнѣе, нежели всякой
 разсудокъ, замѣняетъ сей недостатокъ;
 все знаетъ о своемъ родѣ, такъ
 какъ и все въ нужномъ для своей пи-
 щи, своего обиталища, своего раз-
 множенія и сохраненія, и имѣетъ спо-

способность о себѣ пещися, чѣмъ при-
 водятся и самые остроумнѣйшіе муд-
 рецы въ недоумѣніе. И все сіе разли-
 чіе составляетъ одну только цѣль;
 отъ камня до растѣнія, отъ растѣнія
 до обезьяны, все сіе есть еще члены
 отъ другаго зависящіе. Все наполнено,
 нѣтъ нигдѣ пустоты, ни одно не по-
 ходитъ совершенно на другое, все по-
 степенно. Гдѣ глаза наши находятъ
 конецъ, тамъ открываются намъ, посо-
 біемъ увеличивательныхъ и приближи-
 тельныхъ стеколъ, новые міры. Да и
 съ самимъ симъ можемъ быть еще мы
 находимся на срединѣ сея безконечныя
 лѣсницы. Союзъ между оными сохра-
 няется всегда одинъ и тотъ же. Растѣ-
 нія, животныя, воды, планеты, солнце
 самое, все существуетъ одно для дру-
 гаго, все только служитъ къ составле-
 нію цѣлаго въ совершеннѣйшемъ распо-
 ложеніи; мы сами себѣ кажемся несра-
 вненно большимъ чудомъ. Съ одной
 стороны мы принадлежимъ еще къ ра-
 стѣніямъ, а паче къ животнымъ. Мы
 рождаемся такъ какъ и оныя, пита-
 емся также, имѣемъ съ ними одинакое
 пребываніе, такія же побужденія такъ
 какъ и смерть. Съ другой стороны въ
 нашемъ видѣ, нашихъ членахъ, нашихъ
 способностяхъ, мы имѣемъ несравнен-

НЫЯ

нья предъ ними преимущества; мы имѣ-
 емъ разсудокъ, свободную волю; мы
 господствуемъ надъ всѣми; все родится
 для насъ однихъ; отъ кедра до малѣйшей
 травки, отъ слона до шелкового червя,
 все для насъ однихъ существуетъ. Безъ
 насъ вся природа мертва, весь ея порядокъ
 ничто другое какъ Хаосъ (неустройство).
 Виноградная лоза не услаждаетъ самой се-
 бя; цвѣты нечувствуютъ своя собствен-
 ная красота; нити шелкового червя
 ничто иное для него, какъ его же гробъ;
 безъ насъ алмазъ лежитъ сокрытымъ
 въ кремнѣ безъ всякой цѣны. Въ насъ все
 соединяется; нами открывается во всемъ
 премудрость, стройность и первая поч-
 ная красота. Безъ насъ природа убо-
 гая; мы всякое мгновение даемъ ей но-
 вые виды, мы проникаемъ во внутрен-
 ность оныя, мы открываемъ ея сокры-
 тые законы, мы измѣряемъ небо, мы
 вѣсимъ планеты, мы изчисляемъ ихъ
 бѣги; мы представляемъ себѣ предъ
 глаза прошедшее и будущее; наши пред-
 меты, наши способности, наши побу-
 жденія не ограничены; все въ насъ вѣчно;
 но что больше, источникъ нашего удо-
 вольствія и неудовольствія мы имѣемъ
 внутри насъ самихъ; мы сами для се-
 бя законодатели, и сами судьи; мы са-
 ми себя оправдываемъ и осуждаемъ, и

наше одобреніе гораздо важнѣе, нежели похвалы тысячи льстецовъ.

Но что мы видимъ во всемъ семъ изобиліи, въ семъ порядкѣ, когда нѣтъ Бога, когда нѣтъ премудраго, свободного существа, которое все сіе предуспроило и учредило сей великолѣпный порядокъ? Все сіе случайно? Все происходитъ отъ слѣпой и мертвенной необходимости? и мы совсѣмъ не знаемъ того, что видимъ? и такъ мы видимъ одну машину, составленную изъ миліона колесъ, которымъ всѣмъ дано общее соразмѣрное движеніе, но которыя въ цѣломъ своемъ составѣ не имѣютъ ни строителя ни предмета? только благоустроенныя средства безъ всякаго намѣренія? только предпріятыя намѣренія безъ всякой причины? совершеннѣйшій порядокъ и красоту безъ разума? вѣчное движеніе безъ Строителя? всякую жизнь происходящую изъ вѣчной смерти? совершеннѣйшую стройность между вещами одна другой противоположающимися? — О сколь сіе для насъ темно! Мы здѣсь ничего не видимъ при всемъ нашемъ разсудкѣ. И что же такое мы? — Больше еще темная загадка! Мы происходимъ отъ смертныхъ родителей съ самой вѣчности? — Противорѣчащее само себѣ

твореніе, ограниченное со всѣхъ сторонъ, и во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и желаніяхъ безконечное! Одаренное безконечными способностями съ тѣмъ, чтобъ при смерти потерять оныя! Владыка животныхъ, владыка всяя природы имѣетъ участь ту же, что и всѣкомое! мертвою прахъ исполненъ божественной силы? мыслящее существо возносящееся превыше всѣхъ небесъ, и во мгновение снѣдь червей? со спрогнмъ закономъ рожденное, безъ законодателя? Какая загадка! какая непонятность! сколь гораздо больше здѣсь мы видимъ, нежели всякое другое животное! — Но сего еще мало. Мы со всѣми сими преимуществами не лучше скотовъ, мы ихъ хуже, мы несчастнѣе до тѣхъ поръ, пока сіе изысканіе для насъ останется нерѣшимымъ. Правда, при насъ остается наше преимущество, какъ при чловѣкахъ, хотя бы и Бога не было; разумокъ нашъ потому не теряетъ никакихъ способностей; мы можемъ при изслѣдываніи истинны также безъ преткновенія проспираться далѣе; мы чувствуемъ ея пріятности съ такою же живостію; при насъ остается вся сопрятательность чувствъ нашихъ; мы вкушаемъ всѣ выгоды и удовольствія жизни

жизни; міръ для насъ столько же прекрасенъ и столько же обиленъ; желанія наши остаются также непогашенными, какъ и многоразличными; и мы все остаемся не меньше, какъ владыки міра. Волъ доволенъ, когда онъ упоилъ побужденіе своея природы; довольно для шигра, когда онъ укротилъ свой гладъ; но въ нашихъ желаніяхъ мы не находимъ никакихъ границъ; наша сила воображенія всегда въ состояніи родить для себя новыя побужденія. Звѣрь ищетъ, гдѣ бы похитить; мы можемъ вкусъ свой сверхъ мѣры своея природы увеличить. Волъ, шигръ, заключенны въ тѣсныхъ границахъ своея природы: мы не находимъ въ насъ сего ограниченія; природа не имѣетъ для насъ никакихъ предѣловъ; мы ея владыки; законы ея мы можемъ перемѣнить по своему желанію; мы не находимъ другаго закона, кромѣ своего побужденія. Хотя нашъ разумъ противорѣчитъ намъ, совѣсть наша угрожаетъ намъ тайнымъ предчувствованіемъ: но чего намъ спрашивать? Мы умремъ завтра! Завтра умремъ? вѣчно умремъ? Такъ, ежели нѣтъ Бога, то нѣчего намъ другаго, кромѣ смерти ожидать. Но сіе можетъ ли быть для насъ спокойствіемъ? О лучше бы мы наслѣдили жребій скоповъ,

чѣмъ

чѣмъ получили свое бытіе! Намъ бы никогда не была извѣстна бѣдственная химера, которая заставляетъ насъ всегда слѣдовать предписаніямъ разсудка; мы бы не имѣли скорби отъ столь многочисленныхъ щещныхъ представленій; мы бы не чувствовали побужденія къ истиннѣ и добродѣтели; мы бы не знали прогающихъ предметовъ вѣчности, и мы бы не прежде узнали, что есть смерть, какъ по отнятіи убивственнѣмъ оружіемъ у насъ вся чувствительности и страха, происходящаго отъ пуду: когда теперь при ощущеніи нашей жизни, борясь съ смертію, имѣемъ предъ глазами ужасное представленіе вѣчнаго уничтоженія; и когда, едва изуча съ трудомъ алфавитъ природы, и усмотрѣвъ въ дали плѣняющія доброты истинны, должны мы навѣки закрыть глаза наши. Въ семъ ли состоитъ вся цѣль величественнаго строенія нашей природы? Въ семъ ли только состоитъ вся награда за многіе труды наши, понесенные для образованія себя въ истиннѣ и добродѣтели? Мы размысливъ о семъ опять повторяемъ: о лучше бы мы были скотами! Хотя бы мы и не имѣли сего преимущества предъ ними, однакожъ и не имѣли бы никакого свѣденія о лучшемъ; мы бы не чув-

ство-

ствовали красоты добродѣтели, и слѣ-
 довапельно и не исполняли бы ея стро-
 гаго закона; мы бы спокойно слѣдовали
 своимъ движеніямъ, довольствовались бы
 ихъ, и не чувствовали бы той изнуряю-
 щей борьбы нашего разсудка съ нашими
 желаніями. — Что же теперь должны мы
 дѣлать? Должны ли мы слѣдовать на-
 шимъ движеніямъ, или повиноваться
 законамъ нашей разумной природы? Пра-
 вда, что мы не имѣемъ, чего бы бы намъ
 опасаться: но чѣмъ укроемъ мы упре-
 ки чинимые за то нашею совѣстію? Развѣ
 мы будемъ всѣми силами стараться за-
 глушить сіе чувство? Какое жестокое
 предпріятіе! Но какъ мы можемъ оправ-
 даться предъ нашимъ разсудкомъ? Сколь
 презрѣннымъ и сколь мерзостнымъ пово-
 реніемъ должны бы мы казаться въ соб-
 ственныхъ своихъ глазахъ, если бы
 мы отъ сего достоинства нашей при-
 роды отреклись, и пожелали бы превра-
 щиться въ скоповъ? Но должны ли мы
 повиноваться гласу своего разума? Дол-
 жны ли мы послѣдовать своей добродѣ-
 тели? Такъ, она прекрасна, восхищи-
 тельна, имѣющая небесное совершенство!
 Но когда сія добродѣтель пребываетъ у
 насъ отказаться отъ пріятнѣйшихъ на-
 шихъ желаній, когда мы сей добродѣ-
 тели, между тѣмъ какъ будетъ пыш-

но торжествовать награжденный по-
рокъ, должны жертвовать нашимъ спо-
койствіемъ, нашимъ благополучіемъ,
нашею жизнію и наконецъ всѣмъ тѣмъ,
что для насъ всего сего драгоцѣннѣе, а
часто и самимъ благополучіемъ срод-
ственниковъ нашихъ: гдѣ должны мы
заимствовать столько мужества и силъ,
чтобы мечтательному сему совершен-
ству пожертвовать нашимъ высочай-
шимъ благомъ? Гдѣ награда за такую
жертву, и гдѣ наше обязательство,
чтобы повиноваться такому закону?
Когда нѣтъ Бога, то удовлетвореніе
желаній нашихъ есть самое высочайшее
благо, какого только мы можемъ до-
стигнуть. О какъ мы безумны! для
чего хотимъ мы ограничить себя въ на-
шемъ благополучіи закономъ, когда мы
никакого законодателя не знаемъ? Чего
намъ бояться, чего надѣяться? Съ на-
шею смертію все исчезнетъ; добродѣ-
тель, разумокъ, совѣсть, пустыя для
насъ только слова. Мы не иначе жили бы
какъ скоты; хотя бы мы изверги были
изъ всѣхъ твореній, или бы пострада-
ли за истинну и добродѣтель: по уме-
реть было бы для насъ все равно; мы
наполняемъ собою кладбище, и согни-
вающимъ нашимъ тѣломъ служимъ
въ пищу опять другимъ животнымъ.

слѣпопощствующее и само себѣ пропшворѣчащее швореніе! Но какая ясность! какой свѣтъ, и какое спокойствіе начинается водворяться въ душѣ нашей, коль скоро приходитъ къ намъ сія мысль, что міръ сей имѣетъ начало свое отъ высочайшаго, премудраго Существа! Что солнце глазамъ нашимъ, то сія усладительная мысль нашему разуму; сей свѣтъ освѣщаетъ вдругъ все окружающее насъ. Гдѣ прежде ничего больше мы не видѣли, кромѣ заблужденія и безпорядка, тамъ не иное что зримъ теперь, какъ приводящую въ восхищеніе премудрость; во всемъ зримъ Отца природы, который всѣ ея члены, который движенія мертвыхъ и побужденія живыхъ шварей своею благошворною десницею премудро связуетъ со всеобщимъ совершенствомъ. Теперь больше ужѣ мы не служимъ для себя загадкою; мы видимъ все свое предопредѣленіе. Всевысочайшее, премудрое и свободное Существо поставило насъ на высочайшей степени сея видимыя природы; — Конечно не для того, чтобы мы нарушили стройность природы. Существо оное одарило насъ благороднѣйшими способностями; — Конечно не съ шѣмъ, чтобы мы были только нѣсколько больше другихъ живопныхъ.

вопныхъ. Сей премудрый Творецъ ода-
рилъ насъ разсудкомъ и нравственнѣмъ
чувствованіемъ добра и зла; онъ чув-
ствованіе сіе сотворилъ непреодолимѣмъ;
онъ поставилъ его надъ нашею волею.
— Никакому сомнѣнію неподлежащее
доказательство, что чувствованіе сіе
есть его воля, что мы должны оное
почитать первымъ нашимъ закономъ,
и что не возможно, чтобъ для него все
равно было, исполняемъ ли мы сей за-
конъ, или нѣтъ. Наши желанія, нашъ
покой, наши выгоды ни мало тому не
противорѣчатъ. Положимъ, что мы бы
должны были всѣмъ жертвовать оному
чувствованію; что мы будемъ тогда,
когда мы отступимъ отъ воли неог-
раниченной, благотворительной и пре-
мудрой?

Мы знаемъ то, что когда мы
спремимся повиноваться оной, будемъ
любезны Творцу. Довольно для насъ
сего спокойствія! Мы теперь радостно
будемъ внимать гласу своея совѣсти;
предъ лицомъ ея ничто, никакое бла-
гое помышленіе, не исчезнетъ. Мы те-
перь спокойно взираемъ на лучшую
предъ нашею участъ порочныхъ! Пускай
щеславятся они своимъ благополучі-
емъ; мы не завидуемъ имъ; пускай
издѣваются надъ нами за проповѣдуе-

мсе нами спокойствіе нашей совѣсти :
однако мы не промѣняемъ онаго на всѣ
ихъ увеселенія. Естьли есть шакое
высочайшее существо, то мы ничего не
теряемъ; мы не хопимъ ему никакого
мздовоздаянія предписывать. Творецъ
нашъ не можетъ быть нашимъ долж-
никомъ! Но мы имѣемъ швердое упо-
ваніе не безконечно премудраго и бла-
гаго Бога, что онъ вліянная нашей при-
родѣ преимущества, не мученія ради
нашего намъ даровалъ, и что онъ ско-
рѣе можетъ создать новой міръ, и
прахъ нашъ по прошествіи многихъ ми-
ліоновъ лѣтъ паки оживотворить, не-
жели за нашу искреннюю къ нему лю-
бовь оставитъ насъ безъ награжденія.
Душа наша сама себѣ вѣщаетъ, что она
сотворена къ таковой вѣчности!

II.

О ПОЗНАНІИ

Божія бытія. (*)

Хотя Богъ никакихъ понятій,
или первобытныхъ начертавающихъ его
свойствъ, въ душахъ нашихъ и не впе-
ча-

(*) Разсужденіе г. Локка, извѣстнаго славнаго
Аглинскаго Писателя.

чашлѣлѣ; однако онѣ открылѣ себя чрезѣ то, что далѣ намѣ силы душевныя и способность ума, вѣ насѣ находящіяся; что мы имѣемѣ чувства и разумѣ, и что носимѣ на себѣ образѣ его. Нѣтъ для чего намѣ вѣ семѣ случаѣ жаловаться на свое невѣденіе, когда онѣ кѣ познанію себя открылѣ намѣ весьма удобныхѣ средствѣ столько, сколько жизни сея состояніе и блаженство наше того требуетѣ. Хотя сія истинна всѣхѣ прочихѣ на разумѣ основанныхѣ кажется быть яснѣе; хотя она, еслии я не ошибаюсь, столько же несумнительна, какѣ и математическая: однакожѣ при всемѣ томѣ требуетѣ она размышленія и душевнаго вниманія, и припомѣ нужно, чтобѣ мысль наша выводила ее изѣ познаній основанныхѣ на опытѣ. Вѣ прошивномѣ случаѣ истинна сія можетѣ быть столько же сумнительна и неизвѣстна, сколько и другія положенія, которыя сами по себѣ довольно доказаны быть могутѣ. Чтobѣ показатѣ намѣ, что мы точно знатѣ можемѣ, что есть Богѣ; и что есть источникомѣ сея изпѣстности? довольно кажется для насѣ, вникнувѣ вѣ себя, разсмотрѣть только несумнительное собственное бытія нашего познаніе.

Безъ сумнѣнія, *человѣкъ* ясно понимаетъ свое бытіе. Естьли же кто сумнѣвается, существуетъ ли онъ? есть ли онъ что нибудь, или *ничто*? Я бы съ нимъ не болѣе захотѣлъ говорить, какъ съ сущимъ ничѣмъ, или не существующей вещи доказывать, что она есть нѣчто.

Естьли есть кто сумнѣвающійся столько, что и собственное свое бытіе отрицаетъ: пусть наслаждается симъ великимъ своимъ благополучіемъ производящимъ опшуду, что онъ ничто, пока голодъ, или какая болѣзнь прошивное ему докажетъ. По сему сужу я и о семъ, что *псякъ* понимаетъ, что онъ есть существо, въ самой пещи имѣющее свое бытіе, какъ о такой истиннѣ, о которой всякаго своя совѣсть довольно убѣдить можетъ, что оная принята быть можетъ за такую, которая никакимъ сумнѣніямъ не подлежитъ.

Сверхъ того и изъ самаго опыта *человѣкъ* знаетъ, что сущее ничто столько же можетъ производить что нибудь вещественное, сколько то же самое ничто можетъ быть равное двумъ прямымъ угламъ. Естьли же кто не знаетъ,

знаетъ, что несуществующее не можетъ быть равное двумъ прямымъ угламъ; по спастся не лъзя, чтобъ такою въ состоянїи былъ хотя одно Эвклидово доказательство понять. Есть-ли же по несумнительно, что есть нѣкоторое существо точно имѣющее свое бытїе, и что несущее не можетъ производить существа: по очень ясно доказываеется, что нѣчто отъ вѣкъ существовало. Ибо, что непредвѣчное, по имѣло начало; а что начало имѣло, по отъ другаго нѣкотораго существа бытїе свое имѣть долженствуетъ.

Не менѣе извѣстно и то, что существо бытїе и начало свое не отъ себя имѣющее, все, что ни имѣетъ, отъ другаго заимствуетъ, и всѣ его способности, коими оно одарено, отъ онаго же источника происходить должны; а изъ сего слѣдуетъ, что отъ вѣчнаго сего всякія существенности начала и источника все возможное необходимо происходитъ. А по сему *существо сіе предвѣчное есть всемогущее.*

Сверхъ сего намъ по опыту еще извѣстно, что мы имѣемъ понятїе и разумъ. Почему поступая въ даль научаемся, что въ мірѣ есть существо разумомъ одаренное.

Или время было прежде бытности разумнаго существа, и тогда разумъ возымѣлъ свое начало; или *существо разумное прежде дѣлъ было*. Еслили кто скажетъ, что время было, въ которое всякое существо, даже и самое вѣчное, не имѣло никакого разума: отвѣчаю, поему не возможно бы было, чтобы и разумъ когда имѣлъ въ комъ свое бытіе. Ибо столько же не свойственно веществамъ совсѣмъ познанія неимѣющимъ, но слѣпымъ нѣкоторымъ случаемъ и безъ всякаго понятія дѣйствующимъ, существо разумное производить: сколько преугольнику самому по себѣ составлять при угла, которые бы, будучи вмѣстѣ взятыя, были больше двухъ прямыхъ. То есть, равнобѣрно не понятно, чтобы вещество, никакого чувства неимѣющее, производило само въ себѣ чувство, понятіе и познаніе; какъ съ разумомъ несходно, чтобы преугольникъ самъ собою углы вмѣстѣ взятыя больше двухъ прямыхъ составилъ могъ.

Такимъ образомъ изъ разсмаприванія насъ самихъ и того, что мы сами надъ собою испытываемъ, разумъ нашъ никакому сумнѣнію неподлежащую истинну наконецъ сыскиваетъ, что *существо оное есть вѣчное, всемогущее*

ище и претемудрѣйшее, котораго ина-
 ко именовать не лзя, какъ Богомъ.
 Вещь сама по себѣ извѣстна, и изъ раз-
 суживанія сего понятія удобно мо-
 гутъ слѣдовать всѣ свойства, которыя
 вѣчному сему существу приписать долж-
 но. Если же сыщется кто столь
 безразсудно упоренъ, что одному толь-
 ко человѣку разумъ и претемудрость
 припишетъ, и оную наименоуетъ слу-
 чайною, а дѣйствія всего прочаго усма-
 триваемаго во вселенной припишетъ од-
 ному слѣпому случаю; тогда да обра-
 щимъ вниманіе свое на справедливое об-
 личеніе, находящееся у Цицерона въ кни-
 гѣ второй о законахъ. Ибо, что можетъ
 быть, говоритъ онъ, истиннѣе того,
 какъ что никто не долженъ быть столь-
 ко безразсудно кичливъ, который бы,
 находя въ себѣ мысль и разумъ не прѣ-
 рилъ, что оный находится въ небѣ и
 мірѣ? или который бы подумалъ, что
 и то самое, что онъ егда съ пеличай-
 шимъ напряженіемъ разума своего по-
 стигать можетъ, имѣло движеніе свое
 безъ всякаго разума. Изъ сего явствуетъ,
 что бытіе Божіе извѣстнѣе, не-
 жели бытіе всякой другой вещи, не по-
 средствомъ постигаемое нами въ
 чувствъ нашихъ. И я думаю, позволи-
 тельно сказать и то, что мы яснѣй-

шее понятіе имѣемъ о бытіи божіемъ, нежели о другой какой вещи внѣ насъ находящейся. Когда я говорю, что мы познаемъ, то я не иначе разумѣю, какъ если бы я сказалъ, что находится въ нашихъ способностяхъ такое познаніе, которое мы можемъ получать, если только употребимъ къ тому по примѣчанію и старанію, которое мы при изслѣдованіи другихъ вещей обыкновенно употребляемъ.

Я не намѣренъ изслѣдовать здѣсь, сколько доказывается бытіе божіе понятіемъ производимымъ въ чьемълибо умѣ о песовершенномъ существѣ. Ибо, по различію умовъ и разности познаній, нѣкоторыхъ таковыя, а другихъ другія доказательства одну и ту же истину болѣе вѣроятною дѣлаютъ. Однако думаю, что тѣ не такъ, какъ надобно стараются объ утвержденіи сей истины, и о загражденіи безбожничьихъ устъ, которые столь важную вещь на одномъ семъ доказательствѣ основываютъ, и которые изъ сего единственно о *Богѣ* понятія, въ нѣкоторыхъ только сердцахъ впечатлѣннаго (ибо извѣстно, что нѣкоторые онаго со всѣмъ не имѣютъ, а которые хотя и имѣютъ, но очень малое,) хотятъ доказать бытіе Божіе, и на одно сіе доказательство полагаясь и на ономъ

ушвер-

утверждаясь, велятъ намъ презиратьъ всѣ прочія доказательства, какъ слабыя или сумнительныя, которыя, взяты будучи изъ бытія нашего и изъ всѣхъ прочихъ созданій, столько суть ясныя и очевидныя, что никто изъ одаренныхъ разумомъ на оныя не согласиться не можетъ. По моему мнѣнію, нѣтъ ясніе сея истинны, что невидимое Божіе, какъ то, неизмѣнное его всемогущество и божество, изъ сотворенія міра и дѣйствій усматриваемыхъ въ ономъ можно постигать. Ибо хотя, какъ я сказалъ, бытіе Божіе доказательствами, изъ бытія нашего взятыми, довольно утверждается, коихъ непреоборимость всякаго, кто только на оныя не менѣе употребитъ вниманія, какъ и на другія изъ столькихъ же частей составленныя, можетъ убѣдить: но поелику въ знаменитой сей истинѣ вся важность благочестія и добродѣтели заключается, то не сумнѣваюсь, что читатель меня извинитъ, если о нѣкоторыхъ частяхъ сего доказательства поговорю пространнѣе.

Нѣтъ явственнѣе той истины, что нѣчто прежде всѣхъ существовало, и мнѣ еще никогда не случалось сыскивать такъ безразсуднаго и дерзкаго, который бы утверждалъ, что было время, въ которое ничто не существовало. Ибо нѣтъ

ничего такъ самому себѣ пропироврѣщащаго, какъ утверждать, что совершенное ничтожество, или несуществованіе всѣхъ существъ, могло произвестъ что-либо вещественное.

Узнавъ, что нѣчто имѣло свое бытіе прежде вѣкѣ, оспается теперь разсмотрѣть, какое оное существо?

Мы во всей вселенной не больше какъ два рода существъ знаемъ.

Къ первому роду относятся всѣ вещи совершенно вещественныя, то есть совсѣмъ неимѣющія чувствъ, понятія и размысленія; каковыя суть борода наша и обыкновенно обрѣзываемые опросіе наши ногти.

А ко второму, существа чувствами и размысленіемъ одаренныя, какими насъ самыхъ находимъ; которыя въ послѣдующемъ нашемъ изъясненіи мы будемъ называть существами мыслящими и немыслящими. А то, естли не по другой какой причинѣ, то по-тому покрайней мѣрѣ, что сіи слова больше способны къ нашему сему предмету, нежели существа пещестпенныя и непещестпенныя. Извѣстно ужѣ, что нѣкоторое существо бытіе свое имѣло еще прежде вѣкѣ, и спрашивающимъ, какое бы оное существо было? не трудно отвѣчать, что оному слѣдуетъ необхо-

необходимо бытъ *мыслящему*. Ибо не менѣе несвойственно веществу простому и нечувствительному производить существо умомъ и разумомъ одаренное, какъ изъ совершеннаго ничтожества рождаются веществу. Положимъ, что отъ предвѣчности существуетъ нѣкоторая часть вещества великая ли она, или малая. Мы увидимъ, что она сама по себѣ ничего произвести не можетъ. Напримѣръ, положимъ, что вещество перваго попавшагося намъ камышка есть вѣчное, и что части его, тѣсно между собою соединенныя, вѣпокоѣ находятся. Если бы во всей вселенной другаго существа, кромѣ онаго не было: не необходимостью ли того требовала бы, чтобъ такъ мертвое и никакого движенія не имѣющее вѣчно недѣйствительнымъ оставалось? Не понятно, какъ бы оно могло сообщить или себѣ движеніе, или другому существу бытіе? И такъ, поелику вещество не имѣетъ силъ къ движенію самого себя; по изъ сего слѣдуетъ, что движеніе или прежде вѣкъ существовало, или нѣкоторое могущественнѣйшее существо сообщаетъ оное веществу. Но допустимъ, что движеніе прежде вѣкъ существовало; однако *изъ пещества немслящаго* и движенія, какъ бы они ни перемѣня-

ли тяжестъ и образы вещей, *мыслящее* произойти не можетъ: ибо веществу и движению не менѣе не возможно производить мыслящее, какъ ничему быть источникомъ бытности вещества. Я всякаго къ своей совѣсти отсылаю; не истина ли то, что съ такою же удобностію можно себѣ представить, какимъ образомъ вещество произведено отъ совершеннаго ничтожества, какъ и то, что отъ простаго вещества произошло мыслящее существо въ то время, когда никакое мыслящее или разумное существо не было? Пускай раздѣлитъ кто нибудь вещество на самыя малѣйшія частицы, что мы какъ бы средствомъ почитаемъ къ содѣланію вещи духовною или мыслящею; пускай сколько хочетъ перемѣняетъ образъ и движенье онаго; но и въ такомъ случаѣ шаръ, кубъ, конусъ, призма, цилиндръ и прочія, коихъ поперечники развѣ миллионную составляютъ часть количества, называемаго *гри* (*), на подобныя тѣла не иначе дѣйствовать будутъ, какъ и тѣ, коихъ поперечники мѣру дюйма или Фула составляютъ. Равнымъ образомъ чувства, разумъ и разумѣніе, изъ грубѣйшихъ вещества частицъ, извѣстный нѣкоторый видъ и движенье

(*) Гри есть $\frac{1}{10}$ часть линіи.

ніе имѣющихъ, не неудобнѣе бытность
 свою получаютъ, какъ изъ самыхъ
 мѣльчайшихъ всякой сущности. Сіи не
 меньше, какъ и самыя грубѣйшія части-
 цы, спалкиваются и одна другой про-
 шиводѣйствуютъ, а сверхъ того ниче-
 го больше. Почему, естли положимъ,
 что прежде вѣкъ ничего небыло: то ве-
 щество не начинало бы существовать.
 Естли положимъ, что одно вещество
 безъ движенія прежде вѣкъ существова-
 ло, то движенію не слѣдовало бы полу-
 чить своего начѣла. Равномѣрно не бы-
 ло бы и разума, естли допустимъ,
 что вещество и движеніе прежде онаго,
 или прежде вѣкъ существовало. Ибо
 сего понимать не лзя, какъ вещество,
 хотя бы оно имѣло движеніе или не
 имѣло онаго первоначально, изъ себя
 самого чувство, понятіе и разумѣніе
 вѣ себѣ могло имѣть; попому, что
 вѣ такомъ случаѣ чувство, понятіе и
 разумѣніе должны бы были быть свой-
 ствами съ веществомъ и всякою онаго
 частицею нераздѣльными. Къ сему еще
 можно присовокупить и то, что все
 вещество не есть единица или един-
 ственная вещь, то есть, не существу-
 етъ такъ, какъ существо вещественное,
 или единственное тѣло нами понимае-
 мое, хотя понятіе наше обѣ немъ об-
 щее

щее или частное, и заставляет насъ о немъ говорить, какъ о единицѣ.

Почему, если бы вещество было первое вѣчное существо мыслящее, то не одно бы было существо вѣчное неограниченное мыслящее; но множество вѣчныхъ мыслящихъ ограниченныхъ существъ, не зависящихъ одно отъ другаго, коихъ сила и власть были бы ограничены, а душевныя мнѣнія различны; изъ чего произыдетъ не таковъ, каковъ нынѣ въ союзѣ вещей порядокъ, стройность и красота. И такъ, поелику первоначальное существо есть предвѣчное, то необходимо слѣдуетъ оному быть мыслящимъ; а поелику оно первѣйшее всѣхъ, пошому необходимо должно ему имѣть въ себѣ всѣ могущія послѣ существовать совершенства. Ибо отъ того, чего кто въ полномъ совершенствѣ не имѣетъ, и другому удѣлить не можно. А отсюда непременно слѣдуетъ, что первое вѣчное существо не есть вещество.

Почему если бы то извѣстно, что нѣкоторое существо прежде чѣмъ бытіе свое имѣло; то и о семъ сумнѣваться не слѣдуетъ, что существо оное непременно есть существо мыслящее, ибо столько же несвойственно немыслящему веществу производить мыслящее существо, сколько

ко ничему, или лишенію всего существа, бышь причиною *нарицательнаго* существа (*positivum ens*), или вещества, имѣющаго дѣйствительное бытіе.

Такимъ образомъ изслѣдывая предвѣчнаго разума необходимое бытіе, нечувствительно ближе подходимъ къ познанію и о Богѣ. Ибо опшуду слѣдуешь, что всѣ прочія разумныя существа, которыя бытности своей имѣютъ начало, отъ него зависятъ, и что всѣ ихъ силы и способности, которыя они имѣютъ, суть единственно отъ него. А какъ скоро превосходныхъ, то и менѣе ивящихъ и всѣхъ неодушевленныхъ существъ онъ есть виновникъ. Отъ чего доказываются *псепѣдѣніе*, *псемотущество*, *пропидѣніе* и всѣ прочія Божескія свойства. Для лучшей же ясности сего разсмотримъ могущія случиться здѣсь пропивоположенія.

Во первыхъ скажутъ можетъ бышь нѣкоторыя. — Хотя то всего несумнительнѣе, что нѣкоторое существо предвѣчно существуетъ, и что сіе существо необходимо есть разумное: однако изъ сего не слѣдуетъ, что оно есть невещественное. Допустимъ, но опсюду еще не слѣдуетъ, что нѣтъ Бога. Ибо, еслили существо есть вѣчное, всевѣдущее и всемогущее, слѣдовательно есть и Богъ, хотя

хотя бы онъ понимаемъ былъ, какъ существо вещественное, или какъ невещественное. Что же въ мнѣніи семъ сокрывается опасное ухищреніе, тому я думаю причиною сіе. Матеріалисты (Вещественники) силу доказательства, убѣждающаго всякаго, что существо вѣчное должно быть мыслящее, не въ состояніи будучи опровергнуть, хотятъ, чтобъ имъ уступлено было, что существо сіе разумное есть вещество. И тогда доказательство оное, которымъ утверждается, что существо вѣчное есть разумное, произнося утверждають, что Богъ есть существо вещественное; то есть, отвергають его быть существомъ вѣчнымъ мыслящимъ; но они симъ самымъ положеніе свое, желая утвердить, уничтожаютъ; ибо еслии ихъ мнѣніе въ томъ состоитъ, что вещество вѣчное происходитъ отъ существа вѣчнаго мыслящаго: то они вещество совсѣмъ отдѣляютъ отъ разума, и не утверждаютъ, что одно съ другимъ необходимо соединено; изъ чего слѣдуетъ, что духъ, а не вещество, есть необходимо вѣчный. Ибо они прежде показали, что находится существо вѣчное мыслящее. И такъ, еслии вещество и разумъ могутъ быть отдѣлены: то изъ того не слѣдуетъ заключить (какъ

веще-

вещественники сіе безъ основанія полагаютъ), что пещество есть пѣчное, потому что мыслящее существо есть пѣчное.

Разсмотримъ же теперь, какъ они себя или другихъ могутъ увѣрить, что пѣчное сіе мыслящее существо есть пещественное?

Спрашиваю поперыхъ, думаютъ ли они, что всякая пещества частица мыслитъ? Я думаю, что они сего не скажутъ; поелику въ семъ случаѣ сполько бы было существъ мыслящихъ, сколько вещественныхъ частицъ, слѣдовательно и Боговъ безчисленное множество. Но если не уступятъ, что вещество, поелику вещество, то есть всякая вещества частица равномерно мыслящая есть, какъ и растяженная (extensa): то увидятъ, что существу мыслящему изъ частицъ немслящихъ не удобнѣе можно быть составленну, какъ существу растяженному, если можно такъ сказать, изъ частицъ нерастяженныхъ.

Второе. Спрашиваю также, если не все вещество, то мыслитъ ли по крайней мѣрѣ хотя одна пылинка? Сіе не менѣе, какъ и вышесказанное подвержено есть многимъ и противнымъ истиннымъ слѣдствіямъ. Ибо въ та-

комъ случаѣ одна сія пылинка или будетъ вѣчною, или не будетъ. Еслили положимъ, что одна сія пылинка есть вѣчная, слѣдовательно все прочее вещество бытіе свое получило отъ разума и воли пылинки. Отсюда узнаемъ, что вещество посредствомъ разума рождается, что однакожъ отвергаютъ утверждающіе, что въ мірѣ семъ нѣтъ ничего больше, кромѣ вещества. Ибо еслили допустятъ, что отъ одной простой мыслящей пылинки все прочее вещество произошло; то непременно слѣдуетъ имъ согласиться и на то, что и различіе сіе и изыщество силы отъ разума происходитъ. Положимъ же, что сіе бываетъ другимъ нѣкоторымъ непостижимымъ намъ образомъ: то нужно, чтобъ сіе было посредствомъ сотворенія; а когда такъ, то исчезнетъ значное оное ихъ основаніе, что *изъ ничего ничто не выпадетъ*.

Еслили же скажутъ, что и все прочее вещество равномерно есть вѣчное, какъ и мыслящая оная пылинка: то такового ихъ изреченія ничего не будетъ глупѣе и несправедливѣе. Ибо что болѣе съ разумомъ несходно, какъ сіе положеніе, что все вещество есть вѣчное? Однако нѣкоторая вещества часпица прочія силою и разумомъ несравненно прево-

превосходитъ. Всякая вещества частица, поелику всѣмъ прочимъ подобна, другой движенія и тѣже самые виды принимать на себя можеть. А того я не усматриваю, чтобъ хопя мысленно могъ кто что либо одной частицѣ приписать больше, нежели другой.

Третіе. Естьли ни единая какая либо вещества частица, въ особливости взятая, ниже все вещество, поелику вещество, то есть всякая вещества частица, вѣчнымъ симъ мыслящимъ существомъ не можеть быть: то слѣдуетъ развѣ плотно соединенному какому либо вещества (составу) системѣ быть таковымъ. Понятіе сіе удобно родиться можеть въ тѣхъ, кои, слѣдуя въ умѣ своемъ представленному мнѣнію, что какъ они сами, такъ и другіе суть существа вещественныя мыслящія, утверждаютъ, что и Богъ есть существо вещественное. Мнѣніе сіе хопя и естественнѣе, такъ какъ и ближе къ простонародному разумѣнію; однакожъ не меньше несходно съ разумомъ, какъ и первое. Ибо тѣ, кои думаютъ, что вѣчное оное мыслящее существо ничто иное, какъ собраніе вещественныхъ частицъ, изъ коихъ нѣтъ ниодной мыслящей, всю премудрость сего вѣчнаго существа приписываютъ одному только

соединенію частей, чего несходнѣе съ разумомъ ничто быть не можетъ. Поелику частицы вещества неимѣющія разума, какъ бы оныя между собою плотно ни были соединенны, болѣе ничего не получаютъ, кромѣ новаго мѣстнаго къ другимъ отношенія. Но отсюда не возможно родиться въ оныхъ мыслямъ или разуму.

Сверхъ сего всѣ части состава сего шѣла или суть недвижимы, или разумъ онаго въ извѣстномъ нѣкоторомъ частей движеніи состоитъ. Если онъ недвижимъ, то онъ есть одна только тяжесть, а по сему я не знаю, какъ бы онаго силу различить отъ каждой пылинки въ особенности взятой.

Если же по мнѣнію ихъ изъ движенія частей происходитъ разумъ, то всѣ мысли необходимо должны быть случайны и ограничены. Ибо если всѣ частицы, чрезъ движеніе производящія разумъ, каждая порознь сами по себѣ не имѣетъ онаго; то онъ не можетъ управлять своими движеніями, а много паче управляемы быть разумомъ въ цѣломъ составѣ находящимся. Ибо когда разумъ не есть причиною движенія, (поелику въ такомъ случаѣ онъ былъ бы первѣйшимъ отъ движенія и

соста-

составлялъ бы чтонибудь внѣшнее), но дѣйствіе онаго: то свобода, могущество, выборъ, мысль и всякое основанное на разумѣ и премудрости дѣйствіе совсѣмъ уничтожатся. И такъ сіе мыслящее существо въ разсужденіи познанія ничѣмъ не будетъ превосходитье и умнѣе слѣпаго и грубаго вещества; ибо я не усматриваю, какъ различить утверждающихъ, что бытія всѣхъ вещей не иная какая причина, какъ случайное спечевіе пылинокъ, отъ тѣхъ, которые доказываютъ, что вещи производятъ разумъ, который равномерно и самъ силою случайнаго и слѣпосоставленнаго вещества управляется. Всѣ же тѣ нелѣпныя мнѣнія, которыя къ сему положенію относятся, (до какого бы числа они ни простирались), кромѣ вышеупомянутыхъ вычислять я за излишнее считаю. Ибо хотя бы сей мыслящій составъ составлялъ цѣлое вещество вселенной, или часть вещества; однако тому быть не лзя, чтобы всякая порознь взятая частица могла знать или свое собственное, или всякой другой частицы движеніе, равномерно какъ все вещество могло знать движеніе всякой частицы. И такимъ бы образомъ мыслями или движеніями своими въ состояніи было управлять, или по край-

ней мѣрѣ изъ движенія сего проистекающую какую либо мысль имѣть.

Есть еще нѣкоторыя, которые хотя и не спорятъ о томъ, что есть существо вѣчное, мыслящее и невещественное, но силятся доказать, что и вещество есть вѣчное. Мнѣніе сіе хотя не уничтожаетъ бытія Божія, однако, поелику первое оное и знаменитое его дѣло, то есть созданіе вещей, отвергаетъ, для того нужно оное подробнѣе рассмотреть. Они говорятъ, что не обходимо должно веществу быть вѣчному. Но почему? Поелику не лзя понять, какъ оно можетъ быть составлено изъ ничего. Но спрашиваю, для чего они сами о себѣ не думаютъ, что они вѣчны? Они скажутъ мнѣ, для того, что еще не больше какъ двадцать или сорокъ лѣтъ тому, какъ мы существовать начали. Но желалъ бы я, чтобъ они мнѣ сказали, что прежде всего составило начало ихъ существованія? Конечно не вещество, изъ котораго они составлены; что если такъ, то оное не есть вѣчное, а начинало тогда принимать на себя видъ и образованіе нынѣ усматриваемое членовъ. Но сей образъ и сіе собраніе частицъ не составляетъ существа мыслящаго таковаго, каковы они, (ибо у

меня

меня теперь дѣло идетъ съ тѣми, которые не спорятъ, что есть существо вѣчное, невещественное и мыслящее, но равномерно и немыслящее вещество утверждаютъ быть вѣчнымъ). Когда же существо оное мыслящее начало существовать? Ежели никогда, следовательно сею способностію мыслить, которую теперь имѣютъ, одарены прежде вѣкъ. Я не нахожу за нужное доказывать, сколь сіе мнѣніе несходно съ разумомъ, до тѣхъ поръ, покуда не сыщется такой безумный, который бы отважился оное утверждать. И такъ если бы они уступятъ, что мыслящая вещь можетъ быть изъ ничего, (что о всемъ не прежде вѣкъ существующемъ можно сказать) то чтожъ отнимаетъ сію возможность и отъ вещественнаго существа? Развѣ то, что вещественное всегда предъ глазами, а мыслящее удалено отъ наружныхъ чувствъ? Хотя прилѣжно разсматривающіе вещи скажутъ, что къ сотворенію вещества менѣе взыскуется силы, нежели къ сотворенію духа. Но спастись можетъ, что если бы мы, оставивъ общенародныя понятія, приложили стараніе размышленіями своими проникнуть и самую внутренность вещей: то могли бы хотя шемное получить о

помѣ познаніе, каково было вещество въ началѣ, и какѣ оно отъ всемогущества перваго онаго предвѣчнаго Существа начало бытія своего получить могло? Но какѣ всемогущая сила дала начало бытія духу? Сіе гораздо труднѣе постигать. А поелику сіе съ шѣми понятіями, на которыхъ нашего вѣка вся Философія основывается несогласно, то мнѣ не слѣдуетъ отъ нихъ отступать; и я не долженъ, хотябы сего одна Грамматика отъ меня требовала, изслѣдовать того, что вообще принятому мнѣнію противно; а особливо еще въ семъ мѣстѣ, гдѣ общее наше мнѣніе сему назначенію довольно служитъ, и безъ всякаго сумнѣнія показываетъ, что мы, допустивъ однажды произведеніе всѣхъ существъ изъ ничего, равномерно заключаемъ можемъ, что всѣ вещи, кромѣ одного Творца, такимъ образомъ могутъ быть сотворены.

Но скажешь ты, сходноли съ разумомъ допустить то, чтобъ могло чтолибо быть изъ ничего, когда сіе для насъ непостижимо? Нимало; во-первыхъ потому, что несходно съ разумомъ о всемогуществѣ безпредѣльнаго существа Сумнѣваться для того, что дѣйствія его намъ непостижимы. Такимъ образомъ мы и бытіе вещей отвер-

отвергаемъ, что способа ихъ произведе-
 нія постигать не можемъ. Мы не
 понимаемъ, какъ можетъ чтолибо
 двинуть тѣло съ мѣста на мѣсто, кро-
 мѣ столкновенія и сраженія съ онымъ
 сильнѣйшаго какого либо тѣла. Однако
 изъ сего не слѣдуетъ, чтобъ мы отвер-
 гаги примѣчаемое въ насъ самихъ
 тому противное, то есть во всѣхъ
 произвольныхъ нашихъ движеніяхъ, про-
 исходящихъ единственно отъ свобод-
 наго побужденія и разсматриванія ума,
 а не дѣйствующаго на наши тѣла слѣ-
 паго вещества; ибо въ такомъ случаѣ
 они не зависѣли бы отъ нашей воли. На-
 примѣръ, когда лѣвая моя рука нахо-
 дится въ покой, а правая пишетъ на
 бумагѣ: то откуда происходитъ въ
 одной рукѣ моей движеніе, а въ дру-
 гой покой? Конечно отъ воли и ду-
 шевнаго размышленія. Ибо перемѣнивъ
 мысль сію, вдругъ лѣвая будетъ
 въ движеніи, а правая останется въ
 покой. — Истинна дѣйствія сего намъ
 очень извѣстна; нужно оную только
 изъяснить такъ, чтобъ можно было вы-
 разумѣть; а тогда и самое произведе-
 ніе творенія мы удобно уразумѣемъ.
 Ибо изъясняющіе произвольное движеніе,
 приписывая новое опредѣленіе движе-
 нію жизненныхъ духовъ, вещи сей ни-

чѣмъ яснѣе не дѣлаютъ; поелику въ такомъ случаѣ не легче переимѣнить опредѣленіе движенія, какъ и произвестъ самое движеніе. Ибо нужно, чтобъ новое сіе жизненныхъ духовъ опредѣленіе или не посредственно чрезъ размышленіе, или посредствомъ другаго тѣла предлагаемаго нашимъ размышлевіемъ, было: а посему и движеніе оныхъ приписанобъ было размышленію. Однако ни одно изъ сихъ не дѣлаетъ произвольнаго движенія болѣе вразумительнымъ: но оное остается для насъ столько же, какъ и прежде, непонятнымъ. Между тѣмъ мы все остаемся ничѣмъ неумѣреннѣе въ судъ нашемъ при мѣрилъ чувствъ нашихъ, отвергающихъ возможность бытія всего того, чего мы понять не можемъ. Сіе значитъ приписывать или Богу ограниченную власть, или себѣ безпредѣльный разумъ. Если мы не знаемъ, какимъ образомъ бываетъ то, что внутри насъ въ предѣлахъ ограниченаго нашего разума происходитъ; то нѣтъ чему бы удивляться, если мы не знаемъ дѣйствій предвѣчнаго разума, безконечнаго и всемогущаго Бога, сотворившаго и управляющаго всяческая, не вмѣстимаго небесами небесъ.

*Перецель съ Латинскаго Филологической
при Императорскомъ Московскомъ
Университетѣ Семинаріи Студентъ
Михайло Антонскій.*

III.

Гласъ Божій къ челоуѣку.

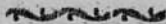
Внемли, о смершный, бодрымъ слухомъ,
 Внемли! Творецъ къ тебѣ гласитъ!
 Ещель ты ходишь смущенъ духомъ?
 Ещель въ тебѣ мой образъ спиитъ!
 На то ли онъ въ тебѣ вселился,
 Чшобъ самъ рабомъ рабу явился;
 И шѣло, вмѣсто чшобъ служишь,
 Надъ нимъ господствіе пріяло,
 И душу узами связало?
 Ещель ты можешь то сносишь?

Проспри свое повсюду око
 На все, чему я бышь судилъ;
 Вселенной поле зри широко,
 Гдѣ мудрость съ силой я явилъ!
 Найдешь ли ты передъ собою
 Величешвомъ иль красошою
 Какую предпочтенну шварь?
 Къ швоимъ услугамъ все спремится,
 Не ясноли опшолъ зришся,
 Чшо самъ въ тебѣ вселенной Царь?

Но ты забывъ свою шу цѣну,
 Забывъ меня въ душѣ своей;
 Постыдную шворишь премѣну,
 Равняясь съ низкой шварью всей!
 За Бога плошь свою считаая,
 Ея желаньямъ угождая,

Жизнь скопскую всегда ведешь!
 Раскаешься съ шоскою вѣчной,
 Когда, по жизни сей безпечной,
 Ты шбломъ вѣ землю мершвѣ пойдешь!

Дерзаешь часто предъ собою
 Меняжѣ, несмысленный, внишь,
 Почшо я съ волей шаковою,
 Тебя судилъ на свѣшѣ пуспитъ?
 Но швой разсудокъ постигаешь,
 Чшо онѣ безѣ пици исчезаешь:
 То можноль, разумѣ чшобѣ сіяль,
 Когдабѣ вѣ душѣ опѣяль я волю,
 Единуюбѣ съ скопами долю
 И пы, словесна шварь, вкушалъ.

Но могѣ ли пагубной спезею
 Хотя однажды пы спупитъ,
 Чшобѣ мыслью внушренно своею
 Себя вѣ шомѣ злѣ не укоритъ?
 Почпилъ ли дѣйствомѣ добродѣшель,
 Не бывши радостный свидѣшель
 Душевныхѣ внушрь тебя ушѣхѣ?
 Которы духу сколь пріянны,
 Тебѣ столь равно непонянны,
 Ошѣ мрачныхѣ разума пошѣхѣ.

Почшожѣ я силу шаковую,
 Судьей швоихѣ поставилъ дѣль?
 И истинну вѣ нее свяшую
 Тебѣ вѣ законѣ я впечатлѣль?

Не дляпоголь , чтобъ къ злу спремленье
 Себѣ въ ней зрѣло прешкновенье ,
 И воли не наруша правѣ ,
 Доброшы свѣшомѣ опдѣлилось
 Опѣ мрака , въ коемѣ зло сокрылось ,
 И въ шѣлѣбѣ здоровомѣ духѣ былѣ здоровѣ ?

Забвенно все сіе шобою !
 Твой идолѣ блещуще сребро .
 Твоей порочною ногою
 Попрано испинно добро ;
 Блаженство въ пышныхѣ шиплахѣ спавишь ,
 Свою всю мысль къ шому ты правишь ;
 Чтобѣ въ свѣшѣ оними сіяшь ,
 Хотя бы мнимое шо благо ,
 Чрезѣ тмершь и пагубу другаго ,
 Ты долженѣ былѣ всегда искашь .

Олшарѣ мой болѣ не куришя ,
 Священный огонь погасѣ на немѣ ,
 И храма зданіе валишя ,
 Гдѣ я въ величествѣ моемѣ
 Тобой былѣ прежде созерцаемѣ ,
 Въ дѣлахѣ достойно прославляемѣ ,
 И гдѣ ты могѣ пушь правый зрѣшь
 Кѣ селеніямѣ души блаженнымѣ ,
 Опѣ человекѣ удаленнымѣ
 Сего паденьемѣ въ вражью сѣшь .

Сбери всѣ силы распочесны ,
 Оштряши дремону очей ,
 И шрезвымѣ духомѣ ополченный ,
 Иди во слѣдѣ моихѣ лучей !

Ужасны шрудностей громады
 Презрѣвъ , ищи въ душѣ оспрады ;
 И симъ шы шествуя пушемъ ,
 Обрящешь паки рай веселый ,
 И плодъ швоихъ спараній спѣлый
 Сладчайшей пищей будешъ въ немъ.

Сочинилъ Папелъ Икосопъ.

IV.

ПРЕЛОЖЕНІЕ

Молитвы : Тебе Бога хвалимъ.

Тебя , Великій Боже , хвалимъ ,
 Тебя небеснаго Творца
 Чшимъ , исповѣдуемъ и славимъ ,
 Тебя предвѣчнаго Отца !

Тебѣ поютъ всѣ Херувимы ,
 Небесныхъ воевъ , силъ соборъ ;
 Тебя всѣ хвалятъ Серафимы ,
 Тебя Архангельскій весь хоръ.

Тебѣ всѣ Ангели взываютъ ,
 Святъ , святъ Господь Богъ Саваоѣ .
 И непрестанно восклицаютъ ,
 Ты Царь Царей и Богъ Боговъ !

Земля и небо шо являютъ ,
 Коль славенъ , мудръ шы и великъ ;
 Тебя немолчно прославляетъ
 Апоспольскій преславный ликъ.

Пророковъ множество вѣщаетъ
Твое величїе всякъ часъ ;
Тебя согласно воспѣваетъ
Пресвѣплыхъ Мучениковъ гласъ.

Ты въ Троицѣ по всей вселенной,
Свяшою церковію чпимъ :
Ты Богъ Опецъ, Богъ нерожденной,
Въ величествѣ непоспжимъ.

Ты истинный, единосущный
Ощу, единородный Сынъ !
Упѣшилель ты присносущный,
Богъ Духъ Свяшый ; ты Богъ единъ.

О ты родившійся отъ вѣка,
Хришошь, Мессїа, славы Царь !
Спасши прїемля челоука,
Ты волею спрадалъ за шварь.

Ты чрева дѣвы не опринулъ,
Смершь смершю своей попрадъ ;
Ты адскїа враша низринулъ,
Ты вѣрнымъ царство даровалъ.

Сидишь ты одесную Бога
Во славѣ своего ошца ;
Твоя щедроша, милосшь многа,
Нѣтъ милосердію конца.

Когда на землю ты приидешь
Судиши мертвымъ и живымъ,
Съ рабами въ судъ ты да не увидишь,
Проси грѣхи рабамъ своимъ!

Ты кровію своею честною,
О Господи, ихъ искупилъ;
Ты самъ ихъ примирилъ съ собою,
Ты ихъ отъ ада свободилъ.

Сподоби вѣчно со святыми
Во славу царствовать твоею!
Всели съ избранными своими,
Спаси, спаси своихъ людей.

Наслѣдіе свое избави,
Благослови ихъ и спаси;
Исправи, господи, исправи,
И ихъ во вѣки вознеси.

Благословимъ тебя, восхвалимъ,
Во вѣкъ, во вѣкъ вѣка и всѣ дни,
Твое мы имя во родъ прославимъ,
Ты отъ грѣха насъ сохрани.

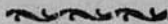
Къ тебѣ, о Господи, взываемъ,
Помилуй, пощади Ты насъ!
Да будешь, яко уповаемъ,
Твоя къ намъ милость всякой часъ.

На Тя, о Боже, уповаемъ,
 Ты намъ надежда завсегда;
 Когда къ тебѣ мы прибѣгаемъ,
 Не постыдимся никогда.

V.

*Душеспасительное размышленіе при по-
 зрѣніи на гробы и прахъ мертвыхъ.*

Почто надмененъ ты, почто, о человекъ!
 Ты еси земля и прахъ, и швой недологъ вѣкъ!
 Къ чему за славою и златомъ ты спремился?
 Чего желаешь ты? увы! и чѣмъ гордишься?
 Взгляни на гробы ты, на пепелъ сей воззри,
 И прахъ владѣшелей съ рабами разбери,
 Безумство распознай съ премудростью въ гроб-
 ницахъ,
 Пріятность, прелести найди въ исплѣвшихъ ли-
 цахъ!
 Въ нихъ скрыша молодость, въ нихъ скрышы кра-
 соты,
 Коль ты премудръ, смотри и различай ихъ ты!
 Не всѣ ли въ плѣнѣ они и въ прахъ преобращенны,
 Не всѣ ли вранами и вѣтромъ расхищенны?
 Помысли днесъ, и день послѣдній вображай!
 Тщешою, человекъ, души не заражай!
 Покуда время еси, исправи путь неправый,
 Мужайся, бодрствуй ты, сberi разсудокъ здра-
 вый;
 Не для себяль снишелъ на землю самъ Творецъ?
 Онъ муки претерпѣлъ, чшобъ дашь швоимъ ко-
 нецъ!

О дѣйство чудное! за грѣшниковъ страдаетъ
Самъ Богъ, идетъ на судъ, и смерть за насъ вку-
шаетъ!

Творца вселенныя судишь дерзаешь пварь!
Ты дѣло рукъ его, а онъ швой Богъ и Царь:
Но онъ распяшъ за насъ, источникъ льется крови!
Се милоспей его къ намъ опышъ и любви!
И ты ли не радишь о семъ, о человѣкѣ!
Ты спишь не чувствуя, что швой проходишь вѣкѣ!
Ты жизнью вѣчною Спасишелю обязанъ,
Грѣхами былъ бы ты во адѣ вѣчно связанъ.
Онъ кровію своей жизнь нашу искупилъ,
Онъ жало смершнаое у смерти пришупилъ!
И что же ты ему приносишь въ воздаянъе
За раны многія, за муки и спраданъе?
Не должнымъ мы его и славимъ и любимъ?
О! ешьлибъ за него ты кровь хощѣлъ пролишь,
Все мало будешъ то для грѣшника шакова!
Иное кровь швоя, иное кровь Христова.

Раскаяніемъ смерть свою предупреди,
Возьми свой крещъ, и въ пушь ты за Христомъ
гряди.

Коль въ жизни человѣкѣ приноситъ покаянъе,
По смерти за дѣла получишъ воздаянъе;
Но ешьли на землѣ свой долгъ пренебрежешь,
То знай, что вѣчною ты смершію умрешь!

VI!

С Т А Н С Ы.

Подвергни Господу ты сердце несомнѣнно,
Не бойся клеветы людской и ихъ суда!
Обиды также ихъ, какъ существо ихъ плѣнно,
Обиды смершнаого не ешь тебѣ бѣда.

Коль совѣсть швоея души не зазираешъ,
 Полезно клеветы и горести шерпѣшь;
 На Бога кто свою надежду возлагаешъ,
 Спокойно будешъ шомъ на всѣ напасши зрѣшь.

Чѣмъ больше говоряшъ, шѣмъ меньше вѣришь должно;
 Доколѣ люди ешь, пребудешъ клеветаша.
 Любиму всѣми бышь во свѣщѣ не возможно:
 Не льспися шѣмъ, и знай, что все сіе мечша!

Спасенъе коль однимъ и пользу ты приносѣшь,
 Другіе восшаюшъ со злобой на тебя.
 Но ешьли Господа съ смиреніемъ ты просишь,
 Тебя защишишъ онъ; вручи ему себя!

Онъ знаетъ все, и онъ невинность защищаешъ;
 Съ смиреніемъ сноси обиды и напасшь.
 Не злобны души Богъ, но крошки возвышаешъ,
 Себя и чувстваша всѣ ошдай ему во власть!

Почто тебѣ ропшашъ, и шѣхъ суда бояшся,
 Кошоры нынѣ ешь, но завтра будушъ прахъ;
 Ты гнѣва Вожія лишь долженъ ужасашся,
 Да судъ единъ его тебя приводитъ въ страхъ.

Ни злосшь, ни клеветаша не могушъ быши вредны;
 Чшо можешъ человекъ, когда защишникъ Богъ?
 Не ты, враги швои ошашся должны бѣдны,
 Богъ къ крошкимъ милосердъ, но ко злодѣямъ
 (спрогъ.

VII.

КРАТКІЯ ИСТОРИИ,

I.

Виргиній и Аппій, или ужасное защищеніе цѣломудрія и безстыдное непракосудіе.

ВЪ наши времена дѣвицы употребляютъ искусство, дабы казаться въ совершенномъ возрастѣ, и съ молодыхъ лѣтъ помышляютъ уже о порочной любви. *Гораций.*

Нѣтъ сомнѣнія, что цѣлому народу служитъ къ чрезвычайной славѣ то, естли между онымъ какіялибо безчестія и ужасные пороки повѣствуютъ за нѣчто неслыханное и за чрезвычайно-достопамятную рѣдкость. Почему естли въ древнихъ исторіяхъ какого народа примѣчено будетъ, что или имена учинившихъ преступленія означены со всякою подробностію къ вѣчному стыду оныхъ, либо извѣстное преступленіе подало поводъ ко многимъ нестроеніямъ въ государствѣ: то съ величайшимъ удостовереніемъ заключить можно, что таковое преступленіе было между онымъ народомъ чрезвычайно рѣдко, и пошому таковыя повѣсти служатъ вмѣсто самыхъ прекрасныхъ похвальныхъ словъ, какія токмо оному служить могутъ. Съ коликимъ удивленіемъ и уваженіемъ должны мы обратить на-
ше

ше вниманіе на древнихъ Римлянъ, относительно до цѣломудрія у нихъ женскаго пола. Въ первыхъ вѣкахъ по созданіи Рима почти со всѣмъ неслышно было, чтобъ женщина въ немъ вела жизнь свою безчестно. Ибо намъ извѣстны имена всѣхъ Веспальскихъ дѣвицъ, нарушившихъ дѣвство свое. Причиненное Лукреціи безчестіе произвело перемѣну въ цѣломъ политическомъ тѣлѣ. Цари были свержены, чрезъ что Римъ и получилъ свою свободу. Въ 304 году потомъ избраны были десять мужей главнѣйшими Старѣйшинами въ государствѣ, которые должныствовали излагать законы. Симъ Децемвирамъ надлежало править погодно; однакожь они сію высочайшую власть присвоили себѣ еще свѣше того времени, и сдѣлались жесточайшими тиранами. На слѣдующемъ году одинъ изъ нихъ, по имени Аппій, покусился растлѣить одну дѣвицу, а сіе произшествіе, соединясь съ другими причинами, весь Римъ привело паки въ такое движеніе, что тираны были пригнѣнены, и древняя вольность вдругорядъ возстановлена была. Сіе приключеніе поль нравоучительно и чувствительно, что мы надѣемся нашимъ читателямъ сдѣлать тѣмъ удовольствіе, когда имъ сообщимъ оное.

Виргиній, который происходилъ не изъ знатнаго поколѣнія, имѣлъ у себя одну дочь, которая была еще весьма молода, и не имѣла болѣе, какъ пятнадцать лѣтъ отъ роду. Она створена была за Ицилія, бывшаго предъ шѣмъ однажды Трибуномъ народнымъ. Красота ея столь была превосходна, что не находилось ей подобной въ Римѣ. Вскорѣ по кончинѣ ея матери поручена она была подъ смотреніе нѣкоторыхъ женщинъ, которыя пеклись о ея воспитаніи. Аппій, увидя ее по случаю, столько заразился ея прелѣсьми, что ни о чемъ иномъ не думалъ, какъ о средствахъ къ удовлетворенію порочной своей похоти. На сей конецъ велѣлъ онъ употреблять къ искушенію Виргиніи (такъ называлась сія красавица) всѣ способы, какія токмо неистовая страсть изобрѣсть можетъ; однако онъ въ непобѣдимомъ цѣломудріи сей особы всегда находилъ оборону отвращающую отъ нея всѣ его нападенія и покушенія. Такимъ образомъ онъ видя, что ея строгое наблюденіе честности опнімало у него всю надежду склонить ее на свою сторону, принялъ прибѣжище къ насилію. Произведеніе сего въ дѣйство положилъ онъ на одного своего любимца, который назывался Клавдіемъ, наставивъ его со-

вершен-

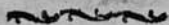
вершено во всемъ, что ему дѣлать надлежало. Онъ былъ смѣлъ и безстыденъ, и принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые у великихъ порочными шокмо услугами приходящъ въ любовь, раболѣпствуя ихъ склонностямъ. Въ одинъ день, какъ Виргинія съ своею надзирательницею пошла въ публичное училище, то сей забывшій честь бездѣльникъ встрѣпившись остановилъ ее, и говорилъ, что она ему принадлежитъ, какъ крѣпостная невольница, и потомубъ слѣдовала за нимъ въ его деревню; въ противномъ же случаѣ принудитъ онъ ее къ тому силою. Виргинія отъ ужаса поражена стала какъ бы громовымъ ударомъ, была безъ памяти, трепетала отъ ужаса, и не понимала ни слова изъ слышаннаго ею. Надзирательница подняла великой крикъ, и просила народъ о помощи. По всюду разносилось имя Виргинія, отца ея, и Ицилія, будущаго ея супруга. Сбѣжавшіеся ея родственники и друзья, также и посторонніе чрезвычайно были поражены симъ зрѣлищемъ; чрезъ что и приведена она была отъ насилія въ безопасность. Клавдій, ставъ говорить учтиво и ласково, сказалъ, что не нужно начинать шумъ, ибо онъ не намѣренъ употреблять насильствія, но поступитъ по

обыкновенному праву. Послѣ чего требова-
валъ онѣ дѣвицу въ судѣ, которая и пошла
за нимѣ, по совѣту ея родственниковѣ.

Какѣ предстали предѣ судѣ Аппія,
то Клавдій рассказывалѣ свою басню, ко-
торую онѣ еще прежде выдумалѣ съ
Судьею. Онѣ предлагалѣ, будиобѣ сія
дѣвица родилась отѣ одной его неволь-
ницы, которая съ нею ушла отѣ него
къ женѣ Виргиніевой. А какѣ она дѣ-
шей не имѣла, то и приняла ее за свою
дочь, и сіе онѣ споль ясно доказать въ
состояніи, что и самѣ Виргиній отѣ то-
го не оспорится. Между тѣмѣ, какѣ
сіе спорное дѣло не могло быть рѣше-
но, по причинѣ отсутствія Виргиніева,
то и просилѣ онѣ записать его госпо-
диномѣ сея нарицаемая невольницы.
Аппій согласясь на его прозьбу подтве-
рдилѣ оную своимѣ приговоромѣ, хотя
чрезѣ то нарушилѣ самѣ законы, кото-
рые не задолго издалѣ съ своими това-
рищами. Послѣ таковаго Аппіева при-
говора Виргинія и провожавшія ее жен-
щины залились слезами, испуская без-
прерывные вздохи; всѣ предстояшіе
исполнены были досады и огорченія,
но никто не осмѣливался открытъ свои
мысли. Ицилій началѣ во весь голосѣ
кричать, продираясь сквозь толпу,
для защищенія своей Виргиніи. Пріставѣ,

оттолкнувши его сильно назадъ, сказалъ, что приговоръ уже сдѣланъ. Ицилій, который былъ съ природы весьма горячъ, не могъ терпѣливо перенести сего поруганія. „Обнаженнымъ противъ меня мечемъ, сказалъ онъ Аппію, долженствуешь ты прогнать меня, естли помышляешь заимить всенародное признаніе безчестныхъ твоихъ умысловъ. Я долженъ на сей особѣ женишься, но женишься какъ на цѣломудренной дѣвицѣ. Собери, когда хочешь всѣхъ твоихъ приставовъ, возьми ихъ же и отъ твоихъ поварищей, повели приуготовить всѣ орудія казни: но невѣста Ициліина не будетъ похищена изъ дому ея родителей. Когда ты и твои поварищи опровергнули у Римскаго народа подпоры ихъ вольности, то не думайте же однако, чтобъ вы для удовлетворенія страстей своихъ могли употреблять тиранскую власть противъ нашихъ дѣтей и женъ. Проспирайте оную, естли имѣете въ томъ удовольствіе, надъ нами самими; но цѣломудріе нашихъ женъ да будетъ безопасно отъ вашей наглости. „ Ицилій говорилъ еще болѣе сему подобнаго увѣряя, что онъ развѣ съ потерянiемъ жизни оставитъ смѣлость, и отступитъ отъ твердаго

предпріятія, которое ему вливаетъ законная и чистая любовь, дабы защитить свободу назначенной ему невѣстны.

Аппій видя, что весь народъ пришелъ въ волненіе, и готовъ былъ пуститься въ крайность, нѣсколько удержался отъ своего намѣренія, повелѣлъ отпустить Виргинію, съ тѣмъ однакожъ опредѣленіемъ, что если Виргиній на слѣдующій день не явится предъ судъ, то онъ приговоръ свой произведетъ въ дѣйство во что бы то ни стало. Какъ скоро пріѣхалъ въ свой домъ, то описалъ къ своимъ товарищамъ, находившимся при войскахъ въ полѣ, прося ихъ, чтобъ они Виргинію никакъ не позволяли сплутаться, а напротивъ того содержалибъ подъ крѣпкою стражею. Однако сіе было уже поздно. Виргиній лишь только свѣдалъ о произшествіи, то и собрался уже къ обратному пути въ Римъ.

Слухъ о прибытіи Виргиніею въ Римъ хотя и привелъ Аппія въ смятеніе, однакожъ ни мало не укротилъ его страсти. Въ слѣдующій день на разсвѣтѣ пошелъ Виргиній съ своею дочерью въ публичное судилище. Не лзя было на Виргинію смотрѣть безъ чувствительнѣйшаго о ней состраданія. Она показалась въ печальномъ и неуборномъ видѣ, пасмурное и потупленное ея лице,

це, томныя и слезами заливающіяся глаза, сіяніе ея красоты, которое и сквозь пучу печали блистало, поражали сердца наисильнѣйшимъ образомъ: отецъ ея, бывъ неутѣшнѣе ея самой, простиралъ руки къ своимъ согражданамъ, и просилъ ихъ о помощи. Онъ представлялъ имъ съ чувствительностію свое несчастіе, сопряженное съ опасностію, которой они и сами подвержены въ разсужденіи своихъ женъ и дочерей. Ицилій съ своей стороны не упустилъ также упребишь къ тому всѣхъ возможныхъ мѣрѣ.

Наконецъ появился и Аппій. Клавдій повторялъ свое требованіе, жалуясь при томъ, что вчерашняго дня не поступлено было съ нимъ по справедливости. Виргиній опровергалъ его слова самыми неспоримыми доказательствами, однакожь не смотря на то Аппій приговорилъ Виргинію отдать Клавдію. Всѣ предстоявшіе, слыша таковой приговоръ, подняли руки къ небесамъ, и производили вопль отъ печали и негодованія. Аппій велѣлъ чрезъ своихъ приставовъ и солдатъ, которыхъ онъ привелъ съ собою, отогнать народъ, и дать мѣсто Клавдію, дабы могъ отвести къ себѣ свою невольницу. Народъ отступилъ, и несчастная Виргинія должна была учиниться добычею ея похитителя. Отецъ при-

прибѣгнулъ къ отчаянію, и тотчасъ предпріялъ ужасное намѣреніе. Онъ испрашивалъ себѣ милости у Аппія, чтобъ ему позволено было, опозвавъ на сторону кормилицу его дочери, распросить ее обо всемъ обстоятельно въ присутствіи ея самой, дабы отвѣтами ея удостовѣриться объ истиннѣ, и чрезъ тобѣ получить отпращу въ своей печали. Сіе ему съ охотою позволено было. Толпа народная раздавшись очистила ему мѣсто. Онъ, отведши дочь свою съ кормилицею ея въ сторону, повелъ ихъ нечувствительно за мясной рядъ, гдѣ взявъ въ руки ножъ, сказалъ своей дочери: вотъ единое средство, любезная моя дочь, къ сохраненію и чести твоей и свободы! Послѣ чего пронзивъ ея грудь, и держа въ верхъ окровавленной свой ножъ вскричалъ: за сію невинную кровь буди проклятъ Аппій; да пожрутъ тебя подземныя пропасти!

Безъ сомнѣнія читатели, имѣющіе чувствительное сердце, съ удивленіемъ будутъ сожалѣть о безвинной и любви достойной дѣвицѣ, которая учинилась кровавою жертвою ея непорочности. Они въ нерѣшимости будутъ, судя объ отцѣ, который для сохраненія непорочности единородной своей дочери, обогрилъ варварски свои руки въ крови ея,
одна-

однако такъ, что едва можешь себѣ за-
то имѣть нареканіе. Нашимъ време-
намъ отнюдѣ неизвѣстны таковыя ве-
ликія дѣла; и цѣломудренныя Виргиніи
нынѣ суть сокровище почти намъ не-
извѣстное. Мы не хотимъ быть столь-
ко несправедливыми, чтобъ прошивъ
всякихъ опытовъ охулить всѣхъ нашего
времени дѣвицъ, относительно до цѣло-
мудрія; а хотимъ сказать только то,
что мы въ наши времена не столько
счастливы, чтобъ сладострастіе и рас-
пуство почитаемы были рѣдкими по-
роками. Большая часть молодыхъ дѣвицъ
прежде замужняго своего возраста уже
умѣютъ изъясняться въ любви. Волоки-
ты не имѣютъ нужды употреблять
явное насиліе, и ломаютъ себѣ голову въ
изысканіи хитрыхъ способовъ; ибо по-
стыдная ихъ страсть безъ малѣйшаго
запрудненія находитъ себѣ еще больше
пищи, нежели сколько ей потребно, и
что еще болѣе доспойно сожалѣнія, то
премногіе родители столь мало пекут-
ся о цѣломудріи своихъ дочерей, что
они, воспитывая ихъ слабо, сами бываютъ
причиною порочной ихъ жизни. Любви
достойная дѣвица должна помыслить,
что съ нарушеніемъ невинности и дѣв-
ства лишается она всѣхъ истинныхъ
своихъ прелестей. Хотя мы ни единой
изъ

изъ добронравныхъ отроковицъ не желаемъ, чтобъ она доведена была до такихъ обстоятельствъ, каковыя случились съ несравненною и сожалѣнія достойною Виргиніею: однако желательнo, чтобъ всѣ нашихъ временъ дѣвицы возымѣли прежній духъ женскаго пола у Римлянъ, и согласились бы лучше умереть, нежели нарушить свое цѣломудріе.

2.

Неправый искъ.

Одна молодая дѣвица, жившая въ городѣ Болоніи, что въ Италіи, будучи изнасилована однимъ молодымъ человекомъ, просила на него за сіе причиненное ей безчестіе въ судъ. Молодой тотъ человекъ былъ предъ судью призванъ и допрашиванъ въ преступленіи; въ кошоромъ однако онъ не хотѣлъ признаваться, но сколько можео старался еще въ томъ совершенно выправиться. Всѣ сіи усилія съ его стороны были тщетны. Судья искусными запросами заставилъ его непримѣтно подвурѣчить. Онъ былъ обвиненъ, и долженъ былъ заплатить великой денежной штраФъ, которой туть же предъ судьею и былъ истицъ ошданъ. Истица съ такою жадностію и удовольствіемъ деньги оныя схватила, что тѣмъ привела всѣхъ находившихся туть, а особли.

особливо судью въ великое удивленіе; что самое и принудило судью минути спуская, тогоже самаго молодого человека научить, дабы онъ достигши отнялъ у нее полученные ею деньги, если онъ будетъ въ состояніи то учинить. Молодой человекъ исполняя повелѣніе судьи погнался въ слѣдъ за нею, напалъ на нее, и старался сколько могъ отнять у нее деньги. Но усилія его были тщетны. Дѣвица не только не была ограблена, но и возвратилась съ великою запальчивостію и гнѣвомъ жаловаться на него предъ судью; она жаловалась говоря, что тотъ же самый похититель ея дѣвства хотѣлъ еще и ограбить ее. Отнялъ ли онъ у тебя ихъ? спросилъ судья дѣвицу — Нѣтъ, отвѣчала она, онъ никогда не будетъ въ силахъ отнять ихъ у меня — Дорогая моя красавица, сказалъ судья, я теперь приказываю тебѣ деньги сіи отдать ему назадъ; потому что ты ихъ несправедливо получила. Ибо если бы ты съ такою же храбростію защищала отъ него свое дѣвство, то бы онъ равнобрно не былъ въ состояніи лишить тебя онаго. Поди прочь съ глазъ моихъ, и да научитъ сей судъ всѣхъ тебѣ подобныхъ, что не будетъ ни одна во всю мою жизнь оправдана вносящая въ судъ подобный твоему искъ.

VIII.

V E R S.

A Monsieur le Comte du Nord, recitès à la séance de l'Académie Française l'an. 1782. le 27 du Mai, par Mr. de la Harpe.

Pierre est votre modele, en votre ame il respire,
 Pour se créer un peuple, il quitta son Empire,
 A meriter la gloire instruit par les travaux,
 De ses profonds dessins sa grandeur fut l'ouvrage;
 Il fût voir, & penser & voïager en sage,
 Avant de regner en heros.

Au loin dans l'avenir sa vûe alloit s'étendre,
 Capable de tout faire, il voulu tout entreprendre,
 Interroger les cours, observer les états,
 L'étude infatigable y conduisit ses pas.
 Tandis qu'il parcouroit cette carrière immense,
 La méditation le suivit en silence
 Et lui dévelopa tous les secrets des arts,
 Qui fondoient son ame en charmant ses regards.
 Riche de leur conquête il couvrit la Russie
 Des trésors amassés dans son vaste genie,
 Séma dans les déserts, qu'il changeoit en cités,
 Les germes que leur sol n'avoit jamais portés,
 Les fruits que transplantoit sa main savante & sûre,
 Les fruits, dont CATHERINE embellit la culture.

Aujourd'hui ce grand Homme ouvre les yeux sur Vous,
 Son ombre est de vos pas la compagne assidue;
 Et pour voir Son Neveu au Louvre descendu

Vous contemple assis parmi nous,
 Dans ce meme Lycée, où jadis sa présence
 Honora les beaux arts, qui regnoient dans la France,

VIII.
СТИХИ

*Его Сіятельству Графу Сѣперному, го-
поренные въ присутствіи Его по
Французской Академіи Господиномъ
де-ла-Гарпомъ, 1782 года, Маія, 27 дня.*

ВЕЛИКАГО ПЕТРА въ себѣ ты намъ явилъ,
Народъ онъ претворишь съ престола нисходилъ.
Онъ славу истинну въ трудахъ приобрѣшая,
Во всѣхъ своихъ дѣлахъ величіемъ блистая,
Сперва, какъ Философъ все испыталъ собой,
Потомъ онъ царствовалъ, какъ истинный Герой,
Провидя далеко и въ будущее время;
Могущій дѣлать все несъ крошко Царства бремя,
Успѣшно, счастливо онъ все предпринималъ;
Внимательно спраны чужія посѣщалъ.
Въ сей пушъ стопы Его ученье направляло,
И размышленіе Его не оставляло;
Онъ съ онымъ таинства художествъ открывалъ,
Искусства, знанія, науки познавалъ;
Познаніемъ Его Россія просвѣтилась,
Сокровищемъ Его ума обогатилась;
Въ степяхъ, гдѣ грады зримъ мы въ сіи времена,
Онъ новыя совѣмъ посѣялъ сѣмена,
Плоды, яшо намъ Его десница насадила,
ЕКАТЕРИНИНА рука произрастила.

Герой сей на Тебя возводишь очи днесъ,
Божественная шѣнь Его съ тобою здѣсь;
Онъ Правнука себѣ подобнаго дѣлами
Съ весельемъ въ Луврѣ зришь сидящаго межъ нами,
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ своимъ присутствіемъ Онъ самъ
Науки здѣшнія почтилъ, пріѣхавъ къ намъ.

Il vint les conquérir & vous les possédez.
 Que ces manes émus d'une noble tendresse !
 Doivent à votre aspect tressaillir d'allégresse !
 Que son peuple hâtant ses destins retardés
 Venge le long oubli, qui couvrit ses ancêtres !
 Grace à vos progrès, à vos hardis travaux !
 Russés, ceux qu'autrefois vous appeliez vos maîtres
 En vous avant le tems ont trouvé les riveaux ;
 La Baltique blanchit sous vos nombreux vaisseaux
 Et porte avec orgueil vous pouppes triomphales,
 Elle baigne à Cronstat, ces arçonaux, ce fort,
 Cet immense dépôt des richesses navales.
 Et ce genie altier, le Dieu des mers du Nord
     Dû fond de son palais de glace,
 Se revallant au bruit de vos fiers armemens
 Vient s'asseoir sur vos bords, où la victoire entasse
     Les depouilles des Ottomans.
 Vous mêlez dans vos yeux la pompe Asiatique
 Et des Européens le luxe ingénieux,
 Et l'appareil guerrier, l'attribut héroïque
     Des Scythes, vos premiers ayeux.
     Moscou celebrant vos conquetes
 Du capitoile antique a tetracé les fêtes ;
     Et ce spectacle si vanté,
 Ce comble des grandeurs, où peut atteindre l'homme
 Pour la première fois à sa solemnité ;
 Ajoint ce qui manquoit aux triomphes de Rome,
     La justice & l'humanité :
 Mais ce n'est point cesser d'être grand, redoutable,
 La gloire s'embellit du talent d'être aimable.
 Les leçons de neuf Sœurs, le gout, l'urbanité,
 Tous les arts, ornemens de la société,

Онѣ ихѣ снискалъ, онѣ въ Россіи пребывающѣ;
 Съ коликимѣ въ ней онѣ успѣхомѣ процвѣтающѣ!
 Какую радость взгляды Твой возбуждающѣ въ нихѣ!
 Уже Россіяне за предковѣ днесь своихѣ
 Своею славою забвенію отмщающѣ;
 Дѣла, успѣхи ихѣ о нихѣ по всѣмѣ вѣщающѣ.
 О Россы! коихѣ вы учителями чли,
 Тѣ нынѣ въ васѣ уже источникѣ нашли:
 Вы обладаете Бальшійскими водами,
 Покрыта вашими поверхность ихѣ судами;
 Онѣ гордяся шѣмѣ, что въ сихѣ странахѣ пекушѣ,
 Флотѣ торжествующій къ Кронштаду вашѣ не-
 (сущѣ,
 Къ тому хранилищу изѣ странѣ чужихѣ богатства.
 Богѣ сѣверныхѣ морей среди морскаго Царства,
 Оружіемѣ спрашный звукѣ и ополченій громѣ
 Услыша, воспрянулѣ, оставя льдистый домѣ,
 Идещѣ на оный берегѣ, по мѣсто посѣщающѣ,
 Гдѣ славу вашихѣ дѣлѣ побѣда всѣмѣ вѣщающѣ.
 Вы Азіатскую всю пышность сохраняя,
 Съ великолѣпіемѣ Европы сѣдидя,
 Являете духѣ твердѣ, являете геройство,
 Являете въ себѣ по древнихѣ Скиѣовѣ свойство.
 Москва со славою со множествомѣ ушѣхѣ,
 Такѣ празднуещѣ, какѣ Римѣ оружія успѣхѣ;
 великолѣпное шоль зрѣлище являющѣ,
 Какого въ первый разѣ узрѣшь никшо не чающѣ,
 Чего не достаетѣ въ твоихѣ Триумфахѣ Римѣ,
 Она по придаетѣ къ веселостямѣ своимѣ;
 Въ нихѣ челоѣчество и справедливость зрится,
 А симѣ всякъ болѣе великъ и спрашенѣ чѣишся;
 Сей дарѣ любимымѣ бышь, есть славы лесный видѣ:
 Вкусѣ, добронравіе, бесѣда Аонидѣ.

Le secret de jouir , le desir de connoître ;
 Les plaisirs épurés que l'étude fait naître ,
 Seuls des peuples polis achevent le bonheur ;
 Font cherir encore plus les vertus d'un grand coeur.
 Les vôtres ont ce charme ; oui, Prince , & leur puissance
     Nous fait sentir , que desormais
 Les Russes, heureux en tout, ne peuvent pas aux François
     Envier, que votre présence.
 Le pauvre près de vous trouve la bienfaisance,
 Tout ce qui Vous approche y trouve la bonté,
     Avec Vous le sage s'éclaire ;
     Votre enjouement, Votre gaité
 Au courtifan jaloux apprendroit l'art de plaire.
     Le talent par Vous écouté,
     Apprend à juger son ouvrage
 Et de votre entretien remporte un vrai suffrage
     Et le plaisir d'être goûté.
     Deja, Prince, Votre jeunesse
 Du sang, dont Vous sortez, a rempli la promesse ;
 L'héritage brillant qui Vous est présenté,
 Avant de l'obtenir Vous avez mérité ;
 Vous connoissez le poids du rang, qu'on Vous destine,
 Epoux de Wirtemberg & fils de CATHERINE.
     Le bonheur de toutes les deux
 Est le prix le plus doux d'un coeur tel que le Vôtre.
 Et quel païs jamais peut offrir à vos yeux
 Rien de plus beau que l'une, & de plus grande que l'autre !

Науки, ремесла всѣхъ обществъ украшенъе,
 Ушѣхи чистыя раждающе ученъе;
 Пріятность ихъ имѣшь, желанъе ихъ познашь,
 Народамъ счастливый вѣкъ могушь даровать,
 Чинишь добродѣтели ихъ болѣ понуждають.
 Россіане Твои, о Князь, симъ обладають;
 Являешъ сила ихъ и счастье во всемъ,
 Чшо Россы нынѣ намъ завидовать ни въ чемъ
 Не могушь, какъ лишь въ шомъ, чшо Ты, Князь,
 съ нами нынѣ.
 Отраду при Тебѣ зрѣшь бѣдный въ злой судьбинѣ,
 Всякъ хочетъ бытъ съ Тобой; Ты всѣхъ къ себѣ
 (влечешь:
 Ученымъ свѣтъ своей бесѣдой подаешь,
 Пріятнымъ видомъ Ты любовь во всѣхъ вливаешь,
 Наукъ нравишься придворныхъ научаешь;
 Сіе достоинство, чшо сказано днесъ мной,
 Даетъ узнашь, даетъ цѣнишь, судишь плодъ свой;
 Она Тебѣ хвалу достойную раждаетъ,
 И находясь въ Тебѣ, Тебя шѣмъ услаждаетъ.
 О Князь! уже въ своей Ты юности явилъ,
 Чья кровь въ Тебѣ; Ты всѣхъ надежду подтвердилъ.
 Еще не увѣнчанъ Ты будучи короной,
 Уже Ты показалъ, чшо Ты достоинъ оной;
 Ты знаешь бремя то, чшо понесешь одинъ,
 МАРИИНА Ты Супругъ, ЕКАТЕРИНИНА Сынъ.
 Великихъ счастье сихъ душъ то составляетъ,
 Чшо сердце къ нимъ Твое любовію пылаетъ.
 Чшо лучше, болѣ Твой зракъ, Твой духъ найдетъ?
 Одной прекраснѣй нѣтъ, другой дивнѣе свѣтъ!

IX.

НАСТАВЛЕНІЕ

МОЛОДОМУ СУЕТОНУ,

вступающему въ свѣтъ.

Когда ты, Суешонъ, во свѣтъ теперь вступаешь,
И благороднымъ въ немъ почестья ты желаешь,
Коль хочешь жизньъ свою по модѣ проваждать:
Законы нужные ты долженъ наблюдать.

Не бывши просвѣщенъ нравоученемъ моднымъ,
Не можешь въ публикѣ казаться благороднымъ,
Поспой, остановись, помедли въ свѣтъ вступаешь,
И прежде научись какъ должно поступать.

По модѣ ты чешись, по модѣ одѣвайся,
Румянься и бѣлись, духами окропляйся,
Помадою шупей душистою свой мажь,
Приборной, щегольской, имѣй явы экипажъ,
По улицамъ скачи, леши, какъ вихрь несися,
Тони, дави людей, и шѣмъ превозносія;
Французскимъ языкомъ и въ рускомъ щеголяй;
Что вздумаешь, то ври; но въ вѣкъ не размышляй.

Ты долженъ спыдъ изгнашь, ученіе оставишь,
Безспыдство вмѣсто ихъ съ невѣжесвомъ возставишь;

Себя ты внутренно всѣхъ лучше почитай,
Не слушай никого, одинъ лишь все болтай;
Суди о всѣхъ вещахъ, хоть ничего не знаешь,
Ты симъ почтеніе себѣ приобрѣтаешь.

Всѣ знанія и всѣ науки отметамай,
Однѣ лишь басенки и пустоши читай;

Люби лишь оперы, комедии, романы,
 Спихами наполняй любовными карманы;
 Изъ философскихъ книгъ ты развѣ шѣ имѣй,
 Что душу съ вѣчностью глошаютъ у людей.
 Хоть ты и азбуки еще не разумѣешь,
 Однако дѣлай такъ, что будуще все умѣешь;
 По модному себя роскошно ты веди,
 Богатымъ кланяйся, на бѣдныхъ не гляди;
 Передъ чиновными ты подло унижайся,
 Надъ низшими гордись, а часто и ругайся,
 Подвласными тебѣ не очень дорожи,
 Иль изрѣдка ты имъ видѣ милости кажи.
 Не нравы почитай, но платье и уборы,
 Кшо щегольски одѣшъ, входи съ шѣмъ въ разгово-
 воры.

Достоинство, чины за денги покупай,
 Въ военную одну ты службу лишь вступаай.
 Чшо нужды, чшо однимъ лишь именемъ ты слу-
 (жишь?)

И лежя на боку ты чинъ себѣ получишь;
 Любовницъ такъ же ты съ полсотни подбери,
 Пришворною ко всѣмъ любовію гори.
 Не рѣдко шѣмъ хвались, чшо видомъ лицемѣрнымъ
 Красавицъ ты прельстя, имъ сдѣлался невѣрнымъ.
 Кокешокъ иногда за денги ты люби,
 Но вольности своей женидъбой не губи;
 Будь вѣчно холосшымъ, женись лишь на богатствѣ;
 Съ женою разведись, такъ водись въ дворянствѣ.
 Учись во всѣ игры ты модныя играй,
 Всѣхъ каршъ примѣшты знай, умѣй ихъ подбирать,
 Выдергивай, воруй проворно, оспорожно,
 чрезъ каршы получишь Министра дружбу можно.
 Крестьянъ ты разоривъ продай иль заложь,
 И денги взявъ за нихъ на каршу положи.

Коверкайся, вернись, какъ будпо на пружинѣ,
Будь скошѣ, будь безѣ души, подобенѣ будь ма-
(шинѣ.

Ужимокѣ модныхѣ пы и жестовѣ не щади,
Ногами шаркая по комнашамѣ ходи;
На стулѣ сидючи шянись, вернись, качайся,
Тряси, спучи ногой, кривляйся, величайся;
Свисни, пой, хохочи, вѣ ладоши бей, щелкай;
По модному крехти, плюй, харкай и сморкай.
Когда пы сѣ женщиной вступаешѣ вѣ разговоры,
Меди ей всякой вздорѣ, хвали ея уборы,
Во всемѣ ей угождай, шверди ей о любви,
И словомѣ пы во всемѣ по модному живи,
Ещежѣ знашь всякому попребно офицеру,
Оспорить вѣ полчаса и опорочить вѣру,
Тугашѣ того, кто вѣ постѣ не хочешѣ мяса ѣсть,
Онѣ двухѣ, пы говори, не смыслишѣ перечешѣ.
Сѣ презрѣннемѣ смѣйся пы всегда надѣ стариками,
Язви насмѣшками, считай ихѣ дураками.
Будь модный вершопрахѣ, во всемѣ будь удалъ-
(цомѣ,
Не можно безѣ сего бышь прямо молодцомѣ;
Похвально, естли пы обиды не прощаешѣ,
Безчестенѣ будучи честь шпагой защищаешѣ.
Ты смѣло безѣ вины соперника рази,
За грубыя слова и друга грудь пронзи,
И самого себя пы не щади вѣ напаси.
Ѣшь, пей и веселись, во всѣ вдавайся спраси.
Надѣ добродѣшелью побѣду одержи,
На совѣсть, здравый умѣ оковы наложи;
Низвергнувѣ сихѣ враговѣ, своей послѣдуй волѣ,
Стремленію препонѣ имѣшь не будешѣ болѣ,
Свободенѣ сталѣ пы, власть ширанскую поправѣ;
Непостояненѣ будѣ, переменли свой нравѣ.

Все дѣлай плѣннымъ, все ты дѣлай безконечнымъ,
 Сей міръ ты признавай по временнымъ, по вѣч-
 (нымъ);
 То шѣломъ иногда ты душу называй,
 То духа имя ей изъ милости давай.
 То волокишою, то пышнымъ ты являйся,
 То вдругъ ты иногда смиреннымъ пришворайся,
 Пришворно говори, что жизнь тебѣ скучна,
 Что можешь счастливой почесшься та одна
 Того, кто пышности, чиновъ, суешь не знаетъ,
 Но въ сельской простотѣ весь вѣкъ свой провожда-
 (ешь).
 Такъ жизнью на словахъ ты градскою скучай,
 Такъ модныя ты всѣ поступки примѣчай.
 То будь ты молодымъ, то шарикомъ суровымъ,
 По модѣ пришворись больнымъ, и нездоровымъ.
 Пей воду лишь одну, діѣшу наблюдай,
 Лекарства, рвотныя по всякъ день принимай.
 По модѣ говори: мой не варитъ желудокъ.
 Въ послѣдокъ истреби совсѣмъ ты свой разумокъ,
 Скажи: произвела натура весь сей свѣшъ,
 Превыше умудрись, скажи, что Бога нѣшъ,
 Что вѣра ешь обманъ, лукавое пришворство.
 Вотъ въ семъ-то состоитъ прямое благородство!
 Симъ можешь ото всѣхъ ты опличить себя,
 Какое счастье, честь, слава для тебя!

X.

МА ДРИ ГА ЛЫ.

1.

Путь къ безсмертію.

КЪ безсмертной славѣ двѣ дороги насъ ве-
(душѣ,

По онымъ всѣ во храмъ безсмертія идушѣ.
И добрыя дѣла насъ къ славѣ провождающѣ,
И злодѣянія намъ оную раждающѣ.

2.

Разумъ и природа.

Природа мать всего; она все родила;
Природа мудрая и разумъ намъ дала.
Сей Царь, отецъ вещей, ея не забываетъ,
Природѣ слѣдовать онъ намъ повелѣваетъ.

XI.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Богомольщица.

Старушка съ чепками ко всенощиѣ пошла,
 И шедши по пупи въ кабакъ она зашла.
 Пришедши съ кабачка въ храмъ божій, задремала,
 Будящему еѣ дьячку она сказала:
 Нѣшѣ, полно, башька мой, меня ты не проси,
 Коль хочешь угостишь, шакъ внучкѣ поднеси.

2.

Къ челопѣку.

Когда раждаешься на свѣтѣ, о человекѣ!
 Ты плачешь не хоша весши въ бѣдахъ свой вѣкѣ.
 Когдажѣ ты жишь не хочешь,
 За чѣмъ при смерти не хохочешь?

XII.

ЭПИТАФИИ.

I.

Безпечному.

Въ могилѣ сей лежишь безпечный человекѣ,
 Который, какъ бы сонѣ, провелъ свой крапкой вѣкѣ;
 Не думалѣ ни о чемѣ, и живши не грустился;
 Не зналѣ ни горести, ни скуки ни суетѣ,
 Не вѣдая заботѣ оставилѣ онѣ сей свѣтѣ.
 Но пусть бы никогда онѣ лучше не родился!

2.

Скупому.

Скончался здѣсь скупой, оставя здѣшній свѣшъ,
 Разспался съ шѣломъ духъ, и подлинно разспал-
 ся,
 Въ могилѣ шѣло лишь, а духа въ оной нѣшъ;
 Въ кубышкѣ заключенъ онъ съ деньгами остался.

XIII.

ЗАГАДКА.

О другъ мой, господинъ отгадчикъ! не маня,
 Не медля, отгадай, пожалуй ты меня.
 Не говори: тебя узнать я не умѣю.
 Я непредѣльная, границъ я не имѣю,
 И съ Богомъ и съ душой живу ввѣчно я,
 И смерти никогда не узришь жизнь моя;
 Сто миліоновъ, такъ какъ доля единицы,
 Не дѣлаюшъ во мнѣ ни малыя частицы;
 Не въ мірѣ нахожусь, но есмь внѣ міра я.
 Отгадчикъ, ну теперь узнаешь ли меня?

XIV.

Пѣснь Всемогущему (*).

О Богъ, всесильный Богъ, чы бездна не обѣяна!
 Какъ возмогу тебя довольно я познашь?
 Въ тебѣ есть глубина и высота невнятна,
 Ушами лязяль тебя по свойству называшь!
 Ты море безъ конца: я зрю и изумляюсь,
 И въ милосордіе твое весь погружаюсь;
 Своими дланьми мя благоволи обѣяшь!
 Высокой мудроспи я въ сердцѣ не пишу,
 Хотя другимъ Тебя представилъ я желаю;
 Но силы нѣшъ тебя инако представляшь.
 Ты безначаленъ весь кончины не имѣя;
 Слабѣюшъ чувствія моя при семъ нѣмѣя.
 Твое исходяще ничто ино, какъ вѣчнось,
 Въ которой, какъ въ тебѣ, нигдѣ начала нѣшъ!
 Не зрѣлися міры, ни время скороспечность,
 Творенья не было, но твоей сіяль ужъ свѣшъ!

Неиз-

(*) Хотя сіе самое стихотвореніе и напечатано уже
 изданій нашихъ въ мѣсяцѣ Маѣ, но какъ оно
 дошло къ намъ чрезъ постороннія руки, а не той
 самой особою, которой имя подписано подъ онымъ,
 будучи соавтѣмъ, какъ изъ сего видѣшь можно, отъ
 неискусныхъ переписчиковъ не только въ словахъ,
 но и въ самомъ смыслѣ перепорчено; почему ува-
 жая высокія мысли Великаго Творца сей пѣсы,
 равномѣрно какъ и ревностнѣйшее стараніе и ис-
 пытность подкрѣпленную искуснѣйшими въ томъ
 языкѣ переводившаго, такъ какъ и изъясляя ему
 благодарность нашу за доставленіе намъ оныхъ
 въ почтомъ сходивъ съ подлинникомъ, съ удоволь-
 ствіемъ помѣщаемъ оное здѣсь вторично.

Неизреченная въ тебѣ огромность зрится!
 Что ни имѣешь ты, конца въ томъ не явися,
 И прѣмѣненіе не коснется тебя.
 Нѣтъ цѣли, гдѣбъ твое печенье скончевалось;
 Зане ни въ чемъ тебѣ потребности не являлось.
 Ты безконечна жизнь живишь все отъ себя!
 Что движимо ни есть, то все живетъ тобою,
 Ты силы даровалъ всему единъ собою.
 Изъ мощи все твоей, о Боже, истекаетъ,
 Всѣ вещи отъ нея имѣютъ бытіе;
 Самослучайное ничто въ нихъ не бываетъ,
 И естество не былъ ты, гдѣбъ взяли все сіе?
 Что зримъ, что слышимъ мы, что знаемъ и
 (читаемъ,
 Все что невидимо и зримо обрѣтаемъ.
 Тобою все свое имѣешь существо!
 Ты сотворяешь то, что ты опредѣляешь.
 Что невозможнымъ быть мнѣтъ наше естество,
 То мановеніемъ единымъ совершаешь.
 Каковъ еси, единъ ты самъ себя позналъ,
 Свой разумъ съ мудростью и съ силой соравнялъ.
 Престоль твоя небеса ты правишь и землю,
 Вся мудрость челоука, есть буйство предъ
 (тобой.
 Все вскрытое стоитъ предъ мыслию твоею,
 Такъ какъ въ полудни зришь то, что обьято
 (твоею.
 Въ незаходимомъ ты сіянии обитаешь,
 Никоей мрачности къ себѣ не допускаешь.
 Никто въ Царяхъ съ тобой, всесильный, не срав-
 (ненъ,
 И царствіе твое вездѣ однообразно,
 Какъ низу такъ горѣ единъ чинъ положенъ,
 Нѣтъ мѣста, кое бы тобою было празно.

Единъ ты истинный и безконечный Богъ,
 Господь еси ты всѣхъ небесныхъ воевъ сильныхъ!
 Кто изъ Боговъ тебѣ противустать возмогъ?
 Ты ихъ мянешь, какъ вихрь частицъ собранье

(пыльныхъ,

Трепещетъ предъ тобой всѣхъ Ангелъ свѣшлый
 (хоръ,

И устрашенный свой низводитъ долу взоръ.

Симъ ужасомъ сушь всѣ ихъ пѣсни напряженны,
 Такъ спрашенъ зришися, Владыко сильный, имъ,
 Вся цепенѣшь шварь присущствіемъ швоимъ,
 Которымъ всюды всѣ предѣлы напоенны.

И цепенѣніе сіе собой явишь

Божественный швой духъ свяшый, живопворящій!

Во всемъ швореніи швой образъ естъ покрытъ.

Тотъ слѣпъ, что ходитъ сихъ чудесъ совѣмъ

(незрящій.

Ни кой предѣлъ тебя въ себѣ не заключилъ,

И тысящи Міровъ тебѣ всѣ будущъ шѣсны;

Когдабъ еще и шьмы ты виовъ ихъ сотворилъ,

То толькобъ зрѣлись шѣ такъ, какъ дѣла чудесны.

Въ неизмѣримости себя ты распротеръ,

Надъ звѣзды дальныя вознесся выше мѣръ!

Со славословіемъ хвала швая летаетъ

Тамъ, мысленно куда не лзя намъ достигать,

Ликъ всяческихъ тебя, Всесильный, воспѣваетъ,

Все должно предъ тобой себя ницъ повергать.

Но достовѣрно кто мольбу тебѣ приноситъ,

Того единъ швой взоръ на верхъ благихъ возно-

(ситъ.

И судъ швой самая живая правда естъ;

Премудрый швой совѣшь ты дѣйствомъ изъвѣля-

(ешь,

Высокихъ совершенствъ число шѣмъ открываешь,

Долгошерня ко злымъ, ихъ оплагая месшь.

Ты

Ты вѣренъ, благъ, всещедръ, любовію сія,
 И въ утро каждое ее вновь подтверждая;
 По волѣ дѣйствуя, о сколь ты милосердъ!
 Мгновенье всякое сіе намъ повторяешъ,
 Колико всепремудръ, сколь истиненъ и твердъ!
 Твоя доброта шварь живишь всю и питаешъ.
 Все то, что мы есмы, все изъ тебя печешъ,
 Какъ изъ источника, въ которомъ все живешъ.

О опче щедрый всѣхъ, собою вся раждаай!
 О благо вышшее всѣхъ вкупи чистыхъ благъ!
 По милосердію къ намъ все низпосылай,
 Черпогъ нашъ зиждущій блаженства во цвѣтахъ,
 Но качеству вещей подпору всѣмъ давая,
 Творишь ихъ вся добра съ небесъ благословляя.
 Наполнилъ радости и пищи сладкой ихъ;
 Врагомъ никого ты не былъ человѣка,
 И солнцемъ свѣпъ ліешъ на злыхъ и на благихъ,
 Прохладныя дожди даешъ ты всѣмъ опъ вѣка.

По долгу за сіе кто могъ благодарить
 Устами чистыми и сердцемъ сокрушеннымъ?
 Ни въ коемъ храмѣ ты не соизволишь жить,
 Нѣшъ зданья, гдѣ бѣ олшаръ твой могъ бытъ помѣ-
 (щеннымъ!

Въ рукотворенныхъ шѣхъ, что человѣкъ создалъ (*),
 Достойно онъ тебѣ служенья не являлъ;
 Но кто въ тебѣ свою надежду полагаетъ,
 Имѣши къ тому божественну любовь;
 Кто ко стопамъ твоимъ себя весь привергаетъ,
 Того яко орла ты ободряешъ вновь;
 Тебѣ онъ принося, себѣ приноситъ благо,
 Ты самъ не требуешъ служенья никакаго;
 Тебѣ бо Господи ни въ чемъ пошребы нѣшъ,
 Но благость намъ твоя спасеніе даешъ.

Кто

(*) Дѣянїи гл: 7 ст: 48.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

Мѣсяцъ Октябрь.

DEPARTMENT OF THE ARMY

ENGINEER OFFICE

WASHINGTON

RECEIVED

О Г Л А В Л Е Н І Е.

страницъ

I. Разсужденіе объ основаніяхъ и утвержденіи распроспраненной пророкомъ Моисеемъ чистой во единаго Бога вѣры и истиннаго Богослуженія. - - -	85
II. Слово о вольнодумцахъ и невѣрующихъ. - - -	113
III. Стансы. - - -	152
IV. Преложеніе молитвъ. - -	154
V. Китайскіе Анекедошы. - -	155
VI. Быль скупой. - - -	161
VII. Стансъ. - - -	162
VIII. Мадригалы. - - -	163
IX. Эпиграммы. - - -	164
X. Эпитафіи. - - -	165
XI. Загадки. - - -	166
XII. Египетское ученіе о душѣ міра. -	167

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ,
ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИЗДАНИЕ.

I.

РАЗСУЖДЕНІЕ

*Объ основаніяхъ и утвержденіи распро-
страненной пророкомъ Моисеемъ чи-
стой по единаго Бога пѣры и
истиннаго Богослуженія.*

Чрезвычайныя дарованія великаго Про-
рока Божія Моисея, а наипаче непо-
средственное Божеское просвѣщеніе, низ-
шедшее на сердце сего мужа, и
утвержденіе того страшными чудесами
послужило къ распространенію его уче-
нія о единствѣ Бога, и укрѣпленію его
святаго закона, даннаго ему при гро-
махъ и молніи на горѣ Синайской, а
послѣ начертаннаго въ дошедшихъ къ
1782. Часть III. Октяб. Ж намѣ

намъ книгахъ Библии, или Священнаго Писанія. Все сіе богослуженіе вообще основывается на вѣрѣ во единого Бога, какъ-то сіе явствуетъ изъ сихъ словъ: *Слыши Израиль, Господь Богъ тшой, есть единый Богъ: и да не будутъ тебѣ вози иніи, разцѣ мене.* Сіе есть главнымъ и начальнымъ законоположеніемъ въ его богослуженіи и его правленіи; а первое основательное понятіе о семъ Богѣ есть то, что онъ есть *Духъ*; но мы не должны приниматьъ, что его означали тогда точнымъ метафизическимъ понятіемъ, каковое мы съ симъ словомъ теперь соединяемъ. Сіе понятіе есть плодъ упражнявшагося уже въ разсужденіяхъ разума, дабы чрезъ то сколь возможно удалилъ всѣ несовершенныя воображенія о семъ высочайшемъ Существовѣ. Моисей говоритъ такъ, какъ разумъ могъ тогда еще выразить, и какъ ихъ понятіе то дозволяло. Въ семъ языкѣ слово *Духъ* значитъ каждое невидимое, одушевленное и дѣйствующее существо, такожде и самую его дѣйствующую животворную силу, а особливо его разумное и нравственное естество, не опредѣляя чрезъ то внутренней сущности сего существа. Такимъ-то образомъ по исторіи шворенія носился *Духъ Божій перьху поды*, и
 далъ

далъ нестройной и безобразной природѣ движеніе и порядокъ, и такимъ образомъ, какъ говоритъ Давидъ, сотворено небо съ безчисленнымъ множествомъ ввѣздъ *духомъ устъ Его*. Въ обоихъ мѣстахъ должно понимать дѣйствующее Божіе всемогущество: и когда (*) написано, что *не имать духъ мой (Божій) превышать пѣ челоуцѣкъ сихъ по пѣкъ*: то сіе значитъ нравственную сущность сего высочайшаго Существа, его совершенную любовь къ порядку и благу, которую мы подъ именемъ свято-сти понимаемъ. Когда мы сіе принимаемъ будемъ за обыкновенный языкъ писанія, то оное послужитъ къ объясненію во многомъ. Просвѣщенный Пророкъ не имѣлъ предметомъ показать особливо внутреннюю сущность сего всевысочайшаго и непостижимаго тріупостаснаго Существа, которое превосходитъ понятіе всего ограниченаго разума; такъ какъ и вообще писаніе не имѣетъ предмета и языка служащаго къ совершенному объясненію онаго. Онъ хотѣлъ народъ свой научить только познавать своего Бога такъ, чтобъ онъ могъ чувствовать свое къ нему отношеніе, и чтобъ онъ призвалъ

Ж 2

сперва

(*) Быш. глав. 6. ст. 3.

сперва свою зависимость отъ него такъ, какъ отъ своего Творца, Господа и Правителя, а чрезъ познаніе чувствовалъ его неограниченную премудрость, благость и всемогущество, возбуждая себя къ совершеннѣйшему на него упованію и повиновенію. И для того сей просвѣщенный учитель представилъ своему народу сего Бога существомъ имѣющимъ жизнь во всемъ естествѣ, независимымъ и непредѣльнымъ, вездѣ сущимъ, всеблудшимъ, всемогущимъ, премудрымъ и всесвятымъ. Но сіи совершенства и свойства не означены обыкновенными отвлеченными понятіями. Описанія также всѣ сообразовались съ простымъ, на чувствахъ основаннымъ, народнымъ языкомъ, такъ какъ тогдашній дѣпскій разумъ могъ о нихъ размышлять и представлять себѣ. Сей Богъ обитаетъ еще превыше облаковъ на небесѣхъ, взираетъ оттуда на происходящее на земли, вопль, возносящій жалобы свои на злыя дѣла людей, до него восходитъ; онъ низходитъ, яко судія, на мѣсто преступленія для осужденія на казнь грѣшниковъ, дѣлаетъ свои опредѣленія, соображаясь съ каждымъ дѣяніемъ челоувѣковъ, возбуждается ихъ грѣхами къ гнѣву и мщенію, умилоствивляется паки ихъ обращеніемъ, а особливо пылаетъ

даетъ ревностію, когда Богопочитаніе, которое ему, какъ единому Господу Богу, приличествуетъ, приписывается богамъ ложнымъ. Все сіе изображено человѣческимъ языкомъ; слабый разумъ не могъ еще болѣе возвыситься. Мы не можемъ инымъ языкомъ говорить съ простолюдинами, дѣтской разумъ имѣющими; и тогдашнее непросвѣщеніе и грубость народа, особливо великая его склонность къ безбожію, требовали тѣмъ болѣе сильныхъ выраженій, показывающихъ гнѣвъ, ревность и мщеніе. Между тѣмъ и самыя понятія о неограниченномъ величіи и совершенствѣ сего высочайшаго существа хотя и человѣческимъ писаны языкомъ, однако столь правильны и истинны, что отъ всякаго, случившагося могущаго, злоупотребленія совершенно безопасны, и напротивъ того нравственныя дѣянія никоимъ образомъ не приходятъ въ ослабленіе. Совсѣмъ опмѣнный языкъ употребляли языческіе Стихотворцы въ описаніи своихъ Боговъ. Ихъ Юпитеръ, при всемъ своемъ величествѣ, остается человѣкомъ со всѣми человѣческими несовершенствами, поработеннымъ самымъ подлѣйшимъ страстямъ, обманутымъ хитростію прочихъ Боговъ, и ограниченнымъ во власти отъ рока.

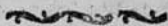

Но сей Господь, не взирая на сей человѣческій языкъ, всегда есть высочайшее, совершеннѣйшее и всесвятѣйшее существо, которое, не будучи видимо человѣческимъ окомъ, ни съ чѣмъ во всей природѣ сравниться не можетъ; который каждое изваяніе почитаетъ отрицаніемъ безпредѣльнаго своего величества; который есть неограниченный Господь и Правитель всея природы, и который, хотя и обитаетъ на небесахъ, однако по своему всевѣдѣнію и всемогуществу всегда есть вездѣ сущій Богъ. Онъ все видитъ, все слышитъ, отъ котораго нѣтъ ничего сокровеннаго, который все съ неограниченною свободою и справедливостію учреждаетъ, о которомъ человѣкъ не можетъ помыслить безъ внутренняго глубочайшаго благоговѣнія; котораго онъ никогда не можетъ престать бояться, и на коего на конецъ премудрость и благость, естли только его почитаетъ съ чистымъ повиновеніемъ, можетъ полагать совершеннѣйшую надежду и несомнѣнное упованіе

(*) *Азъ есмь Сый.* — Высочайшее понятіе, подъ которымъ разумъ сіе существо себѣ можетъ представить!
Егова

(*) Исход., гл. 3. ст. 14.

Егова имѣющій независимое ни отъ кого бытіе и жизнь, существовавшій прежде вѣкъ единственно чрезъ себя самого, причина всѣхъ вещей, безначаленъ, вѣченъ и непремѣненъ, открывающій себя и теперь такимъ же, какимъ былъ отъ начала творенія, непремѣненъ въ своемъ величествѣ, въ своемъ познаніи, въ своихъ судьбахъ и своихъ обѣщаніяхъ, неограниченный Господь всея природы, и не какъ душа міра, но совсѣмъ отъ него независимъ, яко первая его вина и его Творецъ. Сей есть тотъ всемогущій Богъ, который существовалъ прежде, нежели міръ его словомъ воспріялъ свое бытіе; который небу и землѣ бысть повелѣлъ; который солнцу, лунѣ, звѣздамъ и всѣмъ тѣламъ небеснымъ далъ движеніе, и назначилъ имъ опредѣленіе мѣста и печеніе; который симъ же самымъ всемогущимъ мановеніемъ своя воли далъ также сей землѣ ея видъ и богатство, всѣ творенія снабдилъ ихъ различными свойствами, показалъ имъ соотвѣтствующее каждому природѣ жилище; равномерно, исполненъ будучи единою великою мыслию, промышляетъ о ихъ пропитаніи, и далъ имъ силу въ сей ихъ природѣ, при всей ихъ тлѣнности, сходственно съ ихъ опредѣленіемъ продол-

жать безпрерывно свое бытіе; который
 человѣку, чрезъ сообщенное ему высо-
 чайшее существо, далъ право и власть,
 какъ господину, управлять всею землею;
 и все сіе происходило отъ единого все-
 могущаго его слова: *да будетъ*. Вся при-
 рода воспріяла во всѣхъ своихъ частяхъ
 оное расположеніе и связь такъ, что она,
 такъ какъ всемогущаго, премудраго
 и благотворнѣйшаго Существа творе-
 ніе, имѣла высочайшее совершенство, и во
 всемъ показывала доброту и стройность.
 И такъ сей Господь есть Творецъ міра,
 и не только Творецъ, но также не-
 ограниченный и мудрый онаго Правитель,
 который шѣмъ же всемогущимъ влія-
 ніемъ своей воли, чрезъ которое онъ все
 создалъ, содержитъ все въ своемъ
 опредѣленномъ печеніи и порядкѣ; ко-
 торый, будучи самъ превыше судьбы,
 единъ управляетъ судьбою міра; ника-
 кихъ другихъ законовъ не имѣетъ, кро-
 мѣ своей воли; печеніе природы содер-
 житъ всегда въ своей рукѣ, управляя
 оное по своему намѣренію, и учреждая
 всѣ премѣны онаго съ извѣстнымъ кон-
 цемъ, какъ будто бы онъ производилъ
 ихъ непосредственно. Сіежѣ самое пе-
 ченіе, для доказательства, что онъ
 есть Богъ, съ таковою же свободою
 паки удерживаетъ, коль скоро на-
 мѣре-

мѣреніе его того потребуетъ; который съ высоты своего престола обзрѣваетъ концы земные, видитъ будущее, яко настоящее, возвѣщаетъ отдаленнѣйшія судьбины, и приводитъ оныя къ исполненію въ опредѣленное время, отвращая всѣ препятствія. Предъ очами его не скрыты и самыя мысли людей, и его воли покорена и самая ихъ свобода; безъ его попущенія человѣкъ не можетъ быть и злымъ; но который попуская ему оное по премудрости, тамъ, гдѣ ему угодно, полагаетъ границы, и самое зло такъ наклоняетъ, что оно служитъ тѣмъ къ большому прославленію его провидѣнія, согласуясь съ высокими намѣреніями его премудрости. И прежде бывшее ожесточеніе Фараоново не иначе должно приниматьъ, какъ отъ самого Бога попущеннымъ.

Понятіе о семъ правленіи сообщается намъ опять человѣческимъ языкомъ. Сей Богъ опредѣляетъ и учреждаетъ все еще по теченію настоящихъ обстоятельствъ въ такое время, когда оное должно случиться, и дѣлаетъ все непосредственно; повелѣваетъ ишти дождю, и восходити солнцу; дѣйствуетъ самъ въ человѣкѣ, исполняетъ сердце худож-

никовъ мудростію, и возбуждаетъ и ожесточаетъ Фараона, чтобъ показать на немъ свое могущество. Тогдашній слабый разумъ не зналъ еще другаго, кромъ сего языка. Представленіе о выборѣ, основанномъ на всевѣдушемъ предусмопреніи дѣлъ человѣческихъ, было для онаго еще непонятно; и особливья выраженія: печеніе естества, законы естества, паче удалили бы Бога отъ того народа, который лишъ только началъ его познавать, и, вмѣсто возбужденія къ нему вѣры, вкоренили бы паче въ него представленіе о слѣпомъ рокѣ, или о случайности, или также о вліяніи злаго существа; чѣмъ самымъ уничижили бы все великое намѣреніе Моисеево. Его намѣреніе было правильно впечатлѣтъ въ народъ сперва главныя только истины, что Егова есть Господь и неограниченный Вседержитель міра, по опредѣленію и воли коего все должно происходить въ ономъ. Сіе есть основаніе богослуженія, упованія, страха и любви Божіей, и сіе есть также вообще языкъ писанія! Оно не имѣетъ предметомъ научить насъ познавать Бога, каковъ онъ по внутреннему своему существу, и какимъ образомъ онъ все познаваетъ и видитъ: но научаетъ насъ, что онъ все видитъ; и не тому какъ онъ

онъ правитъ свѣтомъ, но тому, что онъ все управляетъ съ безконечною премудростію, и что безъ его воли и безъ его попушенія ничего не происходитъ. Пусть Философъ испытываетъ тѣ глубины, сколько достанетъ его силъ. Человѣку довольно того, когда онъ познаваетъ Бога такъ, что чувствуетъ себя возбуждаемаго къ повиновенію, довѣренности и любви сего премудраго и совершеннѣйшаго существа.

Не было нужды опасаться злоупотребленія и толкованія въ худую сторону Священнаго Писанія, изъ котораго бы видно было, что Богъ есть виновникомъ зла, и что человѣкъ не имѣетъ никакой свободы. Таковыя мнѣнія суть плодъ поздней остроумной Метафизики, къ которой тогда слабый человѣческій разумъ хотя и не былъ способенъ, однакожъ достаточенъ былъ Моисею къ важнымъ представленіямъ высочайшей святости Божіей, и къ требуемому строгому наблюденію его закона; ибо во всѣхъ его выраженіяхъ сей Богъ есть *спятѣйшій* Богъ, котораго нравственное свойство столь чисто, сколь онъ во всемъ своемъ естествѣ есть неограниченъ; (*) который добро необходимо любитъ и награждаетъ, а зло необходимо ненавидитъ и нака-

(*) Вшорозак. гл. 32. ст. 4.

наказуеѣ; ибо онѣ въ доказательство своей величайшей любви къ добру, показываетъ ревность и гнѣвъ свой къ грѣшникамъ, наказывая ихъ до прѣпяго и четвертаго колѣна; исполняющимъ же его заповѣди благодѣтельствуетъ до тысящнаго колѣна; (*) на котораго также самый грѣшникъ можетъ возлагать свою надежду, понеже онѣ, при всей своей ревности, милосивѣ, милосердѣ, терпѣливѣ, благѣ и всегда готовѣ отпустить прегрѣшенія; но котораго умилосивить только можно раскаянїемъ и исправленїемъ: который не требуетъ никакого инаго служенія, никакого почитанія и никакой любви, кромѣ повиновенія; который ничего не взыскуетъ отъ человѣка болѣе, какъ только его бояться и послѣдовать его повелѣнїямъ, однако всего онаго повиновенія требуетъ изъ любви; (**) и который хочетъ, да познаемъ благое намѣренїе его святой воли, и для того отъ всего сердца, отъ всея души и всѣми силами его возлюбимъ (***)).

И сей-то Богъ въ точномъ смыслѣ есть *единый Богъ* — не только величайшїй и всемогущїй въ разсужденїи сравне-

вне-

(*) Исход. глав. 20. ст. 5.

(**) Второзак. гл. 10. с. 12.

(***) Второзак. гл. 6. ст. 5.

вненія съ другими мнимыми божествами, но и въ высочайшемъ знаменованіи есть *единъ* Господь Богъ, елико на небеси горѣ, и на земли долу, и нѣтъ развѣ его. (*) Также не имѣетъ онъ у себя *помощниковъ*, которымъ бы онъ поручилъ правленіе міра, или часть онаго, кои бы возвѣщали человѣкамъ судьбы ихъ, и могли бы раздѣлять имъ добро и зло. Всѣ таковыя Боги суть *ничто*, такъ какъ и всѣ обоготворенныя небесныя свѣтила суть не что иное, какъ неодушевленные тѣла, созданныя имъ для освѣщенія землей, и для раздѣленія временъ.

Еще менѣе оное ученіе даетъ понятіе о находящемся вмѣстѣ съ симъ высочайшимъ благимъ Богомъ Тифонъ, зломъ существѣ, которое природу, сотворенную Богомъ по его неограниченной премудрости во всѣхъ частяхъ *доброю*, могло бы испорчить, его премудрое распоряженіе въ правленіи свѣта разрушить, и пропавъ его воли возстановить въ ономъ *зло*. Онъ есть *единъ* Господь міра, такъ *единъ*, что не безъ его власти и зло въ мірѣ существуетъ, и не иначе, когда попускаемо бываетъ, какъ только до тѣхъ поръ,

(*) Впорозак, гл. 4. стр. 39.

порѢ, пока сносить могутъ его высокія намѢренія; почему и вѢра вѢ сего единого тріупостаснаго Бога есть главная должность всего Моисеева Богослуженія: *слыши Израиль, Господь нашъ Богъ есть единый Богъ.* вѢ ономѢ состоитъ все начальное исповѣдываніе вѢры! *и да не будутъ тебѣ бози иніи, разпѣ мене,* есть первый законъ. Онъ есть единый Господь всемогущій и премудрый правитель міра! онъ хочетъ по сему единѢ призываемѢ быти на помощь, единѢ имѢть къ себѢ всю довѣренность и упованіе. Сіе-то есть честь, которая ему, какъ *единому* только Богу, приличествуетъ, и которая онъ не хочетъ удѣлить никакому мнимому божеству; ибо вѢра вѢ каждое другое божество, которое въ правленіе міра и въ судьбу людей имѢетъ вліяніе, отнимаетъ у него сію честь, есть отрицаніемѢ его провидѣнія, отвращаетъ человѣка отъ надежды на него, такъ какъ повиновенія и любви къ нему, и разрываетъ весь союзъ между БогомѢ и человѣкомѢ. Почему всякая вѢра, основанная на ложныхъ предсказаніяхъ и волшебствѢ, есть наказанія достойнѣйшее отрицаніе Бога; (*) ибо довольно человѣку для его спокойствія, что онъ находится

подѢ

(*) Вшорозак. гл. 18. ст. 10. и 11.

подъ провидѣніемъ сего премудраго и преллагаго Правителя міра; сему должно спокойно препоручить будущую судьбину своей жизни; отъ него долженъ онъ просить и ожидать всего благаго; и тогда, предъ кѣмъ сіе провидѣніе сокроешь что либо по премудрости своей, или въ чемъ по оной же ему откажешь, буде достигнуть сего захочешь заклинаніемъ ложныхъ боговъ, или духовъ, учинишь непосредственное отрицаніе сея высочайшія премудрости и благости, и симъ отвратишь совѣмъ отъ себя Бога, и лишившись всего своего истиннаго спокойствія подвергнешь себя всѣмъ обманамъ; ибо всякое таковое предсказаніе и чародѣйство есть не что иное, какъ обманъ; почему и должно оныя отринуть безъ изслѣдованія съ омерзѣніемъ. Ибо изслѣдованія всегда питаются мыслями возможности, и человекъ находится всегда въ опасности, обманываясь хитрымъ ослѣпленіемъ, и ожесточаясь въ суевѣрномъ ненадѣянніи на провидѣніе.

И сей-то есть Моисеевъ Егова! хотя онъ преданъ на такомъ языкѣ и подъ такимъ понятіемъ, какихъ слабый дѣтскій разумъ тогда требовалъ; однако, не взирая на то, онъ есть всегда совершеннѣйшее Существо, какое только просвѣщеннѣйшій разумъ можетъ

жетъ себѣ представить. И сей чувственный способъ представленія столь мало заслуживаетъ нареканія, что когда, для истиннаго познанія Бога, большею частію гіероглифической и символической языкъ употребляемъ былъ: то сіе самое было простѣйшимъ и единымъ только средствомъ, чтобъ народъ опять къ тому привести, и сіе познаніе въ его чистотѣ соблюсти.

Языкъ Давида и другихъ Пророковъ есть возвышеннѣе и величественнѣе, и не имѣетъ болѣе сихъ человѣческихъ представлений. (*) Читай псалмы, гдѣ Давидъ описываетъ величество и совершенство своего Бога, или описанія находящіяся у Исаи (**). Просвѣщеннѣйшій разумъ всѣхъ Мудрецовъ и Стихотворцевъ никогда не описывалъ съ таковою истинною, достоинствомъ и небеснымъ пламенемъ совершенства высочайшаго существа. Здѣсь - то высочайшее пареніе, какого токмо человѣческой языкъ достигнуть можетъ; но Моисей не могъ такъ (дословѣрное доказательство, что его писаніе есть гораздо древнѣйшее,) еще говорить въ младости разсудка своего народа. Между тѣмъ однако сіи писанія были источникомъ, откуда

(*) Псалмы 33. 103. и 134.

(**) Исаи гл. 40. и 44.

ду Давидъ и Пророки свои чистыя понятія о Богѣ и его провидѣнїи получили, и равномѣрно они были прѣвиломъ и нитїю, по которой ихъ представленїя и въ самомъ возвышенномъ стихотворческомъ паренїи не удалились отъ начальныя чистоты истинны.

Мы кратко упомянемъ здѣсь о положенїи Гуміевома, по которому онъ утверждаетъ, что непросвѣщенные дикіе люди должны непремѣнно начинать свое богослуженїе многобожіемъ, и что познанїе *единого высочайшаго существа, Творца и Прарителя міра*, есть послѣдствїе Философією уже очищеннаго разсудка; ибо впрочемъ должно бы принять, что люди, сколько, находяся въ дикости, могутъ открывать истинну, столько при большемъ просвѣщенїи теряютъ оную. Гдѣ богослуженїе или познанїе Бога, прїемлется за послѣдствїе человѣческаго размышленїя, тамъ конечно Гумїю должно отдасть справедливостъ: но здѣсь есть исключенїе; здѣсь такой дикой варварской народъ, тотъ самой варварской народъ, на коего онъ мѣшитъ, и коего назвать не удостоиваетъ, или паче назвать не отваживается, который безъ всякаго просвѣщенїя и Философіи прежде, нежели еще вышелъ изъ состоянїя варварства, позна-

1782. Часть III. Октяб. 3 ьтѣ

ётъ только единого Бога, Творца и
 Правителя міра, и который имѣетъ
 столь истинное и чистое понятіе о
 совершенствахъ сего Бога и его нрав-
 ственнаго правленія міромъ, о каковомъ
 никогда и помыслить не могутъ, и
 какое только самой просвѣщеннѣйшій
 разумъ когда нибудь имѣть можетъ.
 дикой народъ, который въ своемъ язы-
 къ для духовныхъ и нравственныхъ по-
 нятій не имѣетъ еще никакихъ словъ,
 но о совершенствахъ своего Бога дол-
 женъ разсуждать по чувственнымъ толь-
 ко тѣлеснымъ выраженіямъ, и однако
 о неограниченномъ духовномъ естествѣ
 онаго столь высокія и чистыя понятія
 имѣетъ, что почитаетъ уже за отри-
 цаніе онаго, когда его представлятъ и
 почитать будетъ только подъ единымъ
 изображеніемъ; который сего Бога при-
 наваетъ за единого Правителя міра; всѣ
 премѣны тѣлеснаго и нравственнаго міра
 приписываетъ его правленію, вѣритъ
 провидѣнію его не только о мірѣ во-
 обще, но и о самыхъ малѣйшихъ его
 частяхъ; не признаетъ никакихъ Боговъ
 нижнихъ, никакихъ оракуловъ, никакихъ
 подобныхъ предсказаній и волшебствъ не
 терпитъ; все сіе почитаетъ за отрицаніе
 провидѣнія: всежъ сіе заключается въ вѣ-
 рѣ сего народа. Въ народномъ богослу-
 же-

женіи все на простонародномъ языкѣ. — Какое противоположеніе религіи гораздо просвѣщеннѣйшихъ народовъ, какъ то Египтянъ, Халдеевъ, Грековъ и Римлянъ! Мы не говоримъ о просвѣщенномъ разумѣ однихъ Мудрецовъ, а говоримъ о народной вѣрѣ, о публично отправляемомъ народномъ богослуженіи. При томъ еще истолкователь оной религіи природный Египтянинъ, воспитанный въ богослуженіи на самыхъ чувственныхъ предметахъ основанномъ, гдѣ находились всѣ гіероглифы и таинства жрецовъ, гдѣ не почитали никакихъ другихъ, кромѣ чувственныхъ Боговъ, и предсказаніе и волшебство были Философіею.

Нѣкоторые скажутъ, что сіе познаніе было только вѣра безъ всякаго Философическаго наблюденія и доказательства. Сіе допуская, остается оное всегда удивительнымъ, откуда сперва произошла сія вѣра у сего дикаго народа въ таковой чистотѣ? И могла ли какая вѣра быть основательнѣе сей, не упоминая ужè о благотворнѣйшемъ и плодоноснѣйшемъ познаніи? Ибо Егова, каковымъ сей народъ признавалъ его по сему ученію, не означалъ пустяго слова, но чистѣйшее и обильнѣйшее понятіе, какое только можетъ себѣ представить просвѣщеннѣйшій разумъ о семъ

высочайшемъ существѣ. *Единый Богъ; Творецъ и Пропитатель міра!* сколь много сія вѣра помогла ужѣ разуму въ познаніи! Сія вѣра не оставляетъ и самый слабый разумъ безъ убѣжденія; она сама возбуждаетъ его искать сего Бога въ его дѣйствіяхъ. И каждое возрѣніе на обильность, стройность и красоту природы, есть утвержденіемъ сея вѣры; она содѣлывается живымъ собственнымъ познаніемъ, которое всегда будетъ плоды приносить. Вѣра въ безконечное, мудрое, благое, всебѣдущее и всесильное существо и въ его провидѣніе не можетъ быть безъ упованія, страха, любви и повиновенія къ оному. Псалмы и Пророки суть доказательствомъ, какъ скоро сія вѣра возрасла до высочайшаго познанія, и какъ она производитъ въ насъ живое упованіе и служитъ, основаніемъ чистому высокому нравственному ученію.

Хотя сія вѣра и еще всегда была бы непоспимаема сему дикому народу, естли бы сей Господь совсѣмъ ему неизвѣстнымъ былъ Богомъ. Но Моисей приходитъ къ оному на помощь, чтобъ живо ему представитъ сего Бога, какъ Бога отцевъ ихъ, и котораго также первые прародители всего человѣческаго рода почитали, яко единого истиннаго

наго Бога, которому особливо Авраамъ своею вѣрою столь пребылъ твердъ, что онъ, дабы не уклониться къ безбожію, оставилъ свое отечество, а за то и получилъ великое обѣщаніе, что онъ въ опмѣнномъ разумѣніи будетъ Богомъ его потомству, и оное также въ землю Ханааню опять приведетъ, и такъ, какъ единый Богъ, отъ оныхъ будетъ покланяемъ, и что сей Богъ есть самой потъ, который ихъ вывелъ изъ Египта многими чудесами. А какъ воспоминаніе сихъ чудотвореній возобляемо было ежегодно священными празднественными установленіями и обрядами, и самыя чудеса чрезъ то, такъ сказать, были предъ глазами: то сіе придадо вѣрѣ сего народа такую силу, каковой бы ей метафизическія доказательства никогда дать не могли.

Богъ называется здѣсь еще не въ полномъ свѣтѣ, въ какомъ Его Спаситель послѣ, какъ *Отца всѣхъ людей*, открылъ міру; а паче то, что народъ признавалъ его, какъ Бога опцевъ своихъ, могло дать случай, что оный его съ исключеніемъ всѣхъ прочихъ народовъ только и почиталъ за своего Бога въ такомъ разумѣ, въ какомъ имѣли всѣ прочіе народы своихъ особен-

ныхъ боговъ покровителей. Но благо-
разуміе требовало, чшобъ Моисей спер-
ва еще такъ изображалъ мысли свои
для достиженія въ народъ своего вели-
каго предмета, то есть, утвердишь въ-
ру въ сего истиннаго единаго Бога, на
которой основано было все намѣреніе
его. Ибо онъ не могъ довольно имъ
сіе познаніе представить важнымъ и
имѣющимъ великое преимущество, что
сей Богъ, когда всѣ прочіе народы по-
чти потеряли сіе благополучное позна-
ніе, и избрали себѣ вмѣсто онаго лож-
ныхъ боговъ, отъ которыхъ они не
могутъ надѣяться ниже услышанія,
ниже покровительства, которое они въ
опасности ужѣ были потеряшь въ Егип-
тѣ, что сей Богъ, говоримъ мы,
опять явился имъ теперь не только
поль славнымъ и чудесами преиспол-
неннымъ образомъ, но что онъ имъ въ
землѣ опцевъ ихъ хошетъ дать и ны-
нѣ такое расположеніе, по которому
они ему молишься должны, какъ пра-
ведный и ему единому посвященный на-
родъ. Онъ долженъ былъ имъ сіе
представить, сколько они сею прево-
сходнѣйшею милостію стали блажен-
нѣйшимъ народомъ, который Бога всѣхъ
боговъ, Бога неба и земли можетъ по-
читать, яко своего Бога, и себя за соб-
ственно

ственно принадлежащій сему Богу народу, а потому сколь долго пребывать будущъ въ исповѣдываніи сего Бога и въ повиновеніи его законамъ, столь долго могутъ быть всегда обнадежены его могущественнымъ покровительствомъ. И что на противъ того гнѣвъ сего Бога прострется несравненно ужаснѣе на оныхъ, нежели на какойлибо другой народъ, когда они не признаютъ сихъ преимуществъ, и станутъ отрицаться сего Бога идолопоклонствомъ и грѣхами. Но сколь много противорѣчилъ бы онъ самъ себѣ въ глазахъ народа, и отнялъ бы опять у сихъ представлений всю важность и силу, когдабъ онъ сію вѣру во единого Бога высочайшимъ преимуществомъ, и непоколебимоспъ въ оной единымъ завѣтомъ Божеской милости, на противъ того почитаніе чужихъ боговъ высочайшимъ преступленіемъ представилъ, и при всемъ томъ называлъ его отцемъ всѣхъ людей, которые, не взирая на свое ослѣпленіе и идолопоклонство, также имѣютъ участіе въ его отеческомъ провидѣніи. Ибо что бы произвели въ семъ дикомъ народѣ, которъ еще уважалъ чувственныхъ Боговъ, и которому обоженіе единого невидимаго Бога было непонятно и не

натурально, чтобъ призвели, говоримъ мы, въ ономъ всѣхъ къ сему предмету съ столь великимъ благоразуміемъ начертанные законы? Коль съ вѣщающимъ принужденіемъ взиралъ бы онъ на оныя какъ на неестественныя и тиранскія, когда только ему одному не позволяется при почитаніи своего Бога молиться и другимъ богамъ, и когда ему одному только въ величайшее преступленіе вмѣняется то, что другіе народы съ безопасностію могли дѣлать? И какъ бы онъ могъ ихъ только удержатъ отъ союза съ идолопоклонническими народами, въ которомъ случаѣ великую долженъ былъ онъ имѣть осторожность, дабы послѣдніе не служили соблазномъ первымъ, когдабъ онъ самъ подалъ случай почитать сихъ народовъ такими, кои съ ними имѣли участіе въ отеческомъ попеченіи ихъ Бога? И такъ хотя могъ народъ въ семъ случаѣ во зло употребить сіе представленіе, почитая Бога только за покровителя страны своей, или хотя онъ его и признавалъ единымъ Богомъ, воображая себѣ по крайней мѣрѣ, что онъ въ разсужденіи поколѣнія Авраамова есть любимымъ народомъ сего Бога, который одинъ только и имѣетъ участіе въ провидѣніи онаго, а напротивъ того

о всѣхъ прочихъ народахъ думалъ съ уничиженіемъ, какъ о шаковыхъ, которымъ онъ менѣе былъ обязанъ въ наблюденіи должностей справедливости и любви; всего онаго, какъ мы уже сказали, не лзя было избѣгнутьъ такому народу, который имѣлъ еще столь ограниченныя понятія. Однако Моисей съ достойнымъ удивленія благо-разуміемъ, по которому онъ умѣлъ предупредить злоупотребленіе всѣхъ прочихъ послабленій, къ которымъ его принуждали грубость и слабость народа, отвратилъ онъ также и сіи всѣ слѣдствія. Сего онъ не могъ ему представить довольно выразительно (сильно), чтобъ онъ по причинѣ своихъ преимуществъ, почиталъ себя народомъ, находящимся въ особливой милости и любви у Бога; но сіе могъ онъ дѣлать со всею тою твердостью и основательностью, съ которою каждому человеку, или каждой странѣ можно представить отъ Бога ниспосланныя преимущества. Главное понятіе о Богѣ, какъ о Творцѣ и единомъ Правителѣ міра, и опуду проистекающее нравственное состояніе, пребыло при семъ случаѣ совершенно чисто. Побужденіе къ оказанію большей благодарности и къ сохраненію непоколебимѣйшей твердости

въ исповѣдываніи Бога и повиновеніи
оному шѣмъ болѣе увеличилось. И
какъ существеннымъ главнымъ поня-
тіемъ всегда было то, что Господь
(Егова), сей Богъ опцевъ ихъ единый
Богъ, есть Творецъ и Правитель міра,
кромѣ котораго не признавали всѣ пер-
вые люди никакого другаго Бога, и что
всѣ прочіе боги были только ложные
боги, которыхъ люди вымыслили для
себя самихъ изъ ослѣпленія и суевѣрія,
то, хотя онъ и называлъ сего Бога
Богомъ Опцевъ ихъ, предупредилъ од-
накожъ воображенію, что оный есть
также Богомъ одного только какого ни-
будь народа, или одной какой нибудь
страны.

Онъ не допускалъ также воображе-
нію ихъ приводить имъ на мысль, что
они, по причинѣ сего ихъ по плоти про-
исхожденія, были родъ любимый Богомъ,
который имѣлъ особенное право быть
у него въ милости.

Самъ Авраамъ, по его представле-
нію, былъ избранъ не безъ условной ми-
лости. Онъ есть только другъ Божій,
понеже онъ, для избѣжанія соблазна къ
идолопоклонству, оставилъ свое отече-
ство, и въ вѣрѣ пребылъ къ сему еди-
ному Богу во всю свою жизнь непоко-
ле

любимымъ и швердымъ. (*) Потому одинъ и получилъ онъ величайшія обѣщанія, и потому единственно выбралъ Богъ его родъ, желая быть онаго Богомъ, въ особенномъ разумѣніи, не для происхожденія по плоти, но для поощренія онаго примѣромъ его праотца къ таковому жъ швердому пребыванію въ своей вѣрѣ въ Бога своего съ отрицаніемъ всѣхъ прочихъ боговъ, и въ послушномъ послѣдованіи его законамъ. Сіе то есть условіе съ ними учиненнаго обѣща, и имъ сообщенныхъ преимуществъ; но еслили они воображаютъ будущъ себѣ, что кромѣ того имѣютъ какія особенныя преимущества, или оказали какія особливья услуги, и не ставутъ по мѣрѣ совершеннѣйшихъ ихъ познаній и совершеннѣйшаго закона, такъ какъ и чрезъ святѣйшую и непорочнѣйшую жизнь, (*) яко народъ сему Богу особливо посвященный, отъ другихъ народовъ отличать себя: то снидетъ судъ Божій на нихъ несравненно ужаснѣе, и Богъ ихъ, въ доказательство своей справедливости, и въ память пренебреженныхъ ими преимуществъ, разсѣетъ ихъ между всѣми земнородными, и учинитъ ихъ позорищемъ міра. Моисей

(*) Быт. гл. 18. ст. 16, и 19.

(**) Второзак. гл. 4. 7. 9. 10. 11. 28 29.

сей съ такою же оспорожностію и съ такимъ же благоразуміемъ отвращаетъ злоупотребленіе, которое они могли бы сдѣлать противъ другихъ народовъ. Ибо кромѣ того, что у нихъ большею частію уже отнятъ былъ къ тому случай, долженствовало они въ опредѣленныхъ имъ границахъ жить отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ народовъ; были своимъ закономъ обязаны не только къ строжайшему наблюденію справедливости ко всѣмъ людямъ, но и къ терпѣнію безъ малѣйшаго совѣспи принужденія всѣхъ чужестранныхъ, которые хотѣли между ими поселиться, когда они только желали поступать сходственно съ первымъ основаніемъ ихъ религіи и правленія. (*) Онъ далъ имъ совершенно одинаковое съ жителями своей страны право; принялъ ихъ еще въ свое особенное защищеніе, и обязалъ жителей ко всѣмъ должностямъ возможнѣйшаго челолюбія къ онымъ, предлагая сильнѣйшую и побудительнѣйшую причину, что они и сами были въ Египтѣ пришельцами. Вообще сказать, гдѣ былъ такой законодатель въ свѣтѣ, который бы старался сіе чувствованіе всеобщей любви къ людямъ возбуждать въ своемъ народѣ, и вкоренять бы въ него

(*) Чиселъ гл. 15. ст. 15. второзак. гл. 10. ст. 18. 19.

него исполненіе оной ко всѣмъ чужестранцамъ , бѣднымъ вдовицамъ и сиротамъ , такъ какъ и самимъ рабамъ шоль многократными , сильными и чувствительными выраженіями ?

II.

С Л О В О (*)

О ВОЛЬНОДУМЦАХЪ И НЕВѢРУЮЩИХЪ.

Рѣша: не узритъ Господь, ниже уразумѣетъ Богъ Иакоплъ. Разумѣйте же безумніи въ людехъ и буи нѣкогда умудритесь; насаждай ухо не слышитъ ли? или создамый око не смотритъ ли? наказуяй язѣки необличитъ ли? учай челоуѣка разуму. Псал. XCIII.

7 — 10.

Трудно съ умѣренностію взирать на шѣхъ , кои, управляя разумъ свой по
раз-

(*) Изъ сочиненій господина Жакъ Сорена, перевелъ съ Французскаго языка на Россійской Троицкаго Колязинскаго монастыря Архимандритъ, Феоклиститъ; копорому первымъ нашимъ долгомъ почишаемъ предъ всѣми нашими почтенными читателями за се благородное и ободрительное его для насъ въ шрудахъ нашихъ споспѣшествованіе принести при семъ чувствительнѣйшую и искреннюю благодарность.

развращности сердца своего, къ заблужденіямъ своимъ пристрастны толико, что лучше желаютъ предлагать самыя осязательныя безпутства, нежели сдѣлать хотя малѣйшее принужденіе спростямъ самымъ непристойнымъ.

Внушите, како богодохновенные Мужи оглашаютъ людей сего рода! *Сыноне буи (*) и безумни, мудри суть, еже тпорити злая, благоже тпорити не познаша. (**)* *Позна полъ стяжапшата ѿ, и осель ясли господина споего: Израиль же мене не позна, и людіе мои не разумѣша. (***)* *О несмысленнии Галате! кто ны прельстиль есть не покоритися истиннѣ?*

Не собирая больше таковыхъ примѣровъ, довлѣетъ намъ примѣнить, что естли были когда либо челоуѣки достойные сихъ ненавистныхъ нарицаній: то таковы суть означаемые здѣсь нашимъ Пророкомъ. Сіи отвращенія достойные люди, дабы безъ угрызенія совѣсти нарушаютъ законы вѣры, утверждають, что вѣра есть одна мечта; дабы быть спокойными законопреступниками, ожесточаются нарочно,
и

(*) Иерем. IV. 22.

(**) Исаія. гл. I. ст. 3.

(***) Къ Галаш. III. 1.

и всѣ ко удержанію злости человѣческой положенныя отъ Бога преграды разрушаютъ. По сему то Пророкъ не оказываетъ въ разсужденіи ихъ той любви, которую бы заслуживалъ человѣкъ малоумный, погрѣшающій единственно по причинѣ несчастнаго своего воспитанія и тѣсныхъ предѣловъ своего разсудка. *О вы безумніи въ людехъ, говоритъ онъ имъ, разумѣйте! о вы буи, когда умудритесь?*

Сего-то рода людей хошу я укорять нынѣ, не съ тѣмъ, якобы обѣщавалъ я себѣ много успѣху въ разсужденіи ихъ, и якобы я чаялъ обратить ихъ на путь истинный. Сіи безумные суть изъ числа тѣхъ, о которыхъ Соломонъ сказывалъ: (*) *безумнаго, аще бѣши по средѣ сонмища, срамляя его, не отымеши безумія его.* Но я предупреждая разпространеніе зла, похитившаго уже у насъ великое число молодыхъ людей, потщуся предохранить отъ вольнодумства и невѣрія юношество наше, и васъ утвердить къ непоколебимому пребыванію во святой вашей вѣрѣ. Приступимъ къ самому дѣлу!

По нарѣчію священныхъ Писателей, а особливо по нарѣчію нашего Пророка, опровергаютъ бытіе Божіе, догматы про-

видѣ.

(*) Припч. XXVII. 22.

видѣнія и существенное различіе между правостію и неправостію, значимѣ одно и то же. Снесите псаломѣ, изъ котораго я взялъ слова моего стиха, съ псал. XIII. и LI, а особливо съ псал. IX, то увидите, что въ оныхъ Псалмопѣвецъ смѣшиваетъ глаголющихъ въ себѣ: *нѣсть Бога, съ глаголющими: не узритъ господь, ниже уразумѣетъ Богъ Иакоуль. Забы (*) Богъ отпрати лице свое, да не пидитъ до конца.*

Въ самой вещи, хотя можно утверждать послѣдній изъ сихъ догматовъ, не принимая перваго; однако одинъ не меньше существенъ въ вѣрѣ, какъ и другой; можно быть Деистомъ и Эпикуромъ, не будучи безбожнымъ; однако систима безбожнаго не больше ненавистна божеству, какъ и систима Эпикура и Деиста.

И потому-то изъ сихъ различныхъ чловѣковъ составлю я одного, и буду сражаться съ нимъ, по примѣру Пророка, однимъ и тѣмъ же оружіемъ.

Дабы оправдать наименованія, которыя имъ даетъ Пророкъ, я возстану I. на ихъ вкусъ. II. на ихъ политику; III. на ихъ непокоривость. IV. на ихъ Логику, или яснѣе сказать, на способъ умство-

(*) Псал. IX. 32.

умствования ихъ. V. на ихъ нравоученіе VI. на ихъ совѣсть; на конецъ на ихъ недостатки въ вѣжливости, на ихъ знаніе свѣта. Изобиліе предложеній не заставитъ меня выступитъ изъ предѣловъ обыкновенныхъ моихъ упражненій; я буду больше уважать свойство нашего вѣка, нежели свойство вѣка нашего Пророка.

I. Если вы разсудите о вкусѣ людей, описываемыхъ нашимъ Пророкомъ, то увидите, что по справедливости ознаменуетъ онъ ихъ *безумными и буими*.

До какой неумѣренности надобно дойти, чтобъ опровергать вѣру, безъ которой ничего инаго ожидать не можно, какъ злосчастія! Кто изъ самыхъ счастливейшихъ людей не имѣетъ нужды въ пособіи вѣры? Колико превращеній въ Политикъ! колико досадъ въ военномъ служеніи! колико приключеній въ торговлѣ! колико неизвѣстностей въ наукахъ! колико горестей въ роскошахъ! колико уязвленій во славѣ! колико непостоянства въ богатствахъ! колико невѣрности въ дружествахъ! колико помѣшательства въ предпріятіяхъ! колико подкоповъ въ счастіи! О злосчастный человекъ! кто тебя укрѣпитъ противъ толикихъ золъ? О коль непріяз-

1782. Часть III. Октяб. И. ненны

ненны утѣшители суть страсти въ печальныхъ сихъ приключеніяхъ нашей жизни! о какъ и самая Философія, какъ Зенонъ и его послѣдователи, какъ суть мало способны къ успокоенію жалостнаго смертнаго, когда они ему говорятъ: Что его несчастія суть неразлучны съ его существомъ; что, будучи челоѣкомъ, онъ не долженъ считать себя извѣтымъ изъ всего того, что обстоитъ челоѣческое состояніе; что если несчастія сильны, то они будутъ кратки; если продолжительны, будутъ сносны; что се есть необходимость судьбы влекущая ихъ съ собою; что жалобы и соволѣзнопанія не могутъ перемѣнить порядка вещей; что мужественное сердце должно быть выше случаевъ, противопоставлять Тираннамъ, презирать счастье, и даже не чувствовать болѣзни. Размышленія сносны въ книгѣ, доказательства пріемны въ училищѣ: но слабости разсужденія, суесть доказательствъ на одрѣ немоществованія, во страданіяхъ болѣзни каменной, или подагры!

О какъ вѣра намъ нужна въ такихъ пагубныхъ обстоятельствеяхъ! и коль несравненно способнѣйшимъ образомъ вѣщаетъ она къ намъ къ облегченію золь угнѣтающихъ насъ! Вѣра намъ
ска-

скажетъ, что когда Богъ насъ наказываетъ: то сіе бываетъ для нашей собственной пользы; бываетъ сіе для того, чтобы мы, будучи несчастны на земли, устремлялись къ небу; что сія легкая (*) печаль наша тяготу пѣчныхъ слезъ содѣлываетъ намъ, (**) да искушеніе нашея пѣры многочестнѣйше злата тивнуща, огнемъ искушенна, обрящется въ похвалу и честь и славу, по откровеніи Иисусъ Христопѣ.

Но въра наипаче нужна есть въ той великой переменѣ, въ той пагубной цѣли, къ копорой клонятся всѣ поступки нашей жизни, то есть, въ часѣ смертномъ; ибо предавшись слѣпо веселостямъ, послѣ пѣній, послѣ плясаний, послѣ пиршествъ надобно умереть. И что иное, скажите мнѣ, ежели не въра подкрѣпитъ челоуѣка борющагося съ онымъ Царемъ ужаса (***)? Челоуѣкъ видящій свои пышности униженныя, свои сокровища похищенныя, свои союзы прерванныя, свои чувства омертвѣвшія, свой гробъ изрытый, міръ исчезающій въ очахъ его, свои кости готовыя разсыпаться при челюстяхъ Ада, и свою душу раздѣленную между пагуб-

И 2

НОЮ

(*) Кор. II. Посл. IV. 17.

(**) 1. Петр. I. 7.

(***) Ев. XVIII. 14.

ною надеждою быть ничтожествомъ поглощенной, и между ужаснымъ страхомъ быть преданной отмстителю Богу.

При семъ страшномъ зрѣлицѣ падите, падите завѣсы невѣрія, покрывала мрака и разврата, и не мѣшайте намъ познать, колико нужна человеку вѣра! Вѣра смягчаетъ страшнаго страшныхъ, вѣра обуздываетъ сіе неукротимое чудовище, вѣра дѣлаетъ изъ наипоужаснѣйшаго всѣхъ предметовъ предлогъ радованія и торжества, вѣра ободряетъ духъ и утѣшаетъ совѣсть, вѣра представляетъ умирающему иное бытіе, иную жизнь, иное устройство, иные предметы, иные надежды. Вѣра укрѣпляетъ чело-
вѣка *пнутренняго*, (*) *когда пнѣшній падаетъ*, вѣра прогоняетъ ужасы сѣни смертной, (**) вѣра отверзаетъ своды небесныя очамъ святаго Стефана, вѣра глаголетъ къ разбойнику обратившемуся: *днесь со мною будеши въ рай*, (***) и ко всѣмъ кающимся вѣщаетъ: *блаженни мертви*, (****) *умирающии о Господѣ*.

II. Приступивъ къ вольнодумцу и невѣрующему со стороны его частной корысти, приступаю къ нему со стороны коры-

корысти

(*) Кор. IV. 10.

(**) Псал. XXII. 4.

(***) Лук. XXIII. 43.

(****) Апокалип. XIV. 13.

корысти общей, и восстаю на его Политику, учинивъ нападеніе на его вкусъ.

Невѣрующій естъ возмущитель общаго спокойствія, который тѣмъ самымъ, что предпріемлетъ разрушить основанія вѣры, предпринимаетъ разрушить и основанія общества.

Общество не можетъ существовать безъ вѣры. Объяснить сіе предложеніе, значитъ рѣшить предварительно хитросплетенія оному противуполагаемыя.

Первое изъясненіе. Когда мы сказываемъ, что *общество не можетъ существовать безъ вѣры*: то мы въ семъ нашемъ предложеніи не включаемъ всѣхъ въ міръ вѣръ. Мы подъ тѣмъ разумѣемъ тѣ только первѣйшія вѣры начѣла, которыя суть основаніемъ добродѣтели, какъ-то: созданіе и искупленіе міра, провидѣніе, безсмертіе души и будущій судъ. Но какъ вольнодумцы и невѣрующіе противуполагаютъ намъ изъ языческаго богослуженія послѣдовавшей обществу вредъ: то сіе ничего противу насъ не заключаетъ, но паче къ нашей пользѣ служитъ.

Второе изъясненіе. Когда мы сказываемъ, что *общество не можетъ существовать безъ вѣры*: то мы не разумѣемъ, что спасительныя правила вѣры изъяты суть отъ всѣхъ злоупо-

пробленій и несчастныхъ случаевъ обществу вредныхъ. И такъ противуполагаемая намъ войны, крестные походы, гоненія суевѣріемъ причиненныя къ нашему предложенію не касаются.

Третіе изъясненіе. Когда мы сказываемъ, что *общество не можетъ существовать безъ нравы*: то мы не утверждаемъ, что въ обществѣ вѣрныхъ не могутъ произойти не порядки; но мы только сказываемъ, что сіи безпорядки, каковы бы они ни были, не могутъ быть соразмѣрны съ нравомъ пользами, какія вѣра оному доставляетъ. И потому всѣ противуполагаемая намъ возмущенія, какія произвела въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ ревность, предложенія нашего не потрясаютъ.

Четвертое изъясненіе. Когда мы сказываемъ, что *общество не можетъ существовать безъ нравы*: то мы не сказываемъ, что одна токмо вѣра производитъ добродѣтели въ обществѣ сіяющія, а побужденія чловѣческія въ нашихъ сердцахъ недѣйствительны; но полагаемъ только то, что вѣра сама въ себѣ есть безконечно способнѣе, нежели побужденія чловѣческія ко благоустроенію общества. И потому изчисленіе добродѣтелей, происходящихъ единственно отъ воспитанія, или отъ сложе-

сложенія, не наноситъ никакого вреда основаніямъ, кои мы утвердимъ щимся.

Послѣднее изъясненіе. Когда мы говоримъ, что общество не можетъ существовать безъ цѣры: то мы не говоримъ, что всякой Атеистъ и всякой Деистъ долженъ по сему самому предаться всѣмъ родамъ пороковъ, и что впадшіе въ невѣріе, изъ всѣхъ чело-вѣковъ наизвратнѣйшіе суть, мы признаемъ, что многіе изъ такихъ людей жили порядочнымъ образомъ; но мы говоримъ шокмо то, что невѣріе само въ себѣ отворяетъ дверь всѣмъ порокамъ, и что, судя по образу, какимъ люди составлены, ежели бы они не вѣровали въ Бога, ежели бы не вѣрили никакому суду, никакому провидѣнію; то увидѣли бы мы, что безпорядки ихъ весьма бы умножились. И потому всѣ оныя примѣры, приводимые намъ о Діагорѣ, о Θεодорѣ, Плиніи, о Ванинѣ и о нѣкоторыхъ обществахъ истинныхъ или вымышленныхъ, о коихъ сказываютъ, якобы они были весьма порядочны безъ пособія вѣры; все сіе не наноситъ никакого вреда нашему положенію.

Въ предшествіи таковыхъ размышленій мы утверждаемъ, что Полипика не могла успѣшь въ соединеніи лю-

дей въ составѣ общества, какъ токмо предполагая, что вѣра есть полезна и на крѣпкихъ основаніяхъ утверждена. Ибо ежели бы не было вѣры, то каждый членъ общества могъ бы дѣлать, что ему угодно; и тогда всякъ подалъ бы поводъ своимъ спраснямъ, всякъ употреблялъ бы свою силу, чтобъ угнѣтать безсильнаго; свою хитрость, чтобъ обмануть простодушнаго; свое краснорѣчіе, чтобъ прельстить имовѣрнаго; свою довѣренность, чтобъ разорить торговлю; свою власть, чтобъ нанести вездѣ страхъ, ужасъ, мучительство, кровопролитіе. Непорядки ужасные по ихъ свойству, но необходимые по началамъ невѣрія! ибо, ежели вы предполагаете, что безъ помощи вѣры сіи безпорядки предупреждены быть могутъ: то должны вы приписать сіе дѣйствіе или пользѣ личной, или честности свѣтской, или законамъ человѣческимъ.

1. Личная польза не можетъ замѣнить вѣры. Ибо частный человѣкъ не можетъ итти противу всѣхъ, передѣлать всѣхъ, и устроить новый міръ. Случаются тысящныя обстоятельства, въ которыхъ добродѣтель и польза личная совмѣстны быть не могутъ.

2. Честность свѣтская не можетъ также замѣнить вѣры. Ибо что есть свѣтская честность? — Добродѣтель наружная и искусство прикрывать себя предъ очами человѣческими, больше показываться добродѣтельнымъ, нежели быть онымъ въ самой вещи. Если вы распространите далѣе предѣлы свѣтскія честности, если вы оную поставите въ чистотѣ совѣсти, въ оной непорочности намѣреній, которыя суть подлинно толь твердыя и крѣпкія основанія добродѣтели; то вы увидите, что се есть одно токмо изрядное понятіе, ни въ комъ почти невмѣстимое, или лучше сказать, что се не иное что есть, какъ токмо отрасль вѣры.

На конецъ и законы человѣческіе не могутъ замѣнить вѣры. На какую бы степень совершенства ни были они возведенны, однако въ нихъ всегда съ трехъ сторонъ примѣчается слабость.

1. *Законы челоѣческіе суть несовершенны въ своей сущности.* Правда они запрещаютъ ужасные пороки; но не тѣ нѣжные грѣхи, которые будучи по видимому не столь жестоки, тѣмъ не меньше удобны къ возмущенію спокойствія жизни. Правда, они запрещаютъ убійство, воровство, любодѣйство; но они не запрещаютъ зависти, гнѣва,

вождедѣнія. Правда, они предписываютъ отдавать каждому должное, упражняться въ наукахъ и художествахъ; но они не предписываютъ терпѣнія, кротости, смиренномудрія, и той взаимной любви, которую намъ внушаетъ вѣра. И вы со мною согласитесь, что общество, въ которомъ не будетъ вспоможенія, терпѣнія, взаимной любви, не можетъ быть благополучнымъ.

2. *Законы челоѣческіе суть славы пѣ своихъ побужденійхъ.* Можно лишиться награжденій ими обѣщываемыхъ, можно снести наказанія ими налагаемыя; и бывають особенные случаи, въ которыхъ, нарушающіе ихъ, больше умножили свои пользы, нежели когда бы они слѣдовали имъ постоянно и по самой ихъ почности.

3. *Законы челоѣческіе суть ограниченны пѣ споемъ пространствѣ.* Державные Владѣтели, а иногда и имъ приближеннѣйшіе бывають отъ челоѣческихъ законовъ свободными. Но въ сей каедрѣ, но въ семъ храмѣ, но предъ лицемъ Бога, въ домѣ семъ присутствующаго и на лица невзирающаго, законъ божій и до оныхъ проспирается; и въ сей части, кто не чувствуетъ несовершенства челоѣческихъ законовъ? кто не чувствуетъ и надобности вѣры?

III. Невѣрующій приводитъ непокоривость до высочайшей степени; поколику онъ предприемлетъ сопротивляться одинъ всему человѣческому роду, и поколику имѣетъ дерзость предпочитать свое разсужденіе разсужденію всѣхъ людей, которые, исключая весьма малое число, приняли единодушно опровергаемыя отъ него истинны.

Сей доводъ, изъ единодушнаго согласія взятый въ пользу вѣры, подаетъ доказательство, или покрайней мѣрѣ домышленіе, когда восхощетъ кто противоположить оный шѣмъ затрудненіямъ, какія невѣрующій приводитъ противу вѣры. Ибо хотя вѣра чловѣка разумнаго не всегда должна основываться на множествѣ голосовъ: однако единодушное согласіе во мнѣвіи есть достойно уваженія, когда оно имѣетъ сіи признаки.

1. *Когда оно принято по всѣхъ мѣстахъ.* Предразсужденіе перемѣняется по разности климатовъ; то, что зависитъ отъ своенравія чловѣческаго, различно есть въ Европѣ, различно въ Азій, по той мѣрѣ, какъ кровь въ народѣ холодна или горяча, воображеніе сильно или слабо.

2. Когда мнѣніе принято по всѣхъ временахъ. Предразсужденія переменяющіяся по временамъ, годы научающіе, опытъ исправляетъ погрѣшности прежде учиненныя и въ почтеніи тогда бывшія.

3. Когда мнѣніе противно страстямъ челоувѣческимъ. Кому не извѣстно, koliko страстямъ челоувѣческимъ противоположна вѣра; но какъ она во всѣхъ временахъ и во всѣхъ вселенныя мѣстахъ въ особливомъ уваженіи и соблюденіи была, есть и будетъ; то кто не видитъ, что не простая догадка, но истинное доказательство божескаго въ вѣрѣ дѣйствія?

Знаю, что невѣрующіе пшщатся ослабить сей доводъ свидѣтельствомъ нѣкоторыхъ древнихъ Историковъ и извѣстіями нѣкоторыхъ нынѣшнихъ Путешественниковъ, кои представляютъ о нѣкоторыхъ людяхъ и о нѣкоторыхъ цѣлыхъ обществахъ, безъ Бога и безъ вѣры бывшихъ.

На сіе отвѣщаемъ, раздѣляя Апейстовъ на три статьи: на Философовъ, невѣжъ и развратныхъ.

Истинные Философы, ежели вы вникнете въ дѣла ихъ, не были безбожны, но не принимали многобожія, и за то отъ многобожниковъ нарицаемы бывали невѣрными.

Невѣ-

Невѣжи и непросвѣщенные народы, божая швари, доказываютъ вѣру идолопоклонническую, и сіе намъ споспѣшествуетъ, какъ вѣ первомъ примѣчаніи первой части показано. И потому утверждаемъ, что гдѣ хотя малая искра разума примѣтна, тамъ примѣтна и искра вѣры; одни токмо развратные не приемятъ вѣры, и помрачая нарочно разумъ свой, утверждаютъ свои собственныя мнѣнія и положенія безъ основательныхъ причинъ, безъ испытанія, безъ разсмотрѣнія.

Никто такъ не достоинъ имени *безумныхъ и буихъ въ людехъ*, какъ тѣ, которые, будучи, каковы по большей части суть невѣрующіе, безъ науки, безъ знанія, которые не удостоивая разбирать и ниже слушать о тѣхъ доказательствахъ, на которыхъ всѣ во всей вселенной люди, выключая толь малое число, утвердили догматы бытія Божія, провидѣнія, и прочее, хотятъ принять на себя видъ невѣрія, и говорятъ дерзостно: Меркурій Трисмегистъ, Зороастръ, Пифагоръ, Аристотель, Сократъ, Платонъ, Сенека, и что еще важнѣе, Моисей, Соломонъ, святыи Павелъ, и прочіе Апостоли учили такимъ и такимъ догматамъ: но я не ихъ мнѣнія. И по какому праву, ска-
житѣ

жите мнѣ, смѣете вы опровергать тѣ догматы, которые имѣли толь знаменитыхъ защитниковъ? Знаете ли вы, что труднѣе всего представлять ту особу, которою вы щеславивесь. Ибо поколику вы сопротивляетесь понятіямъ всеобщимъ, истиннамъ самымъ яснымъ, разсужденіямъ наибольше пріямымъ: то надобно, чтобъ вы имѣли разумъ ошмѣнный, ежели вы то хотите учинить съ нѣкоторымъ вѣрояніемъ; надобно, чтобъ вы учинили ужè изслѣдованія глубочайшія, прочли книги обширнѣйшія, постигли вопросы сокровеннѣйшіе; надобно, чтобъ вы имѣли искусство не подвергать себя доказательствамъ, прикрывать хитроуплеменія, отражать тысящные удары, отовсюду вамъ наносимыя. Но вы, вы скудоумные, вы невѣжи, вы, которые едва знаете сложить два слова безъ погрѣшности противъ правилъ грамматическихъ, вы не можете связать двухъ понятій вмѣсто, не нарушая познаній всеобщаго разсудка, какъ вы будете представлять ту особу, которой и великіе умы представить не могутъ?

IV. Поелику нѣтъ челоуѣка толь несмысленнаго, который бы не вмѣшивался въ умствованія, и нѣтъ никого толь вѣтреннаго въ рѣшеніяхъ своихъ, ко-
 рый

рый бы принявъ какоелибо рѣшеніе, не пѣшилъ защищать, что онѣ приступилъ на оное съ довольнымъ и зрѣлымъ размышленіемъ. *Быть такъ!* поговоримъ съ невѣрующимъ, какъ съ Философомъ, который всегда разумъ свой беретъ предводителемъ, и который предлагаетъ доводы по началамъ и слѣдствіямъ. Разберите его Логику, или, какъ я сказалъ, способъ его умствованія, вы увидите, что способъ его умствованія доказываетъ его беспутность, и Логика его показываетъ его сумазбродство.

Чтобы то понять, то положите на самое праведное и точное мѣрило доводъ нашего Пророка. *Насаждей ухо,* говоритъ сей Пророкъ, *не слышитъ ли? или созданный око не смотритъ ли? наказуя языки, и учай челоука разуму, не обличитъ ли?* Се сокращенно три источника доводовъ основывающихъ вѣру! Первые взяты изъ произведеній естества: *насаждей ухо не слышитъ ли? или созданный око не смотритъ ли?* Вторые взяты изъ устройства провидѣнія: *наказуя языки.* Третье взяты изъ дѣяній церковныхъ: *учай челоука разуму.*

Первые взяты изъ чудесъ естества. Пророкъ изъ оныхъ представляетъ два токмо примѣра, примѣръ уха, и примѣръ ока.

Никто не даетъ, чего самъ не имѣетъ; сіе есть неоспоримѣйшее изъ всѣхъ началъ. Подающій другимъ существамъ, отъ него сотвореннымъ, нѣкоторыя способности, долженствуетъ обладать всѣмъ тѣмъ, что въ сихъ способностяхъ заключается изыщнѣйшее. Подавшій намъ способность слышанія, долженъ и самъ слышать. Подавшій намъ способность различать предметы, долженъ и самъ различать оныя; слѣдовательно значитъ сумазбродство, сказывать: не узритъ Господь ниже уразумѣетъ Богъ Іакопль.

Но доводъ, вземлемый изъ состава нашихъ очей и нашихъ ушей, доставляетъ намъ равномѣрно и прочія чудеса Создателя. Создатель обладаетъ всѣмъ тѣмъ, что есть великое и изыщное въ способностяхъ, кои онъ сообщилъ своимъ тварямъ. По таковымъ основаніямъ, какого понятія не должны мы составить себѣ о Создателѣ?

Изъ какой бездны могущества должныствовали произойти сіи обширныя разстоянія, сіе пространство неизмѣримое, въ которомъ и воображеніе теряется; сіи великія тѣла насъ окружающія, сіи свѣтозарные шары, сіи пламенющіе надъ главами нашими круги, и всѣ про-

прочія сіи шворенія, которыя входятъ въ составъ сея вселенныя?

Изъ какой бездны премудрости должны проивойти сіи перемѣны, временъ дня, ночи; сіи блестящія звѣзды, толико разбренны въ своемъ печеніи, толь порядочно расположенны въ продолженіи бытія своего; и всѣ сіи многоразличныя пружины міра, которыя исправляютъ толь порядочно свое устройство?

Изъ какой бездны разума должны проивойти сіи существа разумныя, составляющія славу умственаго міра; сіи глубокіе Политики, проницающіе въ сокровеннѣйшія тайны челоуѣческаго сѣрдца; сіи Полководцы, одни по цѣлой арміи летающіе и оживляющіе голосомъ и взоромъ своимъ толпы состоящія изъ толь разныхъ частей; сіи великіе умы, отверзающіе тайны естества, воспекающіе на небеса чудодѣйствіями Диоптрики, низходящіе въ бездну, испытывающіе упробу земную, переходящіе за предѣлы твердыни нашея земли по художному мореплаванію, презирающіе сокрытые камни, между вѣтрами и волнами, пушающіе по водамъ нѣсколько досокъ вмѣстѣ связанныхъ въ отдаленнѣйшіе климаты? Кто опречетъ Винов-

нику всѣхъ сихъ чудесъ способность зрѣнія и слышанія?

Но скажетъ невѣрующій: я не предпріемлю опровергать того, чтобъ всѣ сіи чудеса не долженствовали бытія своего первому существу, ни того, чтобъ сіе первое существо, которымъ единымъ они всѣ существуютъ, не обладало и тѣмъ, что только изыщнѣйшее и превосходнѣйшее они имѣютъ: но я утверждаю, что сіе первое существо есть толь великое и толь возвышенное, что его великость и возвышеніе возбраняютъ ему низводить глаза на землю, наблюдать то, что дѣлаетъ толь низкая и толь бѣдная тварь, каковъ есть человекъ. Существо, котораго совершенства ничто не можетъ ограничить, будетъ ли мѣшаться въ поведеніе мое? удостоитъ ли оно испытывать, удерживаю ли я, или уплачиваю награжденіе служащимъ мнѣ? порядоченъ ли я, или непорядоченъ въ моемъ домовствѣ? и такъ далѣе. Государь окруженный славою и великолѣпіемъ, держа въ могущественныхъ рукахъ своихъ кормило царствія своего; Государь, озабоченъ будучи размышленіемъ о дѣлахъ государственныхъ, о снаряженіи флотовъ, о набираниі войскъ, захочетъ ли принимать въ свои разсужденія поступки

ступки нѣкихъ червей ползающихъ
подъ ногами его?

Но сіе сравненіе Бога съ Государемъ и людей съ червемъ земнымъ есть безпутно въ своей важности. Устройство провидѣнія и дѣянія Церкви согласно съ чудесами естества открываютъ намъ многія тысячи разностей между отношеніями, кои Богъ имѣетъ съ чело-вѣками, и между отношеніями, кои Государь можетъ имѣть съ червями земными. Государь не далъ червямъ симъ разумной души, а Богъ далъ намъ душу разумную. Государь не показалъ тысящными ударами мщенія, тысящными блистательными награжденіями, что онъ обращаетъ глаза на поведеніе сихъ червей; а Богъ засвидѣтельствовалъ тысящными блистательными награжденіями, тысящными ударами мщенія, что онъ внемлетъ поступкамъ человѣческимъ. Государь не дѣлалъ завѣта съ сими червями, а Богъ сдѣлалъ завѣтъ съ нами. Государь не предписалъ симъ червямъ служить себѣ, а мы утверждаемъ, что Богъ повелѣлъ намъ служить ему. Государь не можетъ доставить вѣчнаго блаженства симъ червямъ, а Богъ можетъ намъ доставить вѣчное блаженство. Государь, хотя и Государь, есть чело-вѣкъ; имѣетъ умъ

ограниченный: то и было бы невмѣст-
но, ежели бы онъ будучи призванъ къ
правленію Государства, наполнялъ спо-
собности разума своего мѣлочами. Но
такое ли есть поняшіе, какое имѣемъ
мы о Божествѣ? Управление солнца,
спроительство міра, произведеніе мно-
жайшихъ оныхъ существъ въ естествѣ
раждающихся, распоряженіе вселенныя,
не могутъ истощить онаго ума, ко-
торый есть предметомъ нашего слу-
женія. Въ то самое время, когда мы-
сли его объемлютъ во всей пространной
окружности всѣ твари возможные и
существующія, присутственна очамъ
его каждая въ особенности тварь, какъ
будто бы онъ токмо единою былъ
занятъ.

Когда доводы сіи такимъ образомъ
предложены, то невѣрующій или соз-
наётъ, что они подають намъ по край-
ности вѣроятіе въ пользу вѣры вообще,
и въ пользу сего положенія въ особен-
ности: *Богъ причикаетъ на дѣйствія*
человѣческія; или онъ отрекается сознать
се? Есть ли отрекается сознать се,
есть ли онъ вправду утверждаетъ,
что всѣ сіи доводы не токмо не подають
доказательствъ, но ниже вѣроятія въ
пользу вѣры: тогда онъ есть безуменъ;
и мнѣ не остается больше предлагать
ему

ему другихъ доводовъ, кромѣ доводовъ нашего Пророка: *Буи! когда умудритесь?*

Я даже сомнѣваюсь, чтобы какойнибудь невѣрующій могъ когдалибо достигнуть того, чтобы былъ въ состояніи въ томъ увѣрить себя, въ чемъ бы онъ вознамѣрился въ семъ случаѣ увѣрять другихъ: то есть, что оное множество истиннѣ, составляющихъ цѣлостъ естественныя вѣры; что оныя страшныя удары мщенія, оныя блистательныя награжденія, зримыя во устройствѣ провидѣнія; что исполненіе толикихъ пророчествъ; что твореніе толикихъ чудесъ, возвѣщенныхъ намъ въ дѣянїяхъ церковныхъ; я говорю никакъ думать не могу, чтобы какойнибудь невѣдущій могъ когда либо достигнуть того, дабы увѣрить самого себя въ томъ, что все сіе не составляетъ вѣроятїя противу системы невѣрія и безбожїа.

Но ежели сіяніе и сила истинныя исторгаютъ у него такое соглашеніе; естли онъ принужденъ мнѣ признаться, что хотя онъ не находитъ истинныхъ доказательствъ въ моихъ доводахъ, однако видитъ вѣроятїе въ нихъ: тогда я скажу ему съ Пророкомъ: *о безумнїи въ людехъ!* Для чего? Для того,

V. Для того, что сравнивая его Логику съ его нравоученіемъ, я вижу, что одно только безумство можетъ соединить сіи двѣ вещи. Послушайте какъ онъ умствуетъ! Вѣроятно, сказываетъ онъ, вѣроятно, что Богъ есть на небѣ; вѣроятно и то, что приникаетъ Богъ на дѣйствія человѣческія, и предоставляетъ себѣ не меньше наказывать тѣхъ, кои будутъ слѣдовать подстреканіямъ порока, какъ и награждать тѣхъ, кои будутъ повиноваться закону добродѣтели: однако вѣроятно, продолжаетъ вольнодумецъ и невѣрующій, вѣроятно, что и система невѣрія основательна; и въ такой неизвѣстности, я, сказываетъ онъ, въ такой неизвѣстности я имѣю право управлять жизнь и по тому началу, что невѣріе есть основательно. Но о безумный! надлежало бы тебѣ сказать вопреки, буде тебѣ обѣ стороны равно вѣроятны, надлежало бы говорить тебѣ сказать такъ: я буду провождать жизнь такимъ образомъ, что еслии Богъ на небѣ есть, о чемъ, хотя я сомнѣваюсь, но отрицаю того никакъ не могу; еслии Богъ приникаетъ на дѣла человѣческія, о чемъ я также хотя сомнѣваюсь, но отрицаю того никакъ не могу; что я по началамъ Логики безопаснѣйшую сторону принимаю, я буду

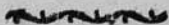

буду провождать жизнь такимъ образомъ, что бы въ случаѣ Богъ сей меня не осудилъ. Но не такъ, не такъ вольнодумецъ и невѣрующій заключаетъ! онъ нарочно ожесточается въ невѣріи. Я буду (се суть черты нѣсколько выше взятаго нами стиха, которыми Пророкъ нашъ изображаетъ невѣрующихъ своего времени) я буду, говоритъ онъ, угнѣтать людей Божіихъ; озлоблять достояніе его; допиць и сиротъ морить, и пришельца убицать; или, да скажу по свойству нашего вѣка: я буду провождать жизнь въ веселости, и не буду возбранять чувствамъ моимъ удаляться отъ всего того, что меня связываетъ. О семъ вольнодумецъ и невѣрующій такъ заключаетъ упорно, а не для того, будто бы онъ себѣ доказалъ уже, что или Бога нѣтъ, или что Богъ сей не принимаетъ на дѣла чловѣческія; слѣдовательно противу совѣсти говоритъ: нѣтъ провидѣнія, и суда не будетъ! Будьте сему судіями вы Христіане! Чловѣки, которые безумно пренебрегаютъ ношью будущихъ временъ, и единую возможность мукъ нечестивымъ вѣрою возвѣщаемыхъ, таковыя чловѣки не суть ли самыя буи, самыя безумныя въ людехъ? Безумныя ль людехъ разумѣйте! и буи, когда умудритесь?

VI. Препирая вольнодумцовъ и невѣрующихъ со стороны совѣсти, желалъ бы я низринуть ихъ однимъ только гласомъ сего стиха: *учай челоуѣка разуму не обличитъ ли? то есть: подапшій намъ законы не подумаетъ ли и о преступленіи оныхъ, нами содѣянномъ?* Правда, я знаю, тѣ, коихъ я препираю не довѣряютъ намъ, что бы мы сыскали въ нихъ слѣды того, что называется *совѣсть*. Но испытали ли вы совершенно самихъ себя, когда намъ предлагаете сіе недовѣреніе? Имѣли ли вы столько успѣха, какъ вы мните, въ ужасномъ предпріятіи, учиненномъ вами, чтобы вовсе уволить себя отъ устращеній совѣсти? Сей свѣтъ вовсе ли угасъ? Сей внутренній наставникъ не гласитъ ли вамъ болѣе ничего? Сіе Всемогущаго истязалище не понуждало ли васъ никогда къ такимъ сознаніямъ, кои вы отрекались учинить произвольно? Кольна ваши довольно ли утверждены, и не сотрясаются ли они отъ страха и ужаса?

Вопросъ касающійся до возможности извѣять себя совершенно отъ владычества совѣсти, есть вопросъ основывающійся на практикѣ и опытѣ. Мы не безъ основанія утверждаемъ, что челоуѣкъ никогда не можетъ прийти къ та-

такому состоянію. Вы утверждаете
 доказательство пропивнаго. Вы укры-
 лись, сказываєте вы, совершенно отъ
 грызенія совѣсти. Вы сказываєте, опытъ;
 я на то согласенъ, я вѣрю тому для
 слова вашего. Но вотъ другой опытъ,
 вѣ разсужденіи котораго и намъ взаимно
 должно повѣрить, и для котораго и
 наше слово стоить безъ сомнѣнія вашего!
 Вотъ онъ! мы видѣли множество боль-
 ныхъ, мы присутствовали множеству
 умирающихъ. Между тѣми, къ кото-
 рымъ призывало насъ наше служеніе,
 мы находили лица различнаго свойства.
 Мы видѣли людей, которые бывали
 таковы, какими вы нынѣ; мы видѣли
 людей поставляющихъ вѣ славу, чтобы
 быть свободными отъ заблужденій про-
 стонародныхъ, чтобы не исповѣдывать
 т. е. ни Бога, ни Вѣры, ни Ада, ни Рая; и
 какъ вы, такъ сказывали и они, когда
 предавали себя величайшимъ развратно-
 стямъ, сказывали и они: *не узритъ Го-
 сподь, ниже уразумѣетъ Богъ Иакоплъ!*
 Но мы не сыскали изъ нихъ ни единаго,
 ниже единаго, который бы не премѣ-
 нилъ своихъ мыслей въ часъ смертный?
 Сказываютъ, что есть и такіе. — Что
 до насъ касается, то мы не сыскали
 таковаго ни единаго, мы ниже единаго
 не сыскали, который бы намъ не дока-

валъ своимъ примѣромъ, что и вы такъ же премѣните свои мысли. Мы видѣли много такихъ, кои опрелися всѣхъ своихъ системъ, и кои проклинали тысячу кратъ свое невѣріе. Мы видѣли много такихъ, кои просили помощи отъ самой шой вѣры, которую обращали они въ посмѣяніе. Мы видѣли много такихъ, кои призывали и самое суевѣріе въ помощь вѣры, и кои блѣднѣли, дрожали, шрепепали при возврѣніи на единое одѣяніе наше, прежде нежели услышали рѣшеніе, которое Богъ имъ произнесъ поспѣшалъ нашими устами. Но мы не видѣли ни единого, ни же единого такого, который бы умеръ въ мнимой своей швердости разума. Вамъ остается или располагать себя по симъ событіямъ, или разсуждать, будете ли вы мужественнѣе? Вамъ остается испытывать, сѣиграете ли вы лучше представляемое вами лице, и возможете ли снести оныя смертоносныя мяшенія, оныя снѣдающія угрызенія, оныя страшныя шерзанія, кои привели подобныхъ вамъ къ перемѣненію вашихъ мыслей, и показанію шоликихъ робостей въ часъ смертный, сколько они оказали буйства во время ихъ жизни.

VII. Можетъ быть удивляетесь вы Б. М. что мы предоставили на конецъ самое слабое изъ всѣхъ нашихъ обореній? Можетъ быть возразите вы намъ, что побужденія взятыя изъ того, что называется учтивость и знаніе жить въ свѣтѣ, не могутъ имѣть ни малѣйшей важности въ душахъ, пребывшихъ безъ уязвленія отъ другихъ нашихъ пораженій. Однако не безъ причины поставили мы сей на послѣднемъ мѣстѣ. Вольнодумцы и невѣрующіе стараются часто о вѣжливости и пристойномъ обхожденіи; часто же и не по однимъ ложнымъ понятіямъ, какія они о томъ возымѣли, пристають они къ системѣ вольнодумства и невѣрія. Они полагаютъ, что здравый разумъ очень пахнетъ школою, и что вѣра есть школьное ученіе. Они мнятъ, что, для отличенія себя въ свѣтѣ, надобно оказаться, чтобы ничему не вѣрить, ни о чемъ не разсуждать.

Такъ послушайте добровѣжливые и благообходительные людіе! знаете ли вы, какъ васъ считаютъ въ свѣтѣ? Не по словамъ токмо Пророка, но по самому свидѣтельству призванныхъ жителей ствовать съ вами, хошу я васъ о томъ увѣрить. Васъ считаютъ въ свѣтѣ безумнѣйшими въ людехъ. *О ны безумнѣйшіе*

шіе пѣ людехъ! разумѣйте, что называется пѣжлипость и пристойное обхожденіе? что значитъ 'учтицтво и знаніе жить пѣ спѣтъ? Оно есть искусство примѣняться свѣйству общества, оказываться, что мы присупаемъ на мнѣнія лицъ сожительствующихъ съ нами; чествуемъ, что они чествуютъ; почитаемъ, что они почитаютъ; имѣемъ даже уваженіе къ ихъ предразсужденіямъ и слабостямъ. По сему началу не будете ли вы грубѣе и неучтивѣе всѣхъ человѣковъ? и дабы приспособить понятіе моего стиха, не будете ли вы безумнѣйшіе пѣ людехъ? Вы живете съ людьми, которые вѣруютъ Богу и благочестію; съ людьми, которые воспитанны и желаютъ умереть вѣ сихъ началахъ; съ людьми, изъ которыхъ нѣкоторые жертвовали вѣрѣ своею славою, своимъ спокойствіемъ и своимъ имуществомъ. И что еще важнѣе: вы живете вѣ обществѣ, котораго основанія разрушаются съ основаніями вѣры такъ, что ежели вы успѣете потрясти основанія вѣры, то симъ единымъ потрясете основанія общества. Всѣхъ членовъ польза состоитъ вѣ сохраненіи сего зданія, которое вы разрушите силой. Правительство отъ васъ желаетъ, чтобы вы не обнародовали начѣлъ, которыя

порыя поколеблютъ достояніе его. Народъ васъ проситъ не разглашать мнѣній утверждающихъ, что, кромѣ правительства земнаго, нѣтъ инаго суди. Сія мать, сѣшующая о смерти единороднаго сына своего, проситъ васъ, не оптимать у нея утѣшенія, которое подаетъ ей то увѣреніе, что сіе оплакиваемое ею дитя почиваетъ вѣ лонѣ славы. Сей болящій смиренно молитъ васъ не выводитъ его изъ того мнѣнія, которое утѣшаетъ его мученіе; сей умирающій, чтобы вы не покидали у него единственныя его надежды! Вселенная вся закликаетъ васъ, не сообщать жителямъ ея вашихъ заблужденій, которыхъ знаніе учинится для нея пагубнымъ! Не взирая на толикіе вопли, на толикія моленія, не взирая на толико усиленныя настоянія, и между толь многими участвующими во утвержденіи вѣры, защищать, что вѣра есть мечта, ожесточаться вѣ опроверженіи оныя, полагать все свое пшаніе и всю свою славу вѣ испребленіи ея: не значитъ ли самосовершеннѣйшаго неучтивства, безумія, и неистовства? *Разумѣйте безумнѣйшіе пѣ людехъ! и буи нѣкогда умудритесь!* особливо вѣ томъ, о чемъ и прежде нами говорено. Сказано нами тогда, что пороки чѣмъ большее имѣютъ

ють вліяніє вЪ челоуѣческое общество, шѣмъ болѣе должны бытъ ненавистны. Произносить вЪ неумѣренной развратности положенія кЪ опроверженію вѣры и добрыхъ нравовъ, есть безъ сумнѣнія мерзкое дѣло. Но несравненно гнуснѣе писать таковыя положенія, распространяють и обнародывають оныя изданіемъ.

Нѣтъ довольной причины, дабы прикрыть дозволеніє издавать таковыя сочиненія, какъ нѣтъ довольно поносныхъ выраженій описать шѣхъ, которые по предпринимать опваживаются. Закономъ Божиимъ предписано (*) *богохульники* (**) *и отпращающихъ отъ Бога*, каменіемъ побивать; и сей законъ наблюдали Израильтяне. Имѣють ли Христіане бѣльшее право хулить имя Божіе, нежели Жиды? имѣють ли бѣльшее право Христіанскія правительства терпѣть богохульниковъ и отпращающихъ отъ Бога и вѣры?

Но ежели нѣтъ причины, чѣтобъ дозволить изданіє таковыхъ книгъ: то какія слова будутъ довольно поносны, чѣтобъ описать издателей оныхъ? Несчастный безвѣръ! ты для тщетнаго имени Автора, и для пріобрѣтенія той

ЛОЖЬ

(*) Левит. XXIV. 16. 23.

(**) Второзакон. XIII. 10.

ложной славы, что ты пишешь живо и приятно, подвергаешь себя вѣчному безчестию! Какое безуміе оживляетъ тебя, несчастный! что изрыгаешь ядь своей развратности не только въ своемъ округѣ, но и по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ твои гнусныя сочиненія будутъ находиться, не только для современныхъ тебѣ, но и для будущихъ по тебѣ? какая казнь соразмѣрная злости твоей тебѣ можетъ быть наложена? Несчастный! кажется мнѣ, что я тебя вижу между толпою оныхъ жертвъ, кои по отмщенію Божескому закаляются въ шаршарѣ! кажется, что я тебя вижу среди недостойныхъ добычей, кои писаніями твоими пріобрѣтенны искони челоуѣкоубійцу, и что они произносятся къ тебѣ сіи страшныя слова: Варваръ! не довольно ли было тебѣ услаждаться пороками и лжею? за честь ли ты поставлялъ себѣ вдохнуть то и намъ? Не довольно ли было тебѣ для себя своевольно затворить входъ въ вѣчное блаженство? должно ли было и намъ оной заградить гнусными твоими полкованіями и гнуснымъ примѣромъ? Не довольно ли было тебѣ ввергнуть себя въ сей шаршаръ? должно ли было и насъ съ собою повлести? Ты былъ развратителемъ нашимъ во времени; мы будемъ мучи-

мучителями себѣ во вѣчности! Вѣчность
наипаче да устрашитъ васъ быть невѣ-
рующими, *о пы безумные и буйи пѣ*
людехъ! вы и по вашему вкусу, и по
Полиптикѣ, и по непокоривости, и по
способу умствования, и по совѣсти, и по
вѣжливости такіе. *Умудритесь!*

На семь стиха нашего словѣ, положа
предѣлъ сея бесѣды, приступаемъ къ
вамъ, Б. М! Проповѣдуя противъ людей
сего рода, кажется намъ, что мы чи-
таемъ то, что происходитъ въ вашемъ
сердцѣ. Вы себя поздравляете по боль-
шей части, что не состоите въ числѣ
невѣрующихъ, что мерзаете невѣріемъ,
благоговѣете къ вѣрѣ. Но сказать ли
вамъ, Б: М? Какъ бы ненавистны ни бы-
ли сіи человекѣ, которыхъ мы вамъ
описали, однако мы знаемъ еще ихъ
ненавистнѣе. Есть ограниченіе во мнѣ-
ніи, которое производитъ Пророкъ о
сихъ первыхъ, называя ихъ въ словахъ
моего стиха *буйими и безумными пѣ*
людехъ, и есть люди превышающіе ихъ
въ безуміи и буйствѣ.

Не думайте, что мы увеличиваемъ
се предложеніе, и что мы хотимъ
возбудить въ васъ вниманіе необычай-
ными замыслами. По сущей истинѣ,
я о семъ говорю такъ, какъ я думаю,
большаго безумія и буйства, и даже,
ежели

ежели смѣю такъ сказать, меньшаго поврежденія я не нахожу въ пѣхъ, которые предавшись стремленію своихъ страстей, селятся убѣдить себя, что или нѣтъ Бога на небѣ, или что онѣ не внемлютъ тому, что люди дѣлаютъ на земли, какъ нахожу оное въ вѣрующихъ, которые живутъ такъ, акибы они ему были вовсе не вѣрили. Невѣрующіе не могли удержатъ въ своихъ безчиніяхъ понятія о благотворителѣ оскорбленномъ, о высочайшемъ судіи прогнѣванномъ, о спасеніи вѣчномъ пренебреженномъ, объ адѣ, езерѣ горящемъ огнемъ и жупеломъ день и ночь во вѣки вѣковъ, въ посмѣяніе обращенномъ. Надлежало, дабы они дали свободное печеніе страстямъ своимъ; надлежало, чтобы они удалили отъ очей своихъ сіи страшные предметы, и чтобы они изгладили изъ мысли своей сіи поражающія истинны.

Но вы! вы вѣрующіе, что есть Богъ на небѣ! вы вѣрующіе, что находитесь предъ глазами его! вы оскорбляющіе его ежедневно безъ угрызения совѣсти и раскаянія! вы вѣрующіе, что сей Богъ держитъ громъ и молнію въ десницѣ своей, дабы потребить грѣшниковъ и живущихъ во грѣсѣ! вы вѣрующіе, что суть огни поядающіе и узы мрака, и пренебрегающіе ужасы оныхъ! вы вѣрующіе

ще безмертію душі, и единственнѣо пекущіеся о временномѣ! какими очами, какими безстыдными очами взираете вы?

Вы взираете на вѣру, какѣ на такое откровеніе, которое отѣ небесѣ произошло и основано на тысящныхѣ доказательствахѣ. Но состояніе ваше порочное, ежели ваша вѣра толь крѣпко утверждена! ибо, оставивѣ все прочее оное множество свидѣтельствѣ, подтверждающихѣ вѣру вами исповѣдываемую, оное множество свидѣтельствѣ подтверждающихѣ столько же дѣятельную, сколько умозрительную часть вѣры. Сіи свидѣтельства утверждаютѣ, что безѣ снѣтости (*) житія никтоже узритѣ Господа; что ни лихоимцы, ни скептники, ни прелюбодѣи, ни неправедницы царствія Божія не наследуютѣ (**). И слѣдственно сіи свидѣтельства утверждаютѣ, что естли вы несправедливы, естли вы сребролюбивы, естли вы нечисты, естли вы прелюбодѣйны, естли вы клеветники: вы будете исключены изѣ сего блаженнаго селенія. Отвергаете ли вы сіе предложеніе? Примите убо сторону невѣрующихѣ; обличите во лжи естество, совѣсть, церковь; обличи-

(*) Евр. XII. 14.

(**) 2. Кор. VI. 9.

обличите во лжи хромыхъ исправлен-
ныхъ, слѣпыхъ прозрѣвшихъ, мерт-
выхъ воскрешенныхъ; обличите во лжи
небо, землю, море, естество и стихіи!
Принимаете ли вы сіе предложеніе? Со-
знайте убо, что спасеніе ваше безнадеж-
но, ежели вы не переменитесь, ежели вы
не исправите вашихъ понятій, ежели не
опречетесь сего міра, очаровавшаго васъ
и ослѣпившаго очи ваши.

Се! Б. М. се есть ваша единая по-
мощь! сего мы чаемъ отъ васъ, къ сему
васъ увѣщеваемъ благоупробіемъ божі-
имъ и шѣмъ вождельнымъ блажен-
ствомъ, которое вамъ дарствуетъ вѣ-
ра! благоговѣйте къ сей вѣрѣ; поучай-
тесь въ ней вседневно; приспособляйте
утѣшенія ея къ скорби вашей, и запо-
вѣди ея къ вашей жизни, и соединяя
обѣщанія съ заповѣдями, и заповѣди
съ обѣщаніями, совершайте ваше Хри-
стіанство! Увѣрьте себя о мирѣ Божі-
емъ въ жизни, и о славѣ его по смерти.
Богъ да низпослетъ вамъ сію благо-
дашь. Аминь.

III.

СТАНСЫ.

КЪ началу своему, душа моя, спремись!
Отъ вышней силы ты духъ жизни получила;
КЪ источнику сему обратно вознесись,
Да пакн оживитъ тебя всевышняя сила.

Мірскія суеты гони и презирай,
Спрашись моя душа, спрашись кЪ нимъ прилѣпиться!
Для жизни вѣчныя жизнь временну вкушай,
Блаженствомъ вѣчнымъ ты спарайся насладиться!

Для искушенія лишь твердости твоей,
Среди мірскихъ суетъ ты жиши осужденна;
Восхощешь умертвишь себя коль въ жизни сей,
Воскреснешь въ Богъ ты, сЪ Нимъ будешь сообщенна.

Колико щедръ Господь, напomini ты себѣ;
Онъ два пуши тебѣ въ сей жизни представилъ:
Изъ двухъ одинъ избрать Онъ волю далъ тебѣ;
Судьею дѣлъ твоихъ Онъ самъ себя поставилъ.

О ты, душа моя, оставь, оставь потъ путь,
КЪ которому тебя плоть брenna призываетъ!
Сопустствуй духу ты, ему причастна будь;
Плоть въ пагубу тебя, духъ въ благо отклоняетъ.

Сотворшему тебя достойное воздай,
 Огнемъ любви къ Нему спремись воспламениться;
 Очисти храмъ Его, престолъ сооружай,
 Да щедрый Богъ въ тебѣ со славой воцарится.

Но я внимаю швой, душа моя, отвѣтъ:
 Горю къ Создателю любовью, ты вѣщаешь;
 Душа моя! въ тебѣ любви достойной нѣтъ,
 Дѣянїями ты себя изобличаешь.

Изчисли всѣ свои, изчисли ты дѣла!
 Какими жертвами ты Господа почтила?
 Скажи мнѣ, чѣмъ Творцу ты въ жизни воздала
 За благость, отъ Него кощору получила?

Возмездїя Ему не вижу отъ тебя;
 Когдабъ къ Нему прямой любовью пылала:
 Ты въ жертву бы Ему несла сама себя,
 За Нимъ бы въ слѣдъ стекла, и въ Немъ бы пребы-
 вала.

Ошринувъ отъ себя вокругъ лежащу тьму,
 Ты свѣтомъ истинны всегда бы озарялась,
 Къ источнику всегда стремилась своему;
 Всечасно Богу ты, всечасно бы, молилась.

Дабы опчаянїемъ во немощи своей
 Сугубѣй ты, моя душа, не прегрѣшила,
 Проси Творца, проси, да въ слабости швоей
 Дрольется на тебя Его священна сила.

Спеси, рыдай, молись и кайся передъ нимъ!
Его щедрою единой ободряйся!
Цѣленье немощамъ получишь пы своимъ:
Лишь только ко своимъ грѣхамъ не возвращайся.

О духъ мой! пы уже грѣхи опвергнушь могъ,
Надежду сладкую на Бога возлагаешь!
Но чѣмъ тебѣ щедротъ являешь больше Богъ,
Тѣмъ болѣе и пы Ему да угождаешь.

Спрашися пы отца и Бога раздражать!
Спрашися волѣ пы Его не покараться!
Когда восхощешь пы Ему себя предать,
Ты съ Богомъ, и съ тобой Богъ можешь въ вѣки
(оспаться).

IV.

ПРЕЛОЖЕНІЕ МОЛИТВЪ:

I.

Господи и Владыко живота моего.

Владыко жизни моя,
Господь, къ тебѣ взываю я:
Унылый, праздный, празднословный,
Любоначалія виновный
И гордый духъ мой укроти,
На добродѣшель обрати!
Духъ терпѣливый, цѣломудрый,
Любишельный, смиреномудрый
Рабу мнѣ швоему подай,
И въ добру мой разумъ побуждай!

Не дай чужихъ грѣховъ мнѣ видѣшь,
 Не дай мнѣ ближнихъ осуждать:
 Собою дай силу обладать!

2.

Премудрости наставниче.

Податель смысла, научитель,
 Наставникъ мудрости, трудовъ,
 Не мудрыхъ мудрый вразумитель,
 Защитникъ, бѣдныхъ, нищихъ, вдовъ!

Моленіе услыши ново,
 Ты наше сердце вразуми,
 Дай Слово, Отчее ты Слово!
 Ошъ насъ его не опними!

Ты насъ, о Боже, не остави,
 Когда къ тебѣ мы воззовемъ,
 Помилуй Господи, возстави,
 Коль въ заблужденіе впадемъ.

V.

КИТАЙСКІЕ АНЕКДОТЫ.

I.

Согласное семейство.

Кинги видѣлъ уже своихъ попомковъ до девятого поколѣнія, которые составляли одно совершенно согласное семейство. Императоръ Као - Тзонгъ,

желая видѣть сіе чудо, пріѣхалъ къ Кинги, велѣлъ позвать сего честнаго старика, и спросилъ, какимъ образомъ его дѣти и внучата живутъ согласно и смиренно? Кинги велѣлъ подать бумагу, перо, и чернилъ, и написалъ болѣе ста разъ слово, *терпѣніе*. Онъ чрезъ сіе давалъ знать, что несогласіе, случающееся въ семействахъ происходитъ отъ высокоумія и мнѣнія о своихъ преимуществахъ; одно лишь терпѣніе, которое нужно только всякому хорошо внушить, можетъ отврапитъ неудовольствіе, могущее произойти отъ сей несдержимой самственности.

2.

Конфуцій, или краткое наставленіе для начальствующихъ.

Славнѣйшій изъ всѣхъ Китайскихъ Философовъ Конфуцій предписываетъ начальствующимъ во первыхъ благосклонность, любовь и милость къ своимъ подчиненнымъ; а потомъ справедливость въ словахъ, щедрость, прилѣжаніе къ своей должности и благородную важность въ поступкахъ. „Если начальникъ важенъ, говоритъ онъ, то заставитъ своихъ подчиненныхъ почтять себя; если онъ милостивъ, то

„ то едѣлается владѣтелемъ всѣхъ
 „ сердецъ; естли онѣ любитъ справе-
 „ дливость, то получитъ довѣренность,
 „ и не навлечетъ на себя никакого подо-
 „ зрѣнія; когда же онѣ спарашеленъ,
 „ то его подчиненные постараются и
 „ сами чрезъ подражаніе ему припши
 „ въ совершенство; естли онѣ щедръ,
 „ то съ удовольствіемъ будутъ они
 „ ему повиноваться.

3.

Дпа жреца.

Одинъ жрецъ, будучи богатъ и скупъ,
 накопилъ довольно драгоценныхъ ка-
 меньевъ; а другой жрецъ же находилъ нѣ-
 которое удовольствіе на нихъ смотрѣть.
 Первой показывалъ ему оныя съ вели-
 кимъ щеславіемъ. Послѣ какъ любо-
 пышный жрецъ ихъ пересмотрѣлъ:
 „ благодарствую за твои камни, ска-
 „ залъ онѣ ему. За что ты благода-
 „ ришь? говорилъ ему другой; я вѣдь
 „ тебѣ ихъ не отдалъ. Зато удовольствіе,
 „ что я оныя посмотрѣлъ, отвѣчалъ
 „ разумной жрецъ; ибо и самъ ты не
 „ въ иную какуюлибо пользу ихъ упо-
 „ требляешь, съ тѣмъ только различі-
 „ емъ, что тебѣ сподитъ великой за-
 „ боты ихъ хранитъ. Сія между мною

„и тобою разница еще очень не велика,
„и я тебѣ въ оной не завидую.

4.

*Полезный для государства смертный
приговоръ.*

Одинъ изъ достаточнѣйшихъ Китайскихъ Фабрикантовъ долженъ былъ изъ дому оплучиться на не малое время. Онъ отбѣжжая приставилъ смотрителя не только надъ своимъ домомъ, но и своими сыновьями, изъ коихъ большой былъ девяти лѣтъ. Оба сына предвозвѣщали на лицѣ своемъ самыхъ честныхъ гражданъ; но едва лишь отецъ ихъ оставилъ городъ, какъ сей честной смотритель сдѣлался разорителемъ его дому. Онъ разогналъ всѣхъ въ домѣ честныхъ людей, могущихъ донести о его поступкахъ, и которые болѣе старались о благѣ своего отсутствующаго хозяина, нежели о собственномъ. Хозяинъ скоро былъ о семъ увѣдомленъ; однакожъ не хотѣлъ онъ му вѣрить. Ибо, имѣя хорошую душу, не могъ онъ и представлять себѣ, что бы могъ кто либо поступать такъ безчестно, какъ ему о томъ пересказываво. Но это еще половина зла. Сему

честно-

честному Гофмейстеру остается те-
 перь вкоренишь своимъ ученикамъ лю-
 бовь къ добродѣтели и къ отечеству.
 Несчастливыхъ дѣтей, родившихся быть
 истинными сынами отечества, безъ
 дальнихъ сего достохвальнаго наставни-
 ка трудовъ въ словесномъ наставленіи,
 уже напоеваются сердца всѣми шѣми
 мерзостнѣйшими пороками, какими из-
 быточествовали поступки сего ихъ на-
 ставника; они учиняются наглыми, без-
 стыдными, сладоспρασными, распо-
 чительными и словомъ, какіе обыкно-
 венно выходятъ изъ рукъ таковыхъ
 учителей. По истеченіи пяти лѣтъ
 Фабрикантъ возвратился и увидѣлъ, что
 все сказанное ему была сущая правда.
 Но уже поздно; и сколько честной сей
 отецъ ни былъ огорченъ симъ негодя-
 емъ: однакожь безъ всякаго достодол-
 жнаго въ такомъ случаѣ наказанія, онъ со-
 слалъ только его со двора. Извергъ сей
 не довольствуясь симъ, почиталъ
 еще себя обиженнымъ; онъ заываетъ
 сего честнаго Фабриканта въ судъ къ
 Мандарину, и проситъ, дабы велѣно бы-
 ло заплатить обѣщанное ему. Всякъ мо-
 жетъ представить себѣ въ семъ случаѣ,
 сколько должно быть огорчену зазывае-
 мому въ судъ отъ такого бездѣльника;
 однакожь Фабрикантъ не преминулъ
 явить

явиться въ судъ, и по объявленіи на него иску, отвѣчалъ: я бы заплашилъ оное охотно, даже и въ двое, когда бы сей негодной человѣкъ сдѣлалъ моихъ дѣшей такими, каковыми я желалъ ихъ видѣть. Вотъ они! представляя ихъ суду, сказалъ Фабрикантъ, свидѣтельствуйте ихъ, и поговорите съ ними. Судья началъ ихъ спрашивать о должностяхъ гражданина, и слушать ихъ отвѣты, по выслушаніи которыхъ не могъ онъ много учинить, какъ сей достойный примѣчанія приговоръ: „ я осуждаю, ска-
 „ залъ судья, сего пречестнаго Гофмейсте-
 „ ра на смерть, яко убійцу сихъ дѣшей; а
 „ съ отца повелѣваю ихъ взыскать штра-
 „ Фа три Фунта золота, не за то, что онъ
 „ худаго выбралъ учителя, ибо можно
 „ ошибиться; но за то, что держалъ
 „ его у себя такъ долго. Судья въ за-
 „ ключеніе своего приговора, вздохнувши
 „ выговорилъ: всякъ на моемъ мѣстѣ
 „ долженъ имѣть столько духу, чтобы
 „ погубить другаго, когда онъ то за-
 „ служиваетъ, а наипаче естьли польза
 „ цѣлаго отечества того требуетъ!

VI.

Б Ы Л Ъ

С к у п о й.

Старикъ, ханжа, иль скряга,
Великой былъ скупяга.

Онъ съ неусыпностью бездѣлицы берегѣ;
Днемъ, ночью, всякой часъ имѣніе сперегѣ;
Бездѣлицы жалѣлѣ, за крошку онъ давился,
Полушечки собирашъ въ кубышку не спыдился,
И денежки свои не зналѣ кому копилѣ,
Жалѣя очень ихъ онъ мало ѣлѣ и пилѣ.
И въ постѣ и въ мясоѣдѣ отъ скупости постился,
Чтобъ больше накопимѣ, и въ праздники шрудился,
Чтобъ болѣе имѣшъ шрудился и пошѣлѣ,
И шолько въ мясоѣдѣ онъ щи да кашу ѣлѣ,
Въ постѣ кушалѣ свеклу лишъ, отъ роскоши жѣ и
(редьку.
Чтобъ лишняго не сѣѣстѣ, себѣ онъ сдѣлалѣ мѣрку;
Онъ больше оныя никакѣ ни ѣлѣ, ни пилѣ;
И такѣ-шо денежекѣ довольно накопилѣ.
Въ великой радости разѣ сто ихъ въ день щи-
(шаешѣ,
И съ ревностію ихъ число пріумножаетѣ;
А чтобѣ кто не укралѣ, то въ землю закопалѣ,
Что днемъ пріобрѣшалѣ, туда все опсыналѣ.
Но чтожѣ случилось? О злое приключенье!
Въ коль люшое онъ вдругѣ повергнушѣ сталѣ му-
(ченье!
То, что съ шоликою онъ ревностію спяжалѣ,
Что съ радостію копилѣ, прилѣжно умножалѣ,

Украли у него . . . . О денежки любезны!
Скупой вскричалъ, изъ глазъ проливши токи сле-
(зны.

Ужè его теперъ ничто не веселишъ;
Тоскуешъ, мучишься, терзаешься, не спишъ;
Украли денежки, виновниковъ веселья,
Похишили его всѣ въ жизни утѣшенья.
Чего еще мнѣ ждаль? Онъ въ горести вскричалъ,
Умру! . . . и въ мигъ ножемъ онъ жизнь свою
(скончалъ.

VII.

СТАНСЪ

На смерть собаки.

Слѣпой ли надлежитъ любви въ тебѣ искать?
Нѣтъ, должно прелести твои пренебрегать;
Собака умерла, ты слезы проливаешь;
Любовникъ при концѣ; но ты и не вздыхаешь!

Прекрасна, хороша, мила была она;
Однако лучшая собака не должна
Быть непригожаго любовника милѣй.
Не стыдно ли тебѣ, узрѣвъ мои всѣ муки,
Крушить себя отъ той съ собачкою разлуки?

Смерть близится ко мнѣ, ее при мнѣ всѣ зряшъ,
Видъ блѣденъ, меркнешъ зракъ, и вздохи рѣчь
(шягчашъ.
Жестокосердая! хоть каплю слезъ пролей!
Но, ахъ! въ спраданіи еще я зрю тѣ знаки,
Что хуже у тебя гораздо я собаки.

VIII.

МАДРИГАЛЫ.

I.

Счастлирое прощаніе.

ВЪ твоихъ оковахъ въздыхая,
 Несклонною тебя я зрѣлъ;
 Но какъ, ошюда ошѣвжжая,
 Съ тобой проспишься я пришелъ.
 Ты всю суровость опложила,
 И маску гордосши сняла,
 Смягчилась, сердце мнѣ вручила,
 Мои мученья прервала.
 Увы! къ чему же отлагала
 Ты счастье общее свершить?
 Коль ласкъ ты сполько оказала,
 То можно ли жестокой бышь?

2.

Къ Гжѣ. Безлюбопникомой.

Ты часто мнѣ швердишь и часто увѣряешь,
 Что глазъ твоихъ не лзя бояться никому;
 Ахъ! нѣшь, меня сихъ мѣстѣ бѣжать ты заспа-
 (вляешь,
 Несносно сердцу бышь въ оковахъ моему!
 Твои, ты говоришь, глаза не заражаютъ,
 Тобою не пылаютъ.
 Не лжешь, и подлинно тобой ужъ не горятъ,
 Копоры умерли, ужъ тѣ не говорятъ.

IX.
ЭПИГРАММЫ.

1.

Къ Лигеѣ.

Коль равное число ты волосѣвъ имѣешь
Числу, Лигея, лѣтъ:

Такъ ты еще цвѣтешь, растешь и только зрѣешь,
И болѣе прехъ лѣтъ тебѣ, Лигея, нѣтъ.

2.

Дряхлонъ къ Цвѣтидѣ.

Когда, любезная, когда меня полюбишь?
Безденежный Дряхлонъ Цвѣтидѣ говорилъ.
Когда ты у себя червонцовъ усугубишь,
Въ отвѣтъ онъ получилъ.

3.

На Руфѣ.

Что Руфѣ ни дѣлаетъ, съ нимъ Невія вездѣ,
Хоть ѣстъ, хошя онъ спитъ, хошя ходитъ, хошя
(сидитъ,
Молчитъ, иль говоритъ, на Невію глядитъ;
Безъ Невіи нигдѣ.

Безъ Невіи нашъ Руфѣ совсѣмъ нѣмымъ бы сталъ,
Одиножды, какъ онъ письмо къ оцу писалъ:

ней сир.
165-166

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

Мѣсяцъ Ноябрь.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

страниц:

I. Разсужденіе о томъ, что можетъ ли чрезвычайное божеское въ вѣрѣ (Религiи) наставленіе или откровеніе согласоваться съ премудростію Божіею? - - - -	169
II. Эпиграмма <i>Катихизисъ</i> . -	225
III. Пѣснь покаянія. - - -	—
IV. Размышленіе о томъ, что Богъ всѣмъ любящимъ его паче всего и во всемъ сладокъ есть. 226	226
V. Спаны духъ умирающаго добродѣтельнаго человѣка. -	228
VI. Молитва къ Богу Отцу о ниспосланіи благодати своея. -	230
VII. Китайскіе Анекдоты. -	233
VIII. Байрамъ на сѣверѣ. -	243
IX. Рондо. - - - -	246
X. Мадригалы. - - - -	248
XI. Эпиграммы. - - - -	—
XII. Эпитафіи. - - - -	250
XIII. Загадки. - - - -	251
XIV. Египетское ученіе о способѣ, какимъ родились въ свѣтѣ жившныя, и о конечной судьбинѣ міра. - - - -	252

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИЗДАНІЕ.

I.

РАЗСУЖДЕНІЕ

О томъ, что можетъ ли чрезвычайное божеское въ пѣрвѣ (Религiи) настапленіе или откромченіе согласопатъся съ премудростію Божіею?

Мы можемъ теперь принять за неоспоримое положеніе, что человекъ, долженствующій достигнуть своего нравственнаго опредѣленія, не можетъ иначе достигнуть онаго, какъ посредствомъ вѣры; и что еслии есть вѣра, то ея существенныя основанія не могутъ быть иныя, какъ правда и никакому сомнѣнію неподлежащая извѣстность о благодати Божіей и будущей блаженной жизни; поелику какъ то, такъ и другое основано на ясномъ познаніи Бога и его совершенствѣ.

Но какъ мы дошли до сего блаженнаго познанія? Чрезъ откровеніе ли и непосредственную помощь Творца, или посредствомъ разума? Чрезъ откровеніе? — Утверждать сіе говорятъ нѣкоторыя, есть энтузіастически: нѣтъ сомнѣнія, что посредствомъ разума. Ибо не ужь ли бы безконечно премудрое и всеблагое существо, сотворивши человека на столь важный и величественный конецъ, не даровало ему довольныхъ для сего силъ? Безъ сомнѣнія всѣ памятуемая истинны непосредственно происходятъ изъ самопервѣйшихъ началъ человѣческаго познанія; да открытъ только человекъ свои очи, онъ узритъ Творца и Содержителя міра со всѣми его свойствами. Случайность міра — премудрое расположеніе всѣхъ его частей — благотворительная связь всего міра — Ничего болѣе для разума не надобно, дабы онъ могъ себѣ ясно представить естество сего своего Творца, и равномерно все свое къ нему отношеніе со всѣми тѣми главными правилами, коихъ требуетъ наше успокоеніе, и съ самою явственнѣйшею извѣстностію, объясняющею ему оныя. Ибо какъ скоро только помышляетъ онъ о своей нравственной природѣ, и соединяетъ съ нею такое разсужденіе, что сей Богъ есть премудрое и бла-

благое существо : по шотчасъ съ нимъ соединено самое основательное увѣреніе о его предбудущемъ состояніи.

Да и кто бы могъ въ томъ сомнѣваться, чтобъ разумъ не былъ въ состояніи теперь со всею ясностію и точностію учинить сихъ заключеній? Мы не станемъ здѣсь изыскивать, сколь далеко разумъ своею прозорливостію отъ времени до времени можетъ проникнуть. Разумъ можетъ для себя обрѣсти истинны, истекающія изъ естественныхъ началъ, такъ какъ и посредствомъ оныхъ другія доказать. И кто бы вообще могъ отважиться положить предѣлы способностямъ такого духа, какова наша душа? Кто можетъ напередъ опредѣлить всѣ случайности, могущія довести разумъ къ новымъ открытіямъ и новымъ просвѣщеннымъ проицаніямъ? Сіе бы не иное что значило, какъ, смотря по составу глаза, означить всѣ предметы, могущіе съ нами впредь еще встрѣпиться. Кто бы смѣлъ до случайнаго изобрѣтенія увеличить чистельныхъ и опдалительныхъ стеколъ приписать разуму нынѣшнія великія открытія въ природѣ? И можетъ быть степень свѣта, на коей мы теперь стоимъ, есть еще сумерки только въ разсужденіи

ни того просвѣщенія, къ коему насъ провидѣніе можетъ еще возвысить! Но если бы мы захопѣли по единой способности нашего разума, или по степени того свѣта, въ какомъ мы нынѣ раждаемся, заключаѣть и о дѣйстви-тельныхъ силахъ разума: то бы не лзя было изъяснить сего, для чего бы ему и при мысѣ Доброй Надежды въ изобрѣшеніи полезныхъ истиннѣ не имѣть такого же успѣха, какой имѣетъ въ просвѣщенныхъ странахъ Европы; или для чего столь великое множество дикихъ Народовъ въ прехъ прочихъ частяхъ свѣта за нѣсколько тысячъ лѣтъ живутъ погружены во мракъ, который, какъ можно думать, есть еще самопервѣйшій, и въ коемъ они чаятельно столь долго пребудутъ, пока умило-спивившаяся судьба не приведетъ ихъ къ ближайшему просвѣщенію, и не соединитъ ихъ плѣснѣ съ другими Народами, кои бы имъ сообщили свои понятія?

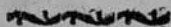
Разумъ еще не столько силенъ въ познаніи самого себя, чтобъ могъ онъ съ безопасностію опредѣлить мѣру своихъ силъ. Да и нѣтъ собственно нужды въ такомъ испытаніи. Исторія челоѣчества, которая равномѣрно есть и разума исторіею, можетъ насъ сама собою

собою безъ всякой опасности руководствовать; и по оной по должны мы возвратиться къ самому его младенчеству, и потомъ примѣчать, какъ его силы мало по малу могли оказываться.

Но мы не хотимъ заняться новыми Философическими Романами о первоначальномъ происхожденіи человѣка. Природу, кою онъ теперь имѣетъ, въ главныхъ основаніяхъ необходимо долженствовалъ онъ имѣть и съ начала. Здѣсь не о томъ дѣло идетъ, сколь близко или сколь далеко беремъ мы въ разсужденіе первое сіе состояніе; мы должны по крайней мѣрѣ гдѣ нибудь положить ему начало.

Возьмемъ въ разсужденіе не относя къ откровенію перваго человѣка, или паче первую чету людей; къ семужъ еще прийдемъ и то, что онъ, получивъ бытіе отъ Всевышняго десницы съ зрѣлыми чувствами и твердыми членами, былъ совершеннаго возраста; поелику такъ, какъ о младенцѣ, не лзя о немъ никакъ помыслить. Чшо жъ онъ такъ теперь? По своему опредѣленію преимущественное твореніе, одаренное способностями испытывать самыя сокровенныя таинства природы, измѣрять небо, возвышаться къ своему Творцу, и изыскивать законы, по коимъ его вѣчная премудрость и любовь управляетъ

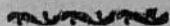

міромъ; истинный обладатель земли, который по своему изволенію распредѣляетъ природу, стихіи ея покоряетъ своимъ намѣреніямъ, преплываетъ безъ всякой опасности отъ одного полюса до другаго неизмѣримыя глубины, проходитъ въ самыя глубокія земныя пещеры, преобразуетъ во всякія виды самотвердѣйшія металлы, проникаетъ въ первоначальное вещество природы. Но теперь самое бѣднѣйшее твореніе, различествующее отъ новорожденного младенца только крѣпостію своихъ членовъ, и хотя такое, которое имѣетъ ясное познаніе своего бытія, зрѣлыя чувства, отъ коихъ вдругъ рождаются тысячи чувствованій, при коихъ однако не можетъ имѣть никакова размышленія, и которыя его чрезъ многіе годы оглушаютъ, пока оно ихъ мало по малу научится различать; имѣя одну только способность быть разумнымъ, лишено дѣйствительныхъ понятій; немогущее начертать въ памяти своей своихъ чувствованій; неимѣющее никакихъ опытовъ; безъ размышленія представляющее чувствамъ своимъ всякую вещь въ особенностяхи; немогущее ни изъ одного подобія сдѣлать заключенія; незнающее никакой причины, и неимѣющее никакихъ другихъ орудій, кромѣ своихъ членовъ;

членовъ; самое бѣдное твореніе, несравненно бѣднѣе скота. Сей имѣетъ все нужное для своего совершенства, одежду, пещеру, оборону и врожденное побужденіе, которое научаетъ его познавать свою пищу, непріятеля и защиту. Человѣкъ не имѣетъ сего научающаго побужденія; онъ подходитъ къ волку съ такою же безопасностію, какъ и къ овцѣ; онъ входитъ въ рѣку столько же благонадежно, какъ и ходитъ по земли; а для укрощенія своего перваго изнуряющаго гладу онъ очень легко вырываетъ горсть травы, которою предъ его глазами питается скотъ, или нападаетъ на остатокъ расперзанной овцы, которая волкомъ оставлена, вмѣсто того, чтобъ избрать ему здоровую пищу. Во сколько кратъ тысящъ больше предъ нимъ имѣетъ теперь преимуществъ дикой! Сей въ разсужденіи его испытатель природы, Прометей. Онъ знаетъ свою пищу, свое лекарство, имѣетъ орудія; со стрѣлою и лукомъ идетъ онъ смѣло противу льва и шигра; по водѣ разбѣзжаетъ какъ Нептунъ; въ ея глубинахъ столько же безопасно умѣетъ сыскивать себѣ пищу, какъ и въ лѣсу; у него есть огонь; онъ знаетъ онаго употребленіе; печеніе солнца и луны ему

извѣстно ; онѣ знаетѣ различіе временѣ года ; имѣетѣ себѣ подобныхѣ помощниковѣ и поварищей , коимѣ можетѣ онѣ сообщить свои чувствованія . Ко всему сему имѣетѣ способности и первый человекѣ , да еще и къ несравненно большому , но ни одной еще изѣ оныхѣ не знаетѣ употребленія . Развѣ онѣ всему сему долженѣ изѣ собственныхѣ опытовѣ и случаевѣ научиться ? Его нужды очень многоразличны и трудны ; неудачный опытѣ , случившись съ нимѣ самимѣ или его супругою , прекратилѣ бы шутѣ весь родѣ человѣческой . Не ужѣли бы премудрый и благій Творецѣ , столь много пекущійся о жизни малѣйшихѣ тварей , былѣ столько немилосердѣ къ благороднѣйшему и чувствительнѣйшему своему творенію , которое онѣ поставилѣ обладателемѣ землѣ , и свои бы намѣренія обращалѣ въ игрушку ? Здѣсь по малой мѣрѣ должно бы было подвергнуться исключенію прежде помянутое философическое основательное начало (положеніе) , что премудрый Творецѣ создалѣ человекѣ съ столь многими ему принадлежащими силами , сколько ему оныхѣ для его предопредѣленія надобно . Здѣсь должны мы согласиться на то , что Богѣ перваго человекѣ не могѣ препору-

ручить однимъ его способностямъ, но что онъ (какимъ образомъ, того намъ не нужно извѣснять), для его перваго сохраненія и содержанія чрезъ непосредственное наставленіе, необходимо долженъ былъ притти на помощь.

Однако при всей сей помощи онъ не былъ еще нравственнымъ твореніемъ, какимъ бы онъ быть долженствовалъ, а тѣмъ менѣе человѣкомъ. Однакожъ онъ былъ не безъ разсудка — такъ, это справедливо; такъ какъ и руки имѣлъ, не для того, что онъ безъ нихъ не могъ сдѣлать часовъ. Онъ не имѣлъ никакихъ дѣйствительныхъ понятій, и не болѣе какъ одни чувственные впечатлѣнія, изъ коихъ онъ мало по малу могъ составлять для себя всеобщія понятія, но очень медлительно; онъ долженъ былъ прежде познакомиться съ предметами, обуревающими со всѣхъ сторонъ его чувства; онъ не только никакихъ для себя еще не сдѣлалъ замѣчаній, по которымъ бы онъ могъ объ нихъ размышлять, но иже словъ; онъ ничего не имѣлъ кромѣ членовъ (органовъ) и побужденія къ извѣсненію своихъ чувствованій. Со временемъ можетъ быть произошло вразумительное нарѣчіе, но прежде не могло быть оное иначе, какъ грубые скопскіе звуки. Хотя при

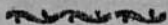
живѣйшихъ чувствованіяхъ и было самое сильное напряженіе учинить себя вразумительнымъ; но какъ онъ довольствовался въ семъ случаѣ легчайшимъ разговоромъ посредствомъ знаковъ въ обхожденіи съ своею женою, и въ означеніи ближайшихъ своихъ чувствованій: то и языкъ шѣмъ долге долженствовало оставаться бѣденъ.

Между шѣмъ, до прошествія перваго году его бытія, любезная его супруга даруетъ подобнаго ему. Онъ взирая на него ощущаетъ совѣмъ новыя и никогда еще нечувствованныя нѣжныя движенія, но припомъ и новую заботу, которая его радость смѣшиваетъ съ самымъ нѣжнѣйшимъ удовольствіемъ. Онъ смотритъ на молодаго ягненка, бѣгущаго топчасъ за своею матерью; но плодъ его супруги гораздо, или лучше, совѣмъ недостаточенъ въ томъ. Онъ не примѣчаетъ его, не внемлетъ его голосу, беспомощенъ во всѣхъ своихъ членахъ; мало по малу съ удовольствіемъ усматриваетъ онъ въ немъ нѣкоторыя слабыя чувствованія; плодъ его уже обращается, слыша его голосъ; смотритъ на него и улыбается; онъ уже надѣется — Но такое же безпомощное твореніе возобновляетъ и умножаетъ въ каждый годъ отеческую забо-

заботу. Между тѣмъ старшіе возрастаютъ; теперь находятъ онъ облегченіе; онъ до того времени больше уже познакомился съ окружающею его природою; онъ ведетъ ихъ за руку въ поле, и дѣлается ихъ наставникомъ; возбуждаетъ въ нихъ вниманіе къ прелестямъ природы, научаетъ ихъ знать пріятнѣйшіе плоды, знакомитъ ихъ съ невредящими животными, предостерегаетъ ихъ отъ опасности, научаетъ ихъ выговаривать по своимъ звукамъ, и навикаетъ послѣдовать своему и маперному голосу, такъ какъ и наставленіямъ своимъ. Вотъ первое начало нравственнаго общества!

Между тѣмъ мало по малу размножается поколѣніе; происходятъ новыя семейства; они распространяются, они должны искать новыхъ странъ; первая общественная связь разрывается. При недостаткѣ всѣхъ необходимо нужныхъ орудій, надобности остаются столько же велики; съ надобностями возрастаетъ одичалость. Трудность въ доставаніи для себя нужнаго пропитанія, всегдашнее упражненіе въ звѣриной ловлѣ, непрестанная битва съ дикими звѣрями, препятствуютъ возрасти скромнѣйшимъ чувствованіямъ дружелюбія; общее употребленіе какого нибудь дѣрева,

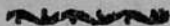
рева, луга или ручья, возбуждаетъ не общественныя и не дружелюбныя побужденія жадности, зависти и мщенія.

Острая въ выдумкахъ необходимость между тѣмъ изобрѣтаетъ нѣкоторыя орудія; случай дѣлалъ уже можетъ быть извѣстнымъ употребленіе нѣкоторыхъ металловъ; можетъ быть найденъ уже огонь, равновѣрно какъ и искусство къ укрощенію того или другаго звѣря; и съ сими пособіями отдѣляется толпа, и идетъ въ плодоноснѣйшую сторону, гдѣ, посредствомъ учиненныхъ до сего времени опытовъ, сыскиваетъ для себя нѣсколько съ большимъ спокойствіемъ нужный къ своему содержанію способъ. Наслаждаясь симъ спокойствіемъ Глава сихъ новыхъ поселенцовъ начинаетъ размышлять; старается учредить въ ономъ порядокъ; условливается съ своимъ народомъ въ храненіи общаго покоя, безопасности и въ собственности; научаетъ ихъ различію между правымъ и неправымъ; сыскиваетъ самыя лучшія растенія изъ всей страны; научаетъ сѣять и садить; начинаетъ размышлять о дѣйствіяхъ, примѣчаемыхъ имъ въ природѣ; наблюдаетъ теченіе солнца и луны; примѣчаетъ и разчисляетъ времена года. Ясное въ ночи небо, которое непрестанно

но имѣетъ онъ надъ собою, подаетъ ему поводъ къ новымъ открытіямъ; онъ замѣчаетъ звѣзды, располагаетъ оныя подъ извѣстными знаками овна, тельца, льва, скорпіона — и дѣлаетъ въ пользу своего селенія собственныя примѣчанія.

При томъ солнце и луна особенно обращаютъ на себя его вниманіе. А напротивъ солнце; его сіяніе, его движеніе, его благотворное вліяніе исполняютъ его благоговѣнія и изумленія. Онъ ничего не зритъ знаменитѣе и величественнѣе во всей природѣ, и не можетъ ничего преимущественнѣе представить въ своихъ мысляхъ. Онъ на его движенія (поелику ему неизвѣстна средоточная сила) не иначе взираетъ, какъ на самопроизвольное. Ибо, видя какъ самого себя, такъ и всѣхъ другихъ окружающихъ его меньшихъ тѣлъ самопроизвольное движеніе, почитаетъ онъ одушевленными нѣкоею особенною животворною силою; а когда такъ, то не ужь ли, думаетъ онъ, такому благодѣтельному и великолѣпному свѣшлуду можно двигаться безъ внутренней какойлибо силы? Люди и звѣри имѣютъ сію силу гораздо въ нижшемъ степени; теряютъ ее въ скоромъ времени, а съ нею и все свое бытіе; но сіе свѣ-

шило остается непремѣнно, вѣчно; никакой человѣкъ не видалъ его начала, оно приходитъ каждое утро въ новомъ сіяніи, съ новымъ живошворнымъ вліяніемъ, обладаетъ всѣмъ неизмѣримымъ небомъ; какъ скоро оно появляется, вся природа встрѣчаетъ его съ радостнымъ восклицаніемъ, все оживотворяется, всякій цвѣтокъ получаетъ бодрость и развивается предъ нимъ, повсюду разливается жизнь и радость. Вотъ первый его Богъ! Пораженный лучами его величія онъ возводитъ къ нему свои очи, но, по причинѣ ослабляющаго блеска, тотчасъ потупляетъ оныя. Звѣзды отъ него скрываются, да и самая луна въ его присутствіи теряетъ свой блескъ.

Все, что ни есть на землѣ, имѣетъ жизнь чрезъ него, и есть его произведеніе; всякое благо, коимъ человѣкъ наслаждается, всѣ его пріятныя чувствованія, суть дѣйствія благотворнаго солнечнаго вліянія; и чѣмъ же бы онъ могъ дѣйствительнѣе выразить чувствованія своея благодарности, какъ не посвященіемъ оному лучшихъ плодовъ?

Мѣсто великолѣпнаго и оживотворяющаго восхожденія на небѣ для него особенно свято. Къ нему онъ обращается, когда хочетъ оказать чувствованія своего благоговѣнія.

Равнымъ образомъ научаетъ онъ и Народъ свой свято почитать сіе Божество — Священное чувство богослуженія распространяется во всемъ Народѣ — По солнцѣ обращаютъ на себя его величайшее удивленіе луна и звѣзды; но для чего бы не быть и симъ такими же, а не меньшими въ достоинствѣ Божествами? И сіи достойны быть обоготворяемы; и они ниспосылаютъ свое благотворное вліяніе, а паче луна, по солнцѣ преславное и величайшее Божество, Царица неба, раздѣляющая съ солнцемъ, хотя въ меньшемъ блескѣ, владычество неба, и ниспосылающая равныя на землю благодѣянія своею оживляющею прохладою и плодотворящею росой.

Тутъ паче всѣхъ тѣ дни торжествуются, когда вліяніе сихъ божествъ наидѣйствительнѣе; когда солнце, послѣ своего отдаленія, опять приближается для оживотворенія вновь природы; когда луна показывается въ совершеннѣйшемъ своемъ сіяніи, и когда, при семъ или томъ мѣстоположеніи какоголибо небснаго свѣтила, какая нибудь перемѣна на земли производится.

Но не ужè ли симъ Богамъ не имѣть служителей? Наблюденіе сихъ празднествъ учиняется гораздо много-раз-

различнымъ. Избираются жрецы, которые особенно посвящаются въ служеніе симъ Богамъ; они пекутся о богопочитаніи; народу возвѣщаютъ праздничные дни, и навначаютъ и приуготовляютъ жертвоприношенія. Сіи - то суть ходатаи усихъ Божествъ, себя имъ посвятившіе. Особенныя очищенія и воздержанія — и чѣмъ съ большею прудностію и необыкновеннѣе они производятся, тѣмъ болѣе святости получаютъ они въ глазахъ Народа; и чѣмъ болѣе страху могутъ вперить Народу къ Богамъ, тѣмъ болѣе обращаютъ на себя его вниманіе. Главное жрецовъ упражненіе состоитъ въ томъ, чтобъ чрезъ великолѣпныя торжества и учрежденія и чрезъ драгоцѣнныя жертвоприношенія и примирительныя средства удержатъ страхъ и почитаніе къ онымъ.

Но чувственный человѣкъ долженъ имѣть Боговъ своихъ предъ глазами. А какъ онъ ихъ не всегда можетъ видѣть: то изображаетъ ихъ для себя, и жрецъ особенно оныя во имя ихъ освящаетъ: а сіе освященіе заставляетъ людей вѣрить, что Боги непрестанно при изображеніяхъ тѣхъ присутствуютъ. Онъ самъ по различію умовоображенія своего, и по мѣрѣ возрастающаго искусства

ства и достатка дѣлаетъ изображенія; прежде дикіе и неотесанные камни, болваны; но мало помалу искуснѣйшія и драгоценнѣйшія изображенія. Большія и малыя изображенія; большія, кои имѣютъ свое всегдашнее на одномъ мѣстѣ пребываніе, гдѣ оии всѣми бывають посьщаемы и торжественно покланяемы; малыя, которыя всякій можетъ имѣть при себѣ, брать съ собою въ путь, и при всякомъ случаѣ тотчасъ призывать ихъ на помощь и требовать отъ нихъ совѣта.

Нужно также, чтобъ дѣйствія и мысли Боговъ были выражены; они должны являться милостивыми и благотворительными, гнѣвными и грозными; вотъ опять новые изображенія! складные символическіе образа, и мало помалу опять сполькожъ явится новыхъ божествъ. Но всѣ сіи божества такія, (ибо грубый человѣкъ, неимѣющій понятія о вышнемъ естествѣ, толкуетъ все по себѣ) кои въ своихъ склонностяхъ, своемъ дружелюбіи, мщеніи, во всемъ подобны человѣку; словомъ, они могущественнѣе только, а въ прочемъ такъ же какъ и люди, своенравны и честолюбивы; благотворящи тѣмъ, кои великолѣпіемъ празднества и знатностію жертвоприношенія оказываютъ свое къ

1782. Часть III. Ноябрь. Н нимъ

нимъ благоговѣніе; мспительны неусердствующимъ въ томъ.

Жрецы имѣютъ тайное съ ними обращеніе, они возвѣщаютъ ихъ мысли, любовь и мщеніе. Кто хочетъ обрѣсти милость у Боговъ, тотъ наипаче долженъ пріобрѣсти себѣ дружество у жрецовъ. Они ихъ повѣренные; они лучше знаютъ, чѣмъ ихъ можно удержатъ въ ихъ хорошихъ намѣреніяхъ, или смягчить въ ихъ гнѣвѣ; и чѣмъ мспительнѣе Боги, чѣмъ ужаснѣе средства умилоствивленія: тѣмъ легче можно удержатъ Народъ въ почитаніи себя самихъ и Боговъ.

Человѣхъ отъ природы боязливъ и недовѣрчивъ; и чѣмъ менѣе онъ имѣетъ познанія о природѣ и ея дѣйствіяхъ, тѣмъ болѣе занимается мыслями ужаса и бѣдствія; ему все кажется дѣйствіемъ гнѣва, или благоволенія Боговъ; но жрецы умѣютъ все толковать.

Сны суть темныя предвѣщанія Боговъ; но жрецы и оныя также умѣютъ таинственнымъ образомъ толковать.

Ничто такъ не свойственно чело-вѣку, веимѣющему понятія о единомъ вся управляющемъ провидѣніи, какъ желаніе узнать свою будущую судьбину. Не ужѣ ли Боги могутъ что нибудь ута-

ушайшь отъ своихъ почипателей и повѣренныхъ? Жертвы, говѣнія, посты и заклинанія, суть такія средства, коимъ Боги не могутъ противиться. За симъ слѣдуютъ прорицанія, волхвованія, восторги и содроганія; а сіе все вмѣстѣ составляетъ половину обмана, половину суевѣрія, и не что иное, какъ сильно дѣйствующее воображеніе. Да и самыя содроганія не всегда одинъ только обманъ, но правда и обманъ вмѣстѣ.

Умвоображеніе посредствомъ насильственныхъ заклинаній разгорячается, и вся связь нервовъ бываетъ чрезвычайно пронуша, а содроганія суть естественныя слѣдствія; когда тотъ же обманъ долженъ быть сыгранъ въ подобномъ случаѣ, то и представленія, сотрясенія нервъ и тѣже восторги случаются; а что работающему умвоображенію въ семъ изступленіи явится, то вотъ и исканная откровенія. Предсказатель себя и съ собою вмѣстѣ и Народъ обманываетъ. Творцемъ стиховъ Делфійской жрицы былъ обманъ; ей только надобно было сѣсть на проежничекъ, чтобъ вновь почувствовать содроганія.

Между прочимъ Законодатели и Тиранны пребываютъ со жрецами въ

самомъ шѣсномъ союзѣ; Боги должны прорицать и добро и зло; благопріятствовать шѣмъ или другимъ жертвамъ, такъ какъ Полишика того требуетъ. Ибо нѣтъ ничего согласнаго между собою какъ Фанатизмъ (пустосвятство) и обманъ. Съ одного обмана человекъ вдругъ не начинается. Магометъ — Кромвель — и всѣ мѣньшіе ихъ Послѣдователи — Эпизувизмъ предшествуетъ; но человекъ никогда себя и выгоды своихъ изъ виду не теряетъ, сколь бы онъ ни утверждалъ сему противное; желаніе къ достиженію своихъ намѣреній всегда у него остается дѣйствительнѣйшимъ сокровеннымъ побужденіемъ; Фанатизмъ приводитъ его на безопасный путь; здѣсь онъ точно послѣдуетъ всѣмъ своимъ намѣреніямъ, и онъ подлинно вѣритъ, что онъ творитъ къ чести и по побужденію своего Бога.

Ослѣпленіе къ выдумыванію для себя новыхъ Боговъ простирается до безконечности. Ибо для чего только свѣтиламъ быть одушевленными Божествами? Нѣкоторые люди предъ другими имѣютъ гораздо высочайшія преимущества, такъ можно ли имъ быть простаго человѣческаго происхожденія? ихъ духъ долженъ быть высочайшаго естества, и они должны рождены быть отъ

отъ высочайшаго Божества; и такъ они по смерти своей пріемлютъ пребываніе свое опять между сими Богами, когда при всемъ томъ еще они и удерживаютъ къ своему прежнему отечеству особенную склонность, и суть онаго покровителями.

Воздухъ, море, рѣки, вѣтры въ глазахъ нелюдима, незнающаго законовъ природы и ея извѣстной цѣли, суть равнобрно въ своихъ дѣйствіяхъ другъ отъ друга совѣмъ независящія; то для чегожъ и имъ не быть оживотвореннымъ какою нибудь подобною невидимою силою? Вотъ опять множество новыхъ Боговъ! Боги и Богини; различествующіе одинъ отъ другаго по великости, но независящіе въ ихъ, собственно имъ принадлежащихъ, чинахъ, и которые по сему какъ отъ Боговъ, такъ и отъ людей просимы бываютъ о ихъ благоволеніи. Юнона, желая бури, должна Эолу сказать хорошее слово, и обѣщать ему въ знакъ сея признательности свою прекраснѣйшую Нимфу; а Нептунъ очень гнѣвается на Эола, что онъ вмѣшался въ его стихію. И такъ сіе баснотворство о Богахъ и духахъ никогда не имѣетъ своихъ границъ.

Нетросвѣщенному человѣку ежедневно встрѣчаются въ природѣ и соб-

ственной его жизни пріятныя и печальныя, добрыя и опасныя приключенія, въ коихъ ближайшую причину онъ не проникаетъ; да и сіи не иначе, какъ отъ таковыхъ невидимыхъ дѣйствующихъ существъ, происходитъ могутъ. Почему безпрестанно толикое же количество раждается новыхъ Боговъ, и всегда бывають низшіе Боги, благодѣльные и злобные, чудовища, страшилища и Феи. Во времена Гезіода оныхъ было уже тридцать тысячъ. А всѣ сіи Боги, сколько ихъ ни есть, вышшіе ли они или низшіе, у людей всегда другъ другу подобны; и потому только человѣческимъ образомъ почитаемы, и симъ въ ихъ добрыхъ намѣреніяхъ удерживаемы и примиряемы; гдѣ же они не столь сильны, тамъ уничтоженіемъ обыкновенныхъ жертвоприношеній или похвальныхъ пѣсней за ихъ недоброхотство наказываемы, и къ благопріятнѣйшимъ дѣйствіямъ побуждаемы быть могутъ. Какъ-то и учинилъ сіе Августъ, который за претерпѣнную имъ бурю отважился симъ обрѣзомъ отмстить Нептуну, запретивъ образъ его въ торжественномъ ходу съ другими Богами носить.

Таковы-то были Боги при Гомерѣ, таковы у просвѣщенныхъ Римлянъ, да и теперь еще у Самоѣдовъ и жителей Кана-

Канады. По чему и уповали всегда Греки и Римляне, куда бы - то ни пришли, вездѣ найши своихъ Боговъ. Подобіе они всегда находили, только что они были особливаго въ разсужденіи Народа своего свойства, мягкосердѣе ш. е. и роскошнѣе, или суровѣе и страшнѣе, смотря по роду жизни и нравамъ Народа роскошнаго или непросвѣщеннаго, и по образу правленія вольнаго или Деспотическаго (самовластнаго). Въ Греціи были они всѣ Республиканцы, и съ Юпитеромъ такъ пріятельски обходились, какъ Народъ съ своими Героями, и часто дѣлывали на него заговоры.

Человѣческимъ несовершенствамъ и порокамъ таковыя Боги такъ же подвержены. Ибо о высочайшемъ духовномъ ихъ естествѣ и о высочайшихъ нравственныхъ совершенствахъ непросвѣщенный человекъ и думать не можетъ; онъ не воздастъ имъ никакихъ за оныя почестей, и не ради какого либо нравственнаго совершенства ихъ призываетъ. Все совершенство, которому онъ въ нихъ быть вѣритъ, и коего отъ нихъ желаетъ, есть удовольствованіе его настоящихъ надобностей и желаній, и предсказаніе его, ему еще предстоящей, судьбины. Еслили онъ сіе только можетъ отъ нихъ получить, то они и

при всѣхъ своихъ порокахъ, достойны его почестей, и довольно добродѣтельны. Онъ добродѣтеленъ, естли таковымъ быть хочетъ, для самаго себя. (*)

Для сего - то говоритъ Петроній, никто не приходитъ къ Богамъ, для испрошенія себѣ отъ нихъ духовныхъ дарованій; прежде нежели будутъ отворены двери Капитолійскаго храма, по одинъ ужè посвящаетъ покланяемому въ ономъ божеству наизвѣстнѣйшія жервы, естли оно во угожденіе ему ускоритъ смерть какого либо стараго его и богатаго дяди; другой, естли оно ему дастъ сокровище, а третій, естли оно пособитъ ему въ какомъ либо большомъ выигрышѣ. И сіе - то есть общее желаніе людей, говоритъ Цицеронъ, чтобъ свои временныя богатства имѣть отъ Боговъ; но никто когда либо уповалъ отъ нихъ получить добродѣтель, и посправедливости; добродѣтель наше дѣяніе. Почему и нѣтъ ни въ какомъ идолопоклонническомъ законѣ какихъ нибудь способовъ и побудительныхъ началъ, для приведенія людей къ нравственному благоразумію. Велико-

лѣп-

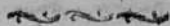
(*) Satis est orare Jouem qui donat et aufert
 Det vitam, det opes, aequum mi animum ipse parabo.

лѣбныя зрѣлища, праздники, жертвоприношенія, для удержанія Боговъ въ ихъ добрыхъ помышленіяхъ, усугубленные кумиры и жертвы, самыя спрашныя жертвы, приношенія людей на жертву, дабы примирить ихъ въ настоящей бѣдѣ, или склонить къ сожалѣнію; въ семъ состоитъ существенность всѣхъ сихъ вѣрѣ! Исправленіе нравовъ и добродѣтель не имѣютъ здѣсь никакого союза.

Сей - то есть естественный путь, который бы предприняло человѣчество! Боговъ много, но нѣтъ истиннаго закона, который бы руководствовалъ человѣка къ побѣжденію своихъ непорядочныхъ страстей, къ правотѣ и истинной добродѣтели.

Ибо гдѣ не было извѣстно никакого всевышняго и опѣ міра отличнаго духовнаго существа, никакого созданія, никакого премудраго намѣренія при созданіи міра, никакого всѣмъ управляющаго мудраго провидѣнія, и сію жизнь преходящаго высочайшаго опредѣленія человѣка: тамъ не возможно, чтобъ былъ истинный законъ. Многобожіе не можетъ руководствовать ни къ какому нравственному совершенству; оно паче всегда далѣе опѣ онаго отводитъ, и нѣтъ ни одного порока, который

бы въ немъ не нашелъ своей особливою за-
щиты, и еще большаго подкрѣпленія и
побужденія.

Между прочимъ можетъ человѣкъ
быть ложно доволенъ таковыми Богами
и такою вѣрою: но разумъ становится все-
гда просвѣщеніе! — При томъ можетъ
онъ возрастать въ правленіи государ-
ства и въ дѣлахъ военныхъ, даже во всѣхъ
наукахъ и художествахъ, въ оныхъ мо-
жетъ достигнуть верьху совершенства,
и при всемъ томъ быть слѣпымъ и низ-
кимъ. Самомрачное суевѣріе можетъ
быть при самомъ блестящемъ свѣтѣ вре-
менъ; разумъ можетъ сооружать храмы,
приводящіе своимъ великолѣпіемъ въ изу-
мленіе, а въ самосвятѣйшемъ мѣстѣ
оныхъ поклоняются обезьянѣ или кошкѣ.
Онъ можетъ изобразить Юпитера, ве-
личеству коего онъ удивляется, а отъ
его постыдныхъ дѣлъ краснѣетъ. И ко-
гда Гомеръ говорилъ уже языкомъ Бо-
говъ, то онъ допустилъ Боговъ своихъ,
не производя притомъ ничего непристой-
наго, къ раболѣпствованію.

Но не ужъ ли бы разумъ не могъ столь-
же легко возвыситься къ познанію еди-
наго всевысочайшаго Существа? — Все-
высочайшее, независящее и отъ веще-
ства или міра отдѣленное, свободное
и разумное существо — Создатель и
Обла-

Обладатель міра — Самая величайшая и знамениѣйшая мысль! и ежели она одинъ разъ вперится, преразумная и самая естественная, какую только человекъ имѣть можетъ! Но смѣлый полетъ для разума туда подняться. Разумъ Мудреца на конецъ на то отважится; но не прежде, какъ уже научится признавать міръ въ числѣ случайныхъ существъ; не прежде, какъ не признаетъ его совершеннымъ цѣлымъ; не прежде, какъ познаетъ великіе и всеобщіе естественные законы, великую и единственную цѣль многихъ одинакихъ другъ другу противоположныхъ естествъ; и не прежде, какъ познаетъ, какъ можетъ терпимо быть зло провидѣніемъ премудраго и преблагаго Творца, и какъ оно можетъ терпимо быть въ семъ всеобщемъ планѣ. Положимъ, что онъ возвысился бы къ первому вѣчному и необходимому началному существу: то и это, какъ Баль по справедливости говоритъ, еще не Богъ. Таковое вѣчное существо и всякой Безбожникъ пріемлетъ. Нужно познать естество сего существа, а сіе испытаніе, по его изреченію принадлежитъ глубокомысленному разсужденію. Вѣроятно, что онъ его себѣ представитъ сперва распространившимся по

всей природѣ, всеобщимъ духомъ міра, который особливо живетъ въ свѣтлѣ небесныхъ, въ людяхъ, звѣряхъ и растѣніяхъ: то не опять ли выдутъ прежніе боги? Опять Юпитеры и малые божки, кои въ испорченномъ сердцѣ оставляютъ пространство для всѣхъ пороковъ, и человека всегда далѣе отъ его истинной цѣли отдаляютъ. Разумъ можетъ быть станеть пренебрегать сихъ Боговъ, но потому не найдетъ истиннаго Бога, въ истинномъ свѣтѣ; Философъ будетъ его искать, да и узритъ его, но не ясно, и не столько времени будетъ видѣть, чтобъ изъ того могъ истолковать его собственную связь и опредѣленіе съ успокоивающимъ удостовереніемъ; онъ запутается въ искусственныхъ умозрѣніяхъ, о коихъ простижъ ничего не разумѣетъ, и которыхъ онъ самъ только половинѣ вѣритъ, а другую въ своей школѣ перетолковываетъ. Между прочимъ Юпитеръ остается все тѣмъ, чѣмъ онъ есть; за его пороки наказываемы бывающъ его обожатели всѣми лицами и колесованіемъ; онъ остается отцемъ боговъ и людей; его похвальныя пѣсни и жертвоприношенія не уничтожаются, а громовыя его стрѣлы защищаютъ его отъ всѣхъ нападеній. Ктобы посмѣлъ отважиться на такое по-

помышленіе, что бы всѣхъ Боговъ учи-
нишь подозрительными? Боговъ, ко-
торыми государство располагаетъ по
своей волѣ, коихъ жрецы, суть первые
министры государства; такое множе-
ство выгодныхъ и благопріятствующихъ
Боговъ, кои способны къ примире-
нію и подкупленію посредствомъ бога-
тыхъ жертвоприношеній, и кои напро-
тивъ того не прошибурствуютъ чело-
вѣку во всѣхъ его желаніяхъ? — Мыслен-
ны человекъ тайно не желаетъ никакого
другаго Бога.

Это не Романъ, а самое естественное
умозрѣніе человеческого разума! Въ та-
комъ состояніи находится оно еще за нѣ-
сколько тысячъ лѣтъ у дикихъ Народовъ;
такоежъ оно было, какъ говоритъ Гюмъ,
за тысячу восемь сотъ лѣтъ во всемъ
свѣтѣ. Примѣчанія достойное изреченіе
сего великаго знатока разума! Такое же
за тысячу восемь сотъ лѣтъ — Съ идоло-
поклонствомъ, говоритъ онъ, разумъ вос-
пріялъ свое начало, и по довольно основа-
тельное доказательство, что даже до сего
періода всѣ люди въ сей тьмѣ жили. Ибо
спорныя и скептическія понятія нѣкто-
рыхъ не многихъ Философовъ, истинное
богослуженіе одного или двухъ Народовъ,
онъ тотъ часъ присовокупляетъ, не соста-
вля.

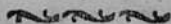

вляющѣ напротивѣ того никакого достойнаго разсмаптриванія предмета.

И такѣ истинная Философія о Богѣ началась лишь только за тысячу восемьсотъ лѣтъ — Остроумному Мужу не нравился возвратиться къ тому началу, откуда бы вдругѣ произошла сія счастливая перемѣна разума. По его точно признанію не изѣ Греческихъ и Римскихъ школѣ; оныя отѣ трехъ до четырехъ сотъ лѣтъ Философовствовали безѣ всякаго преселенія въ свѣтъ, въ разсужденіи сея важныя истинны, отѣ нихъ какого либо истиннаго просвѣщенія. Общенародное богослуженіе, при всей сей Философіи, сдѣлалось паче часѣ отѣ часу отвратительнѣе; представленіе о всевысочайшемъ существѣ, при кошоромъ еще одно вмѣщаемо было, равномѣрно какѣ о провидѣніи и безсмертіи душъ, всегда становилось неизвѣстнѣе и неосновательнѣе, а МетаФизика содѣлала совершенное безбожіе только болѣе систематическимъ. Не должно только, говоритѣ Бэль, читая Древнихъ Писателей, ослѣпляться словами и вѣрять, когда они говорящѣ о Богѣ или богахъ, чтобѣ они имѣли истинное о томъ понятіе. Это никакѣ еще не относится къ познанію первѣйшаго и высочайшаго существа, первѣйшей начальной вины и самоначальной дѣйствующей-

ствующей и побуждающей силы. Спра-
 шонъ и всѣ прочіе систематическіе
 между древними Мудрецами Безбож-
 ники были сегожъ мнѣнія; и кто
 болѣе говоритъ о Богѣ какъ не Спинова?
 Истинное понятіе о Богѣ слѣдующее:
 что онъ есть духъ, отъ міра и всего
 вещества отдѣленное, всевысочайшее нрав-
 ственное существо, безконечно всевѣду-
 щій, премудрый и преблагій; что онъ
 не отъ внутренней необходимости произ-
 велъ изъ себя міръ: но что онъ изъ произ-
 вольнаго всемогущества, ничѣмъ инымъ,
 какъ премудростію и благостію будучи
 пронухъ, сотворилъ; что въ своемъ
 безконечномъ разумѣ всѣ возможные
 приключенія и перемѣны въ міръ еди-
 нымъ мгновеніемъ зреть, и тѣмъ же
 всемогущимъ произвольнымъ мгновені-
 емъ, какимъ онъ его сотворилъ, самое
 теченіе онаго содержитъ и управляетъ.
 Сіе-то есть единое истинное начало вѣры;
 ибо на семъ единомъ основывается упо-
 ваніе на провидѣніе, и сіе-то вмѣстѣ
 есть единая мысль, которая грѣшника
 можетъ удержатъ отъ исполненія сво-
 ихъ злыхъ намѣреній, а добродѣтель-
 наго подкрѣпитъ и ободритъ въ его не-
 усыпномъ спраданіи, чтобъ быть доб-
 рымъ. Но сколь долго мы сіе высочай-
 шее существо почитаемъ за едино съ
 міромъ,

міромъ, или за распроспершія по всей природѣ духъ міра: то скажемъ о Богѣ и разумъ его столькожъ, сколько Спиноза; о провидѣніи столькожъ высоко сколько Сенека; но все сіе, только пустя слова, кои приѣмлетъ ихъ Система; истинное духовное или нравственное естество Божіе пребываетъ всегда отрицаемымъ. Ибо еслили міръ есть сіе вѣчное не обходимое существо, то все въ немъ совершенная слѣпая необходимость; пошому что сей Богъ не можетъ ничего иного познать и творить, какъ оно есть; и сіе единое только возможное; все сіе какъ оно есть, суть существенныя части онаго, образования его собственной природы? чѣмъ же можно почестъ въ семъ случаѣ вѣру, провидѣніе и различіе между добромъ и зломъ?

Распростирающійся по всей природѣ духъ міра отъ сего отличенъ только однимъ именемъ. Въ безконечность простертое существо имѣетъ безконечно различныя другъ отъ друга части. Нравственные совершенства, всеобщее провидѣніе, здѣсь столько же невозможны. Еслили мудрецъ послѣдуетъ понятію, то оно доведетъ его до тогожъ безбожія; еслили онъ при первомъ предметѣ остановится, то узритъ онъ столькожъ одинакихъ и между собою различныхъ Боговъ,
сколь-

сколькo видить въ природѣ различныхъ частей. Что древніе Мудрецы, столь мало познавали сіе истинное духовное естество высочайшаго Существа, сіе-то было лабиринтомъ, въ которомъ заблуждался ихъ разумъ такъ, что они никогда не умѣли точно найти истиннаго пути къ вѣрѣ; и естли они не всѣ впали въ дѣйствительное безбожіе, то симъ обязаны были не своей Философіи, но паче ихъ счастливой погрѣшности въ заключеніяхъ, и тому что они, либо ужасаясь не признавать совсѣмъ добродѣтели, или имѣя уваженіе къ введенному искони темному мнѣнію о Богахъ, когда доходило къ послѣднимъ заключеніямъ, отвергали свою систему. Кто одаренъ былъ довольно бодростію духа и подкрѣпленъ Умословіемъ въ послѣдованіи своей системѣ, тотъ всегда былъ въ крайней опасности, дабы не былъ приведенъ къ безбожію; кто лучше мыслилъ, а хуже заключалъ, тотъ дѣлалъ такъ какъ Цицеронъ сказалъ своему пріятелю: естли дойдетъ до вѣры, то я держусь главныхъ жрецовъ, а не того, что говорятъ Зенонъ, Клеанъ и Хризиппъ; сихъ я охотно слушаю, чтобы знать основаніе моей вѣры, но должностію моею пребудетъ, вѣрить безъ всякой

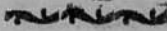
основательной причины тому, что осталось отъ нашихъ предковъ. И если бы Цицеронъ, въ книгѣ своей о естествѣ Боговъ: разобравъ всѣ сіи Философическія системы, хотя на концѣ не придерживался сего издавна введеннаго мнѣнія о Богахъ: тобы ему, послѣ всего имъ учиненнаго изслѣдованія, можетъ быть не осталось никакого другаго пути. О безсмертіи души говоритъ онъ довольно ясно въ одномъ мѣстѣ, что никто изъ Мудрецовъ, который оному въро-валъ, не имѣлъ ни единого на то доказательства. И сіе-то есть начало многихъ тѣхъ противорѣчій, кои о томъ находятся въ ихъ сочиненіяхъ. Порознь ихъ положенія отъ части изрядны, блестящи, и ослѣпляющіи; но они на всегда остаются единообразными и неосновательными, и исчезаютъ изъ ихъ виду прежде, нежели Мудрецы найдутъ справедливое оныхъ употребленіе. Неоспоримое доказательство, что они проистекаютъ не изъ своихъ началъ. Намъ приводятся, говоритъ Бэль, прекрасныя мѣста изъ Платоновыхъ сочиненій, гдѣ онъ очень разумно говоритъ; но возмись кто за тѣ книги, въ коихъ онъ пишетъ какъ Испытатель естества (Физикъ), а не такъ, какъ Нравоучитель или Законоискусникъ: то найдется много такого пусто-

пустословія и нелѣпостей, при которыхъ разумъ ужаснуться долженъ. Господинъ Гюмъ говоритъ, что онъ не имѣетъ столько смѣлости, чтобы даже Антонина и Плутарха почестъ за Богопризнателей.

Между прочимъ все нерѣшимую для разума тайною пребудетъ, откуда бы сія Философія еще за тысячу восемьсотъ лѣтъ вдругъ вошла въ свѣтъ, и такъ скоро распространилась?

Бѣдныя Мудрецы! или лучше сказать, земледѣльцы Галилейскіе — Однако мы сіе здѣсь еще не совсѣмъ окончимъ; можно еще легко найти къ сему ближайшій случай. Между прочимъ сіе заподлинно извѣстно, что разуму, когда онъ въ тѣ философскія времена, и при его просвѣщенномъ успѣхѣ во всѣхъ другихъ знаніяхъ, могъ, въ разсужденіи сихъ истиннѣ, заблудиться въ таковой мрачности, не столь легко можно было безъ какоголибо высочайшаго руководствованія дойти наипаче до справедливаго понятія о высочайшемъ Существовѣ: но что онъ долженъ былъ послѣ всего умозрѣнія учинить начало обѣ оною съ идолопоклонства.

Господинъ Волперъ противорѣчитъ сему умозрѣнію, и ссылается на Исторію. Надобно примѣнить то, что сей Мужъ истинну открытыя вѣры всегда

въ помѣ мѣстѣ неминуемо защищаетъ; гдѣ онѣ ей вредить думаетъ. Въ этомъ онѣ правѣ. Исторія разума (мы здѣсь разумѣемъ самую древнюю) дѣйствительно противоположена умозрѣнію объ ономъ. Ибо сему не лзя противорѣчить, что естли мы послѣдуемъ сей исторіи, то познаніе единого всевысочайшаго Существа гораздо древнѣе всякаго идолопоклонства; и это не только у шого или другаго непросвѣщеннаго Народа, коего господинѣ Гюмѣ и наименованія не удостоиваетъ; но безѣ выключенія у всѣхъ самодревнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ Народовъ; и чѣмъ болѣе провидѣніе даетъ намъ знать о самодревнѣйшей исторіи сихъ Народовъ и ихъ примѣрныхъ началахъ: (примѣчанія достойное наблюденіе, что всѣ сіи едва, какъ чаять можно, бывшія открытія тожѣ и въ нашемъ періодѣ случисься должны) тѣмъ болѣе находимъ мы подтвержденною сію истинну.

Древній Египетѣ почиталѣ сего всепворящаго и всѣмъ управляющаго духа подѣ именемъ Фтага и Кнефа, прежде нежели призналѣ онѣ одно изѣ своихъ мысленныхъ Божествѣ, Озирида или Изиду.

Ханг-Ти у древнихъ Кишайцовѣ въ Ху-кингѣ есть тотѣ же всѣмъ управляющій

ющій и все распредѣляющій и низпосылающій духъ.

Браминъ еще никакому другому Богу не покланяется. Въ первой попчась бесѣдѣ, коею начинается его условіе, копорого начало можетъ быть отъ попомковъ Ноевыхъ къ нимъ дошло, удержалась еще между всѣми прочими суевѣрными и аллегорическими баснями сія важная мысль, что Бримгъ есть независящій Творецъ и Правитель всѣхъ вещей, чистое и отъ всего вещества отдѣльное, вѣчное и безконечное Существо, по своему естеству выше всѣхъ понятій, но изъ дѣлъ его почитаемо всевѣдущимъ, всемогущимъ и вездѣ присутствующимъ Существомъ, въ коемъ отъ вѣка обитала премудрость, благость и наказывающее за зло правосудіе. А подъ всѣми шѣми безчисленными именами и видами, коимъ народъ въ Индіи не иначе, какъ многимъ особливымъ Божествамъ покланяется, онъ ничего другаго не признаетъ, какъ столькожъ различныхъ наименованій и символическихъ представленій о свойствахъ и дѣйствіяхъ сего всевысочайшаго Существа.

Гаври, малый остатокъ древнихъ Персовъ, славящіеся еще чистою Авраамлею вѣрою, покланяются еще сему единому Богу, и кромѣ суевѣрнаго почита-

нія огня, опметаютъ всѣ Божескія изображенія, потому что они знаютъ, какъ скоро чрезъ то у всѣхъ прочихъ Народовъ сіе истинное богопризваніе истреблено было.

Ветхій деньми у древнихъ сѣверныхъ Народовъ, *Одинъ*, есть тотъ же единый истинный Богъ и Творецъ міра. Да и въ Римѣ во времена Нумы не было никакихъ Боговъ.

И не только сіе одно, но и понятіе о управляющемъ всяческая и вся ниспосылающемъ провидѣніи и будущей жизни вездѣ во всѣхъ сихъ древнѣйшихъ исторіяхъ обрѣтается вмѣстѣ съ симъ познаніемъ высочайшаго Существа; сіе гораздо прежде, нежели разумъ могъ начать философствовать и изъ связи вещей въ природѣ выводилъ сіи истинны, и какъ извѣстны были Озирисъ, Сатурнъ и Юпитеръ.

Но тѣмъ важнѣе часъ отъ часу становится вопросъ: откуда бы столь рано произошло сіе чистое познаніе? Здѣсь Философы проливуположены Философамъ. Господинъ Гюмъ, коего мысли мы не называя его, здѣсь столь часто приводимъ, совсѣмъ отрицаетъ, чтобъ разумъ могъ имѣть къ сему способность. Разумъ, говоритъ онъ, такъ какъ въ семъ своемъ младенчествѣ былъ, восходитъ постепенно отъ нижшаго къ вышшему;

люди,

люди, прежде нежели научились строить великолѣпные дома, довольны были хижинами, и они необходимо должны были почитать единственныхъ части природы за независящія, прежде нежели могли объ нихъ мыслить какъ о цѣломъ. Ничто не можетъ человѣку въ семъ случаѣ подать способъ къ скачку, *кромѣ непосредственнаго откровенія*. Баль, который въ иное время столь же не охочъ что нибудь прощать разуму, въ семъ случаѣ столь же остороженъ: не говори ему, сказываетъ онъ, что довольно открытъ только глазъ, дабы узрѣть истиннаго Бога. Локкъ, великій знатокъ разума, въ семъ тоже согласенъ. И самъ Платонъ сказалъ ужè тоже самое: очень трудно найти Отца и Творца міра. Платонъ, Баль, Локкъ, Гюмъ — Руссо и Волперъ прямо утверждаютъ прошивное тому. Руссо употребляетъ для сего только свои глаза; природа, говоритъ онъ, есть отверстая книга, изъ которой я научаюсь познавать и почитать Бога, и никто не читая ея, не можетъ оправдаться; ибо шупъ говоритъ Богъ такимъ языкомъ, который всѣ люди разумѣютъ; и такъ еслии я свой разумъ и способности свои употребляю какъ должно, то я изъ нея научаюсь всему, чего Богъ отъ меня требуетъ. Здѣсь рѣчь о грубомъ

и необработанномъ разумѣ, какимъ онъ былъ еще въ первые вѣки человечества; ибо если Руссо говоритъ о себѣ и о свѣтѣ, въ коемъ онъ теперь имѣетъ счастье читать сію книгу, то все его сказаніе есть ничто.

Господинъ Волперъ въ семъ случаѣ разборчивѣе. По его изреченію, ничто не могло быть для разума легче сего познанія; ибо, какъ разумъ, говоритъ онъ, научилъ человека Геометріи, такъ долженъ быть оный же и къ сему руководителемъ; и никакой еще разумъ столько застѣнчивъ, чтобъ изъ дѣйствій не осмѣлился заключить и о причинѣ оныхъ.

Мы такъ геометрически сего еще не заключимъ. Самый застѣнчивый разумъ узналъ потчасъ, что все, что тяжело, падаетъ въ низъ; но узнали ли онъ потчасъ пошому всеобщій законъ тяжести? Разумъ конечно съ самаго начала видѣлъ нѣкоторыя дѣйствія въ природѣ, и заключалъ о причинахъ ихъ: но было ли ему тогда столь же легко при многихъ, по виду независящихъ силахъ и представляющихся непорядкахъ, потчасъ заключить и о высочайшей первой и всеобщей винѣ? Философъ, посредствомъ сихъ являющихся непорядковъ, обзрѣвъ ихъ премудрую и насюющую цѣль, паче всего возбудится къ

къ познанію и почитанію таковой всевысочайшей вины, ея безконечныя премудрости и всемогущества; но дикой еще разумъ мало видитъ стройности въ природѣ; и гдѣбъ онъ прежде всего оную могъ видѣть, тамъ онъ очень мало вниманія употребляетъ; порядокъ очень мало трогаетъ его; и такъ онъ долженъ, при всякомъ повѣренномъ имъ безпорядкѣ, необходимо доведенъ бытъ къ изысканію столь же многихъ особливыхъ и независящихъ причинъ. Въ томъ свѣтѣ, въ какомъ, какъ мы уже сказали, Руссо имѣетъ счастіе читать сію книгу природы, его разумъ находитъ конечно всѣ сіи истинны съ ясностію и увѣреніемъ. Но разумъ вездѣ одинакой; и сія книга отъ сотворенія міра лежитъ въ Африкѣ и Америкѣ также отверста, какъ и у насъ; то для чего Кафръ и Гуронъ не также бѣгло по ней читаютъ, какъ Руссо? Гдѣ болѣе прелестей разсыпала природа, какъ не въ Греціи и Италіи? Гдѣ она разумомъ была болѣе испытывана, и гдѣ она имѣла болѣе счастія въ своихъ подражателяхъ, какъ не тамъ? Однакожъ въ прочемъ, при всемъ ихъ остроуміи, пребывало ихъ въ томъ ослѣпленіе столь велико, что описаніе ихъ должно бы почестъ за совсѣмъ недостойный вѣроятія, или лучше сказать, и

за пасквиль на разумъ, естлибъ 'провидѣніе не предоставило намъ о томъ доказательствѣ. И такъ когда разумъ чрезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ имѣлъ предъ собою природу, и при всемъ томъ не могъ познать Творца природы; когда самый искусившійся, остроумнѣйшій разумъ, при всемъ своемъ усиливаніи, гдѣ онъ невѣроятнo какъ могъ заблудиться, не могъ дойти до истиннаго и яснаго познанія онаго: то совсѣмъ необработанный и суровой разумъ, какъ бы могъ такъ рано дойти къ сему истинному познанію. И естлибъ это для него было столь легко, то какъ бы онъ могъ такъ скоро лишиться опять сего столь важнаго для него познанія, и при томъ такъ, что ему совсѣмъ почти невозможно стало опять оное найсти. Сіе доказательство господина Гюма не оспоримое. Историческія истинны могутъ быть забыты, потому что онъ зависятъ отъ памяти и умозаключенія, и потерявши одинъ разъ свои предложенія, возвратитъ ихъ опять не могутъ. Но истинны, которыя толь ясно представляются первому человѣческому взору, и особливо тѣ, которыя толь важны для человѣка, должны посредствомъ тѣхъ же началъ, чрезъ которыя онъ прежде были познаны, и быть удержаны; или естли онъ и пропали какимъ

какимъ либо случаемъ, по разумъ, который ревностно ихъ ищетъ, долженъ бы опять найти оныя. Да и какъ можно было разуму, бывшему еще въ дичи, приписать проищанія, кои бы при лучшемъ просвѣщеніи и въ общественной жизни такъ заблудились, что онъ никогда бы не былъ въ состояніи когда либо опять къ нимъ возвратиться. Разсуждая естественнымъ образомъ, должно бы сему познанію съ прочимъ просвѣщеніемъ разума возрастать и часъ отъ часу болѣе просвѣщаясь: но оное паче отъ времени до времени спановилось темнѣе, а идолопоклонство часъ отъ часу глупѣе. Хотя правда, между всѣмъ симъ безмысліемъ суевѣрія, и показывается нѣкоторое чувствованіе о высочайшемъ Существѣ, котораго ни ложная МетаФизика, ни крайность паденія во всеобщій грѣхъ не могутъ совсѣмъ разрушить; но сіе же темное чувствованіе есть доказательствомъ, что оно было не что иное, какъ остатокъ какогонибудь заблудшаго просвѣщеннѣйшаго понятія, котораго разумъ не умѣлъ болѣе пристойно употреблять; единственные искры погасшаго свѣта, кои его въ ббльшее проводили заблужденіе; и однѣ развалины, кои доказываютъ, что тамъ стояло по правиламъ построенное зданіе, но коему ужè столько

много

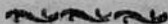
много не доставало существенныхъ частей, что изъ того ни какъ уже не можно было составить опять цѣлаго. Самъ Эпикуръ имѣлъ сіе чувствованіе, однако его система непосредственно вела къ величайшему безбожію. Кратко сказать, естли для разума столь легко доходить къ сему познанію, то для чего его ошибка, при прочемъ его приращеніи, была въ семъ случаѣ столь велика? для чего народное богослуженіе часъ отъ часу срамнѣе, обоготворенія болѣе бессмысленны, исторія Боговъ гнуснѣе? почему истинный Богъ не бывалъ когда либо въ Аѳинахъ или въ Римѣ предметомъ общенароднаго почитанія? Естли это были только заблужденія великія толпы, то они еще простительны; но отъ чего же великая толпа, при приписанномъ разуму столь многомъ познанію, попала въ такое всеобщее ослѣпленіе? Усматривали ли Мудрецы и верховные Правители онаго глупость? они оную видѣли; но гдѣ же было тогда лучшее познаніе? Оно было у нихъ; такъ для чего же считали они его столь мало важнымъ? Можетъ ли также въ нравственномъ правленіи быть терпимо, чтобъ Народъ своихъ Боговъ, самое высочайшее и совершеннѣйшее, какое только можетъ представиться разуму, Суще-

щество, принималъ за учителей всѣхъ возможныхъ золъ? Почему привсемъ томъ симъ Богамъ были пред-успавлены ихъ храмы, жрецы и жертвы? Для чего почитаніе оныхъ столь свято ревностію самыхъ знаменитыхъ въ правленіи особъ осталось защищеннымъ отъ законовъ государственныхъ? Почему введеніе благоразумнаго исповѣданія было преступленіемъ помянутыхъ законовъ? Самое шальное посмѣяніе чинить Богамъ, и приписывать имъ наигнуснѣйшіе пороки, было дозволено Стихотворцамъ и живописцамъ; но тѣмъ же самимъ Богамъ не воздавать божескихъ почестей, почиталось въ Аѳинахъ преступленіемъ; за что долженъ былъ Сократъ жертвовать жизнію своею. Правда, что всякій благоразумный человекъ не одобрялъ сихъ гнусныхъ стихотвореній. И тѣ, которые хотя нѣсколько имѣли подобострастія къ добродѣтели, взирали паче на то съ досадою и рвеніемъ, что храмы, въ коихъ люди должныбъ получать чистѣйшія побужденія къ добродѣтели, были опаснѣйшими школами золъ, въ коихъ они находили все, что могло польстить къ гнуснѣйшимъ и порочнѣйшимъ страстямъ, и оправдать оныя. Когда мы Юпитера,

ра,

ра, говоритъ Сенека, представляемъ мятежникомъ противъ своего отца, гонителемъ невинности, и самимъ порочнѣйшимъ злодѣемъ: по чѣмъ другимъ сіе можно почестъ, какъ не позволеніемъ людямъ на всякіе пороки, и имъ вручить еще завѣсу къ прикрытію ихъ самыхъ нечестивыхъ склонностей примѣромъ Божества. Самъ Овидій опдаляетъ всякую молодую добродѣтельную женщину отъ храмовъ Боговъ. И что въ зрѣлищахъ, было обыкновеннѣе сего извиненія: когда Юпитеръ не могъ противостоять сей страсти, то откуда мнѣ слабому человѣку взять такую силу? Между прочимъ на всегда тѣмъ большимъ доказательствомъ пребудетъ тому невѣроятному паденію то, что сіи же самыя постыдныя Божества пребыли единымъ предметомъ общенароднаго почитанія; что для нихъ частію такія же постыдныя празднества, отъ коихъ человѣчеству краснѣло, были въ честь имъ установленны; и что чистѣйшее понятіе о высочайшемъ Существовѣ осталось благою и тайною мыслію однихъ Мудрецовъ, безъ употребленія самомалѣйшихъ средствъ ко вселенію во всѣхъ сея чистѣйшія вѣры. Школы Мудрецовъ были отверсты; но сколь малое число въ состояніи было

до ихъ посѣщать; сколь мало языкъ и способъ ученія собразны были всеобщимъ способностямъ; сколь исполнено загадокъ и темно было объ ономъ предложеніе; сколь немногіе были впускаемы за завѣсу; сколь неосновательны и сомнительны были самыя лучшія положенія! И которая школа была истинная? Эпикурова и прочихъ Систематическихъ безбожниковъ школы были также отперсты; ихъ уважали равномѣрно, и число слушателей столькоже великое; но гдѣ было исканіе истинны? Съ обѣихъ сторонъ была человѣческая важность; и что въ силахъ была сдѣлать человѣческая важность пропивъ владычествующаго общенароднаго богослуженія? Что учинилъ великій и знаменитый Антонинъ при всѣхъ своихъ высокихъ мысляхъ, при всей своей Императорской важности, къ исправленію онаго?

Когда первобытные Христіане, въ своихъ посланіяхъ къ Язычникамъ, чинили въ разсужденіи сего многіе несносныя упреки: то языческіе новѣйшіе Философы хотя и старались оправдаться въ томъ, говоря, что они великое число Боговъ признавали за особенныя только качества и дѣйствія единаго высочайшаго Существа, а поносныя басни старались толковать аллегорически (иносказа-

тель-

тельно); но они тѣмъ большому, какъ говоритъ Баль, подвергались осмѣянію, и чрезъ сіе подали Христіанамъ случай удобнѣе одержать надъ собою побѣду.

Сочиненіе, называемое *Evangile du Jour*, есть колобродное эхо въ долинахъ при Женевскомъ озерѣ, все то, что ни сказалъ господинъ Волперъ безразсудно, и разъ съ пятьдесятъ еще безсмысленнѣе въ поношеніе древняго Стихотворца повторилъ, несходно съ вышесказаннымъ; онъ берется защищать сихъ Боговъ и ихъ поносныя баснословія противъ всѣхъ тѣхъ точныхъ доказательствъ, которыя имѣются въ нашихъ рукахъ. По его словамъ, не только что для разума нѣтъ ничего естественнѣе, какъ познаніе высочайшаго Существа, но и ни одинъ разумный Язычникъ не признавалъ когдалибо болѣе одного такого существа; Егова у Финикійцевъ и Египтянъ, Зевесъ у Грековъ, Юпитеръ у Римлянъ, якобы всегда означали сего единого Высочайшаго Бога; низшихъ Боговъ никто не почиталъ за сіе высочайшее Существо, и будтобы это были одни блядословія Христіанъ; якобы сіи низшіе Боги, представлены были черни единственно ради поощренія къ добродѣтели. Хотя Халдеи послѣ и отпринули древнее почитаніе

паніе єдинаго высочайшаго Бога , и покла-
 нялись звѣздамъ : но они якобы вѣровали ,
 что звѣзды опредѣляли судьбину чело-
 вѣческую , и такъ яко бы не было
 ничего невиннѣе сего поклоненія , а пото-
 му - по и не были они еще идолопоклонни-
 ками; ибо идолъ (истуканъ) есть изображе-
 ніе, а звѣзды не могутъ еще почестъся они-
 ми. Да и самое нравоученіе не могло при
 всемъ томъ ничего потерять , потому
 что , якобы оно происходило отъ здраваго
 разсудка. — Это все сказанія изъ сего
 Евангелія. Они заслуживаютъ объяснены
 бытъ нѣсколькими словами.

Якобы для разума ничего легче
 не было , какъ познаніе высочайшаго
 Бога — однакожъ какъ видно изъ словъ
 Сочинителя , все , что въ Римѣ почи-
 талось за велико , было приписано Эпи-
 куровому безбожію .

Якобы множества нижшихъ Боговъ ни-
 кто не почиталъ за единое высочайшее
 Существо — конечно это и не возмож-
 но было , чтобъ тысящу Боговъ почи-
 тать за высочайшее единое Существо ;
 но гдѣжъ пребывало истинное познаніе
 сего єдинаго высочайшаго Существа ?

Якобы нижшіе Боги были только
 предоставлены черни для поощренія къ
 добродѣтели. — Юнона , Венера , Марсъ ,
 для поощренія къ добродѣтели !

Якобы единое высочайшее Существо было всегда признаваемо и почитаемо, и якобы оно самое былъ Юпитеръ Гомеровъ — Юпитеръ Гомеровъ, всевысочайшее Существо! Да, такъ, онъ долженъ быть тѣмъ; древнее первоначальное понятие еще не пропало; но сколь сіе ложно! какая смѣсь божественнаго величія съ самою низкою человѣческою слабостію, и такая, которую Стихотворецъ оный не почитаетъ ни за малѣйшій соблазнъ. Отецъ Боговъ и людей — независящій, въ самомъ себѣ всесовершенный Богъ — котораго престолъ вознесенъ выше всего міра — съ высоты гремящій, коего рука безпрестанно вооружена громовыми стрѣлами, и который молнію во всѣ концы небесъ пускаетъ — который мгновениемъ очесъ своихъ всю землю управляетъ, и коего воля есть судьба. — И сей-то Отецъ Боговъ и людей безъ вспоможенія Бриарея въ крайней опасности, чтобы не попасться въ оковы для него уже уготованные шайкою прочихъ Боговъ? — И сей-то независящій обладатель свѣта ссорится съ Юноною не лучше самой подлой черни, потомъ ея хитростію и посредствомъ волшебнаго пояса Венерина обманывается, валяется въ объятіяхъ сея своя супруги и сестры, отдаетъ себя во власть ея прелестямъ и всѣмъ прочимъ

чимъ своимъ непотребнымъ сладострастіямъ, и на конецъ усыпляется отъ нея такъ, что онъ своимъ Троянамъ не можетъ подать обѣщанной имъ защиты, а Нелшунъ между иѣмъ Грекамъ спомоществуетъ? — Се Юпитеръ Гомеровъ!

Обоготворенный аистъ не столько еще стыда приноситъ разуму, и не такимъ есть посмѣянiемъ божеству; ибо онъ не что иное, какъ изображеніе низшаго божества, сила естества; но такой отецъ Боговъ и людей — и онъ же на престолъ высочайшаго Существа! — это такое заблужденіе, котораго шеперь нашъ разумъ не можетъ инакимъ почестъ, какъ невозможнымъ.

Якобы Халдейцовъ поклоненіе звѣздамъ было невинно, потому что они почитали оныя за установителей судьбы — но что при всемъ этомъ оставалось для верховнаго Владыки и Творца міра? и не было ли это, по его собственному признанію, совершенное непризнаніе Бога и всего провидѣнія?

Наконецъ, якобы нравоученіе при всемъ томъ ничего не потеряло, потому что оно происходило отъ здраваго разсудка — всеконечно; было бы лишь здоровое умословіе, а въ прочемъ заключенія и нездраваго разсудка будутъ небезшолоковыя:

И такъ какъ теперь по Исторіи уже неоспоримо, что познаніе Бога шѣмъ паче всеобщее и чище, чѣмъ далѣе мы въ древнюю Исторію рода человѣческаго вникаемъ, и что оное напрошивъ того съ приращеніемъ разума часъ отъ часу становилось темнѣе и неудобопонятнѣе, пока на конецъ въ безсмысленнѣйшемъ идолопоклонствѣ у оспроумнѣйшихъ Народовъ почти совсѣмъ заперялось: то возможно ли сему заключенію бытъ справедливымъ, что разуму не можно было бытъ источникомъ того чистаго познанія, но что здѣсь необходимо должно бытъ основаніемъ какому нибудь древнѣйшему постороннему наставленію. Сего придержались Орфей, Талесъ, Пифагоръ и съ ними Платонъ. Отдаленный отъ сихъ истиннѣйшій лучъ привлекъ ихъ вниманіе, и они, будучи шѣмъ возбуждены, искали ближайшаго просвѣщенія; но разуму своему они того не приписывали. Они не уповали оваго нигдѣ достовѣрнѣе найти, какъ отправясь въ шѣ зѣмли, кои они не иначе признавали, какъ за источникъ исторіи человѣчества и разума. И ихъ старанія не совсѣмъ были тщешвы. Полезныя знанія, коими они, по возвращеніи своемъ, просвѣщали время и страну свою, они дѣйствительно чрезъ

чрезъ то пріобрѣли. Только прибыли они
 уже нѣсколько поздно; даже и самый
 источникъ не былъ уже больше чистъ.
 Высокія истинны древняго закона
 чрезъ многія символическія предста-
 вленія, кои можетъ быть съ са-
 маго начѣла отъ части народную
 исторію и дѣйствія природы означать
 были должны, (и коихъ они и ихъ
 самые наставники уже точно больше не
 разумѣли), такъ какъ и по причинѣ мно-
 гихъ вымышленныхъ нижнихъ Боговъ и ду-
 ховъ, уже потеряли свою первѣйшую про-
 стоту. И такъ они съ собою принесли
 истинное вмѣстѣ съ ложнымъ; они ввели
 съ собою наименованія высочайшаго Суще-
 ства, сотворенія, и безсмертія душъ:
 но то уже были по большей части
 искаженные и блудящія понятія, кои
 они, стараясь посредствомъ своей
 МетаФизики (Лавиринѣ котораго еди-
 ный только Сократъ довольно имѣлъ
 ума, миновать) опять учинить ясны-
 ми, только тѣмъ еще болѣе такъ
 запмили, что и сами часто при-
 томъ не могли ничего думать; и симъ
 образомъ и тѣхъ не многихъ справедли-
 выхъ, между оными находившихся, ис-
 истиннѣ лишили еще болѣе ихъ плодо-
 витой простоты и точности. Ибо
 какъ скоро сіи истинны вошли въ ихъ

школы, то и были отдѣлены отъ вѣры, и какъ растѣнія, кои совсѣмъ вѣ не свойственную имъ землю пересаживаются, потеряли онѣ путь всю свою плодovitость, и сдѣлались зрѣлищною игрою остроумія, которая простой человѣческой умъ ни какъ не понималъ, что къ просвѣщенію оныя ничего не вспомошествовало, и при чемъ общенародная вѣра пребыла на всегда столько же не разумною и отъвратительною; а сверхъ того тѣ же самыя великія Мудрецы, которые столь глубокомысленно въ школахъ своихъ о естествѣ Боговъ философствовали, въ храмахъ показывали себя столько же суевѣрными, какъ и самая подлая чернь, и съ оною вмѣстѣ тѣмъ же Богамъ покланялись, коихъ посмѣянню предавали въ своихъ школахъ. Главное правило, которое Платонъ предписывалъ всѣмъ своимъ ученикамъ, было то, что бы они поступали сходственно съ почитаніемъ однажды принятыхъ Боговъ. Тѣмъ самымъ учинилось всякое исправленіе вдругъ невозможнымъ, хотя впроче-мъ вѣра и могла надѣяться онаго отъ Философіи. Положимъ, что Платонъ и имѣлъ чистѣйшія и совершеннѣйшія понятія о высочайшемъ Существовѣ, то одно только множество духовъ и нижшихъ божествъ, коихъ онъ

онѣ признавалъ за самую существенность вѣры, были уже проотивны природѣ истинныя вѣры. Ибо всѣ нижшіе Боги попрали бы тотчасъ вѣрованіе во всеобщее единое провидѣніе, и естли при томъ еще и осталось бы признаніе единого высочайшаго Существа, то изъ того произойдетъ пустое умозрѣніе, которое въ истинную вѣру и нравствен-ное состояніе сего вѣка болѣе не имѣетъ никакого вліянія. Всесовершенное Существо, которое предоставляетъ управленіе міра меньшимъ существамъ, чрезъ то въ мигъ перестаетъ быть Богомъ челоѣка; оно для него тогда не нужно, и онъ любовь со страхомъ имѣетъ къ нему шщетно; да и всякая вѣра, имѣющая нижшихъ Боговъ, есть, когда она и въ самой невинности пребываетъ, не что иное, какъ исторія Фей, каковою она была у Римлянъ и Грековъ, которая людей отдаляетъ отъ всякаго нравственнаго совершенства. Ибо размноженіе сихъ Боговъ никогда не имѣетъ своихъ границъ, ихъ число становится часъ отъ часу больше, ихъ достоинство часъ отъ часу уменьшается и дѣлается презрительнѣе; и хотя честность запрещаетъ выдумывать объ нихъ таковыя поносныя поступки, или хотя Пла-

понѣ и довелъ до того, чтобѣ всѣхъ ба-
 снословныхъ Стихотворцевъ за то из-
 гнать изъ своей Республики; однако для
 истинныя вѣры шѣмъ ничего не было вы-
 играно, и провидѣніе, сіе единое истинное
 началo нравственнаго состоянія, пребыло
 при томъ всегда отринутымъ, а истин-
 носказательства, прорицалища и чаро-
 ванія неоплучиыми остались въ сви-
 тѣ сихъ Боговъ. Фанатическая ревность,
 съ какою Императоръ Юліанъ, въ
 угрозу Божественному Спасителю, нив-
 вергающему сіи діавольскія дѣла, спа-
 рался возстановить сіе идолослуженіе,
 и толпа предсказателей и чародѣевъ,
 кою онъ вездѣ съ собою имѣлъ, при
 всемъ томъ, что высочайшее божество
 было признаваемо, уничтоживъ все по-
 знаніе истиннаго провидѣнія, природу
 сего идолослуженія при концѣ ужѣ при-
 ведшіе было оное въ полный свѣтъ;
 равно какъ и безсмысленный ссфи-
 стической колобродъ, и къ посмѣя-
 нію своему ярящійся и побѣду гла-
 сящій звукъ, коимъ тако просла-
 вленный врагъ христіанства истинну
 своихъ Боговъ подтверждаетъ, и поно-
 ситъ, откровеніе: есть достойный
 примѣчанія знакъ тому, коль без-
 смысленна и въ какомъ бѣшенствѣ мо-
 жетъ быть ненависть къ истиннѣ,
 естли

естьли разумъ единожды оною будетъ ослѣпленъ; и на конецъ примѣчанія, какимъ образомъ сей знакъ памяти теперь опять, какъ самаважнѣйшій знакъ побѣды надъ откровеніемъ, возобновленъ, суть тому еще достойнѣйшимъ примѣчанія доказательствомъ. Двѣ профетіи Христіанства, коимъ провидѣніе никогда не дастъ пасты!

(Продолженіе будетъ-предъ.)

II.

ЭПИГРАММА.

Катихизисъ.

Коль хочешь бышь спасенъ, двенадцать при-
(знавай,
Семи проси вещей, и десять исполняй.

III.

Пѣснь покаянія.

Тяжелѣе горы меня грѣхъ бременишь;
Ишо мнѣ, о Боже мой! кшо помощь мнѣ лвишь?
Меня свидѣтель мой всегдашній наказуетъ,
Всю внутренность мою Твой правый судъ волнуешъ;
Гласъ слова Твоего, какъ страшный громъ гре-
мишь,
Дымящійся Сінай мой духъ во страхъ зришь?

Въ смиреніи мой духъ передъ Тобой молился,
 Чтобъ сладостный союзъ крещенья обновился,
 Дабы возмогъ я міръ сей льспящій одолѣть,
 И радость и покой въ Тебѣ одномъ имѣть:
 Но въ мигъ, когда нога въ Твой пушь уже вступила,
 Мя чувствѣнность къ себѣ съ спремленьемъ увлекла.

 IV.

РАЗМЫШЛЕНІЕ

*О томъ, что Богъ псѣмъ любящимъ его
 паче всего и по псѣмъ сладокъ есть.*

О Творче! Ты мой Богъ! . . . Чего желаешь мнѣ
 болѣ?

Чего желаши мнѣ въ моей счастливой долѣ?

Ты, истинна моя! Ты жизнь и вѣчный свѣщъ!

Нѣщъ блага безъ Тебя, и утѣшенья нѣщъ!

О Слово сладкое! любезнѣйшее Слово!

Ты водворишься въ насъ всегда, всегда гопово!

Гдѣ Ты, шамъ жизнь; гдѣ Ты, шамъ пысащи
 (опрадъ!

Гдѣ нѣщъ Тебя, шамъ смершь, шоска и самой
 (адъ.

Ты сладкое въ сердца спокойствіе вливаешь;

Ты радость, пищу, Ты міръ ниспосылаешь;

Ты учишь ближняго безъ хитросни любишь,

Во каждомъ и во всѣхъ Тебѣ хвалу гласишь.

Ушѣхи безъ Тебя безъ дѣйства пребывающѣ,
 Родящся лишь онѣ, уже и умирающѣ.
 Кому несладокъ Ты, что сладостно пому?
 И что несладостно, коль сладокъ Ты кому?
 Премудрость лишь Твоя для шѣхъ непосижима,
 Въ кошорыхъ мудрствуетъ одна мѣрская сила;
 По плоти шѣ живущѣ, и смерть у нихъ въ сердцахъ,
 Въ душѣ уныніе, отчаяніе и страхъ:
 Но шѣ, кто суеши мѣрскія презираешъ,
 И плоть свою распявъ, во Богѣ пребываешъ,
 Твоей премудростью, мой Боже, шѣ живетъ,
 Съ Тобой соединяшъ, во всемъ онѣ видитъ свѣшъ;
 Онѣ свѣшской суеши ко истиннѣ спремился,
 Со духомъ сообщасъ, онѣ плоть у мертвился.

Колико шаковымъ, мой Богъ, любезенъ Ты!
 И сколько гнусны имѣ всѣ мѣра суеши!
 Тебя они, Тебя во шваряхъ прославляющѣ,
 Со шварію Творца не ложно различающѣ,
 И вѣчное они со временнымъ дѣляшъ;
 Оставля ложный свѣшъ, свѣшъ несозданный зряшъ.

О Свѣде истинный, всякъ свѣшъ превосходящій!
 О Бже! милости къ рабамъ швоимъ хранящій!
 Сіянїе свое, мой Богъ, во мнѣ яви,
 Во виутренности, Ты, души моей живи!
 Твоею силою она да оживился,
 Очистился Тобой, Тобою просвѣтился!
 Дай жизнь, о Господи, Ты духу моему!
 Да сладку пѣснь воспѣвъ, къ Престолу Твоему
 Онѣ съ лики Ангельски паренїе направилъ,
 Съ Тобою сообщасъ, въ Тебѣ Тебя прославилъ!

О вожделѣнный часъ! когда шѣ прилечешъ?
 Когда меня, мой Богъ, во свѣшъ свой облечешъ?

Но вѣшій человекъ во мнѣ не умираетъ,
 Онѣ плоть мою распяшъ меня не допускаешъ;

Противу духа онъ , мой Боже , возстаетъ ,
 Воюя съ нимъ , ему покоя не даешьъ ,
 И не даешьъ душѣ онъ миромъ насладиться ,
 Побѣду одержать повсеминушно щщится !

Но Ты , о Господи , Отецъ всещедрый мой !
 Владычествуешь Ты державою мірской ,
 Ты бури жизни сей единый укрощаешь ,
 Къ пристанищу Ты насъ покоя провождаешь ,
 Возстани , Господи , противъ моихъ враговъ !
 Избавь меня , избавь отъ внутреннихъ оковъ !
 Да восстающія языки распочахся ,
 И всѣ мои враги Тобой да сокрушатся ;
 Яви Ты имъ во мнѣ Величество Твое ,
 И имя Ты прославь , мой Богъ , прославь свое !
 О Боже ! Ты моя надежда и опрада !
 Ты Богъ мой ! Ты моя единая награда !

V.

СТАНСЫ

*Духъ умирающаго добродѣтельнаго
 челоуѣка.*

Скончай сраженіе о мѣжная природа ! . . .
 О смерть ! koliko ты страшна для смертныхъ рода !
 Не дай , рокъ , долѣ мнѣ терзаться , шрепешать !
 Почшо мнѣ мучишься , страшишься и дрожаешь ?

Дрожу . . . и ахъ ! . . . я вдругъ всѣхъ чувствъ
 (лишаюсь !
 Въ глазахъ свѣтъ меркнетъ . . . Ахъ ! я съ тѣломъ
 (разлучаюсь !

Но

Но какъ великія я муки ни шерплю,
Еще, еще свое я шѣло все люблю.

Смыкаются глаза, руна ужъ не владѣетъ,
Нѣмѣетъ мой языкъ, и шѣло все хладѣетъ,
Уже не чувствую совѣмъ своихъ я ногъ....
Но чей я слышу гласъ? Никакъ зовешъ мя Богъ!

Мяшусь, и на конецъ отъ шѣла удаляюсь,
Вздешаю отъ земли, на небо преселяюсь,
Приблизившись къ давно желанному концу,
Съ поспѣшностью иду я къ своему Творцу!

Иду, спѣшу, лечу я къ щедрому Владыкѣ,
Я вижу въ Ангельскомъ его небесномъ ликѣ!
Какое предстаетъ мнѣ зрѣлище въ сей часъ!
О Боже мой! за что такъ награждаешь насъ?

Какое зрѣлище предестинное я вижу!
Теперь грѣховное я шѣло ненавижу,
Клену грѣхи свои, клену поносну спрасшь;
Я нынѣ ясно зрю минувшую напасшь.

Теперь счастливую свою я вижу долю,
Теперь свою, теперъ клену я злую волю,
Кошорая меня къ паденію вела,
Теперь клену свои я скверныя дѣла.

Теперь всю Божію я милоспѣ ощущаю,
И рѣчь свою ко всѣмъ я людямъ обращаю:

Престаньте раздражать, о смертные! Творца,
Коль милосерда такъ въ Немъ видите Отца!

Колико каждый грѣхъ его ни раздражаетъ,
Онъ терпитъ долго намъ, и щедро насъ прощаетъ;
И то за малое добро Онъ намъ даетъ,
Чего лишь изъяснить въ насъ силъ не достаетъ.

VI.

МОЛИТВА

*Къ Богу Отцу о ниспосланіи благода-
ти споея.*

Во мнѣ свой образъ Ты, мой Богъ, изобразилъ,
Меня подобіемъ своимъ Ты одарилъ!

Пошли мнѣ Твоя даръ вышній благодати,
Да ея научусь съ Тобою пребывать!

Со духомъ борюсь, о Боже! плоть моя!

Кипяща злобою поборница сія

Меня въ ошверстую погибель низвергаетъ,

Она мнѣ вѣчну смерть, мой Богъ, приготавливаетъ!

Во плоти зрю своей, я зрю грѣха законъ!

Къ погибели моей во мнѣ начерченъ онъ;

Онъ виѣшностямъ однимъ велишь повиноваться;

Безсиленъ я сему закону проповляюсь.

Вліянная въ меня, о Боже, благодать

Удобна лишь одна сего врага попрашь.

Потребна мнѣ Твоя, мой Богъ, потребна сила!

Меня ко злобѣ плоть во юности склонила.

Се первый человекъ во преступленье впалъ,

Своимъ грѣхомъ, мой Богъ, мою онъ плоть связалъ.

За преступленіе казнь вошла во человека,
 И естество, къ добру созданное отъ вѣка,
 Ко злу грѣхомъ своимъ бышь стало суждено;
 Зане стремленьемъ зла оно заражено.

Та сила, насъ еще кошорая питаетъ,
 Какъ искра малая подъ пепломъ угасаетъ,
 Та сила вышняя премудра Божества,
 Есть разумъ нашего, о Боже, естества!
 Но темный нѣкій мракъ сей разумъ зашмѣваетъ,
 Онъ ложь со истинной въ зашмѣніи мѣшаетъ,
 Худова съ добрымъ онъ не можешь различить,
 И что предпримешъ онъ, безсиленъ по шворить;
 Свѣтъ истинны предъ нимъ покрытъ стущен-
 (нымъ мракомъ,
 Плѣняется одной онъ тѣню и призракомъ.
 И се, о Боже мой! все то, что Ты изрекъ,
 Внимаешь внутренній лишь только человекъ!
 Онъ заповѣдь твою въ себя впечатлѣваетъ,
 Онъ истинну и свѣтъ и святость ощущаетъ,
 Изобличаетъ насъ во злобѣ и грѣхахъ,
 О Боже! чувствва всѣ мои объемлетъ страхъ!
 Се вижу плоть мою, грѣху порабощенну,
 Отъ исполненія закона опвлеченну;
 Не дѣлаю погѣ, что дѣлать я хотю!
 Гдѣ должно свѣтъ узрѣшь, тамъ свѣта не ищю;
 Подъ тяжестію я паденья пребываю,
 Верху горы стремлюсь, но къ долу ниспадаю!
 Дабы во истиннѣ возмогъ я успѣвать,
 Пошребна мнѣ Твоя, мой Боже, благодать!
 Все мертво безъ нея, все плѣнно пребываетъ:
 Но съ нею твердо все, и жизнь все получаетъ!
 О Ты, во небесахъ имѣюща чертогъ!
 Тебя съ небесъ въ сердца ниспосылаетъ Богъ,
 Святая благодать! мнѣ грѣшному коснися,
 И грѣхъ очистивъ мой, Ты въ сердце мнѣ вселися!

Твоею силою да побѣжду себя!

Что даръ естественный возможетъ безъ тебя?

Что можешь красота? что можешь санъ, богатство?

Что краснорѣчіе? что разума пріятство?

Что можешь пышна честь? и что форшуну пронъ?

Что славы ложныя о насъ гремящій звонъ?

Ахъ! все сіе ничто безъ дѣйства благодаши!

Насъ даръ естественный безсиденъ просвѣщати.

Се наше естество размѣра не блюдетъ,

Благимъ и злымъ оно равно дары даетъ;

Но Божья благодашь дары соразмѣряетъ,

Своимъ избраннымъ ихъ она ниспосылаетъ,

И благодаши даръ кто свѣше получилъ,

Тотъ къ вѣчности враша со славой опворилъ.

О Боже! даръ пошли Твоей мнѣ благодаши!

Смирённымъ сердцемъ я пошщусь ее приняши.

Се самой истинны наставница она!

Она сердечный свѣтъ, душевна пишина,

Утѣха въ горести, въ недугахъ облегченье,

Во преступленіи намъ нужное ошщенье,

Въ боязни щитъ она, подпора во бѣдахъ,

Она въ сердцахъ у насъ раждаетъ Божій страхъ,

Ручьями изъ очей шокъ слезный испоргаетъ,

И нашу хладну кровь любовью воспаменяетъ!

Пошли мнѣ благодашь, о Боже! Боже мой!

Безъ ней какъ древо я изсохше предъ Тобой,

Копоро жизненной росой не оживленно,

Исплѣніемъ своимъ въ ничто преобращенно.

О Боже, да Твоя всевышня благодашь

Меня во всѣхъ дѣлахъ возможетъ предварять,

И мнѣ предшесствуя путь правды показуетъ,

Зведетъ въ черпогъ, гдѣ самъ Христосъ, Твой

(Сынъ ликуетъ!

VII.

КИТАЙСКІЕ АНЕКДОТЫ.

1.

Сострадательное дитя.

Во время Императора Тхина мальчикъ восьми лѣтъ, называемой Умуэнъ, имѣлъ такъ бѣдныхъ родителей, что имъ не было чѣмъ прикрыться отъ мухъ, которыя лѣтомъ обезпокоиваютъ въ домахъ. Молодой Умуэнъ долго стоявъ у ихъ постели, легъ наконецъ подлѣ оной на полу, будучи до пояса нагъ, подвергнувъ свое нѣжное тѣло на снѣденіе мухамъ, и не сгонялъ оныхъ. „Когда онѣ насытятся моею кровію, сказалъ онъ въ себѣ, то конечно оставятъ въ покоѣ моихъ родителей.“

2.

Нѣжные братья.

Два брата, называемые одинъ Тшангъ-Хіао, а другой Тшангъ-Ли, питали свою мать во время сильнаго въ ихъ округѣ голода. Хіао, пошедши въ одинъ

1782. Часть III. Ноябрь. Р день

день собирать плоды, попался въ руки
 голоднымъ разбойникамъ, которые да-
 вили и Ъли всякаго, кто бы имъ на
 вспрѣчу ни попался. И какъ они хотѣ-
 ли задавить его, то онъ имъ въ слезахъ
 сказалъ: у меня есть мапушка очень
 престарѣлая, и которая умираетъ съ
 голоду; для того позвольте мнѣ оп-
 несть ей сіи плоды, а я кленусь вамъ,
 что потчасъ къ вамъ возвращусь. Сіи
 мучители оппустили его къ ней съ
 уговоромъ, чтобъ онъ немедленно воз-
 вратился. Хіао, пришедъ домой, расска-
 залъ, что съ нимъ случилось. Ли, его
 меньшій братъ, потчасъ ушелъ тихонь-
 ко къ разбойникамъ, и предалъ имъ
 себя. „ Тотъ, говорилъ онъ имъ, кото-
 „ рому вы позволили ипши къ его ма-
 „ шерѣ, есть мой братъ; онъ гораздо
 „ больше превосходитъ меня въ достоин-
 „ ствахъ, я же напротивъ того, какъ
 „ вы сами видите, гораздо способнѣе къ
 „ свѣди, нежели онъ; и такъ убейте меня
 „ вмѣсто его. „ Хіао примѣтивъ, что
 братъ его ушелъ, и подозрѣвая о его
 намѣреніи, потчасъ побѣжалъ къ раз-
 бойникамъ. „ Я тотъ, говорилъ онъ,
 „ который слово далъ, и хочу его сдер-
 „ жать; не слушайте пожалуйста, что
 „ братъ мой вамъ говоритъ. Сіи губи-
 „ тели, видя толико нѣжную ихъ одного
 къ

къ другому любовь, столько были оною пронуты, что, при всемъ своемъ звѣрствѣ, сжалились надъ ними, и опустили ихъ назадъ, не сдѣлавъ имъ никакого вреда.

3.

Награжденное дружество.

Си - Муей и Іян - Ви жили между собою очень дружно. Они дошли при дворѣ до великихъ достоинствъ. Си долженъ былъ началомъ счастья своего другу своему. Іянъ по одному случаю лишился своего великаго достоинства, и его назначили послать Мандариномъ низвѣяго чина въ весьма отдаленное мѣсто. Съ сей минуты всѣ его пріятели отъ него отстали; но Си не преставаѣлъ оказывать ему свое дружество по прежнему. Іянъ изготовился уже къ отъѣзду, но никто изъ его прочихъ знакомцевъ не пришелъ его проводить; Си же напротивъ того не только пришелъ къ нему проститься, но и проводилъ его какъ можно было далеко за городъ; при разставаніи его съ нимъ онъ обнималъ его, и оказывалъ ему всѣ знаки искренней дружбы. Всѣ придворные думали уже,

что Си пропалъ, почему и убѣгали его. Нѣсколько дней спустя, Министръ опредѣлилъ его къ мѣсту, которое было гораздо важнѣе того, какое онъ имѣлъ прежде. Си весьма удивился своему благополучію, и не думая, чтобъ онъ заслужилъ оное, пошелъ благодарить Министра, и сказалъ ему: „ Милостивый государь, для чего ваши благодѣянія излились на такого человѣка, который никогда не имѣлъ чести быть у васъ. — Я тебя опредѣлилъ къ мѣсту, отвѣчалъ Министръ, для того, что я увѣренъ, что тотъ, который платишь такъ хорошо за услуги и дружбу Іяна, постарается равномѣрно отвѣтствовать и милостіямъ своего Государя.

4.

Благородное речнопаніе.

Одинъ обѣзжій Сингинскаго уѣзда, какъ изъ послѣдующаго видѣть можно, былъ человѣкъ добраго сердца; онъ зашелъ въ одинъ домъ, до котораго ѣхалъ онъ не малое дня время, не имѣя при себѣ никакой пищи. Нужныя дѣла, возложенныя на него, не позволяли ему здѣсь долго

долго медлить; почему онъ, поропясь къ отъѣзду, спросилъ у хозяина немного сарацынскаго пшена; на что ему отвѣщивовалъ сей, чтоу него нимало онаго нѣтъ, а съ нимъ вмѣстѣ и жена его подтвердила тоже. Обѣзжій, побуждаемъ будучи сильнымъ голодомъ, не ушерпѣлъ, что бы не поглядѣть въ печь, и нашедъ въ оной варящееся пшено, началъ имъ выговаривать за ихъ скупость и нелюдскость, приводя ихъ въ стыдъ за то, что они солгали.

„Ахъ! отвѣчалъ хозяинъ, я никому не отказывалъ въ гостепрѣимствѣ, и не большая часть пшена, требуемаго вами, была бы причиною моего вѣчнаго душевнаго грызенія и раскаянія. Обѣзжій желалъ вѣдать вину его отказа, и чѣмъ больше хозяинъ старался отъ него скрыть оную, тѣмъ больше обѣзжій желалъ знать: напоследокъ слезы полились изъ глазъ хозяйкиныхъ, и мужъ, будучи наконецъ убѣжденъ желаніемъ обѣзжаго знать сему причину, сказалъ ему: „мы прешерпѣваемъ крайнюю нищету; у насъ нѣтъ болѣе трехъ Фенигъ (сошая часть серебряной унціи). Мы лишены будучи всѣхъ столобовъ достать честнымъ образомъ для себя оныхъ больше, и не видя уже другихъ мѣръ спасти бѣдственную,

„ по причинѣ голода, жизнь, рѣшились,
 „ хотя насильственнымъ, но меньше
 „ мучительнымъ, образомъ прекратишь
 „ оную. Мы купили за два Фенига сію
 „ часть пшена, которую вы видите въ
 „ печи, да за одинъ мышьяку. Мы
 „ его смѣшали вмѣстѣ съ пшеномъ.
 „ Вотъ причина, для которой мы от-
 „ казывали вамъ въ семъ пшенѣ! Об-
 „ ѣзжій при сихъ словахъ не могъ удержа-
 „ ться отъ слезъ, онъ потчасъ вынулъ изъ пе-
 „ чи пшено, и вылилъ вонъ: послѣ чего об-
 „ нявъ сихъ злосчастныхъ, сказалъ хозяину: „
 „ достойнѣйшій жалости несчастный! по-
 „ ди за мною, я могу вамъ дать 50
 „ фунтовъ пшена, которое можетъ
 „ спасти вашу жизнь на нѣсколько вре-
 „ мени, а между тѣмъ можетъ быть
 „ сыщу какойнибудь способъ къ пред-
 „ будущему. „ Сосѣдъ, подслушавъ сей
 „ разговоръ, будучи въ такомъ мѣстѣ,
 „ гдѣ примѣнить было нельзя, и зная,
 „ гдѣ лежали у обѣзжаго мѣшки съ пше-
 „ номъ, потчасъ побѣжалъ къ тому мѣ-
 „ сту, подъ видомъ, будто въ томъ мѣ-
 „ стѣ онъ потерялъ свои вещи: онъ нашелъ
 „ два мѣшка, изъ коихъ въ одномъ было око-
 „ ло 25, а въ другомъ около 50 фунтовъ
 „ пшена: онъ не медля развязалъ оный
 „ мѣшокъ тайно, и положилъ 50 унцій
 „ чистаго серебра, что учинивши съ воз-

МОЖ-

можною скоростію , возвратился въ свой домъ , гдѣ домашнимъ своимъ въ великомъ удовольствіи сердца сказалъ , что онъ нашелъ то , чего искалъ. Обѣзжій приходитъ нѣсколько времени спустя съ тѣмъ злосчастливымъ ; подаетъ ему 50 фунтовъ пшена , со всѣмъ не зная о томъ , что еще кромѣ онаго было тамъ ; злосчастный изъясняетъ ему начувствительнѣйшую благодарность , возвращается домой , развязываетъ мѣшокъ , и вмѣстѣ съ пшеномъ находитъ еще 50 унцій серебра. Злосчастные , видя сіе , изумляются ; зная же , что и самъ обѣзжій былъ небогатъ , и думая , что сей офицеръ , будучи опредѣленъ Императоромъ къ какому нибудь денежному взысканію , взыскавъ оное , положилъ шутъ , и позабывши объ нихъ вмѣстѣ съ пшеномъ опдалъ имъ. „ Нѣтъ , вскричалъ злосчастный , я не хочу , чтобъ ты , великодушный нашъ благодѣтель , подвергъ себя подозрѣнію , и чребъ сіе лишился Государевой довѣренности ! и потчасъ схватя оныя 50 унцій серебра отнесъ ему назадъ. Обѣзжій , слушая рѣчь злосчастливаго , и видя серебро , не доумѣваетъ , но подумавъ не много , говоритъ : „ нѣтъ , сіе серебро не принадлежитъ ни Импера-

„ пору , ни мнѣ. Я никогда не
 „ былъ опредѣленъ отъ него ни къ ка-
 „ кому таковому дѣлу; однимъ сло-
 „ вомъ, я никогда не клалъ его въ сей
 „ мѣшокъ. Ты самъ знаешь, что я бѣд-
 „ ной человѣкъ, такъ откуда мнѣ его
 „ взять? Это конечно милость Созда-
 „ теля, и вы можете ихъ оставить у
 „ себя безъ опасности. „ Сингинской жи-
 „ тель отказывается, не беретъ ихъ.
 Никакого ужè нѣтъ средства уговорить
 его къ тому; они дѣлишь его между
 собою не хотятъ. Благотворительное
 сердце, рассуждая о честности того
 и другаго, не можетъ быть покой-
 но: виновникъ сего ихъ препиранія
 и недоумѣнія противъ воли своей при-
 нужденъ явить себя, и увѣрить ихъ, что
 серебро сіе есть малая злосчастію по-
 мощь, и что онъ счастливымъ себя по-
 чтетъ, естли ему позволятъ зло-
 счастный чрезъ сіе исполнить гласъ
 человеколюбія, инако не могущій дать
 ни на минуту душѣ его покою. Обѣ-
 ѣзжій и злосчастный приходятъ въ
 вящее изумленіе; послѣдній въ рукъ
 его лобжетъ руку самаго нѣжнаго Отца
 всяческихъ. Сей исполняется радости,
 какую только могутъ однѣ благотво-
 рительныя души чувствовать.

Достойный Государя Министръ.

Кинг-Конгъ, Король Тзи, имѣлъ у себя лошадь, которую онъ чрезвычайно любилъ. Лошадь сія пала отъ неспособности ходившаго за нею конюха. Государь, извѣстясь о смерти любимой своей лошади, пришелъ въ великой гнѣвъ, и схватя дропикъ, побѣжалъ къ конюху съ тѣмъ, чтобъ его убить. Іятзе, Министръ его, бывший при томъ, удержавъ Императора за руку, началъ говорить ему: Великій Государь, что вы хотите сдѣлать? Вы спремидесь убить человека, незнающаго важности своего преступленія! Такъ! оповѣчалъ Императоръ, скажите ему скорѣе, чтобъ онъ приготовился умереть. Тогда Іятзе просилъ Государя, позволить ему сіе учинить, и взявъ изъ рукъ Государевыхъ дропикъ, пошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ конюху, къ которому пришедъ, началъ говорить: Вотъ твоя вина, выслушай ее хорошенько! во первыхъ, ты причиною смерти любимой лошади Государевой; тебя Государь опредѣлилъ ходить за нею, а ты не прилагаешь старанія; слѣдовательно ты заслужилъ смерть. Во

„ впорыхъ: ты причиною , что мой Госу-
„ дарь, лишась своей любимой лошади, до
„ того разсердился, что хотѣлъ тебя
„ умертвить своею рукою; вопѣ вторая
„ вина, важнѣе первой! Какого бы ты по-
„ гда былъ достоинъ наказанія, я говорю,
„ ты былъ бы достоинъ лютейшей
„ смертной казни, если бы всѣ сосѣд-
„ ственные Государи и всѣ государства
„ узнали, что мой Государь собственною
„ рукою предалъ смерти чловѣка за
„ лошадь! Злосчастный! не ты ли бы
„ былъ причиною потерянiя хорошей сла-
„ вы своего Государя? И все это швоя вина!
„ Несчастный, ведущій за собою всѣ сiи
„ слѣдствiя! признаешь ли ты свою
„ вину? — Не пронь его, вскричалъ Го-
„ сударь, не пронь, не затъмѣвай моей
„ доброй славы! Я его прощаю.

VIII.

Байрамъ на сѣперѣ.

Что слышу я! Увы! возможноль это снести?
 Какой ударъ! пролгись, исчезни люда вѣсть...!
 Но, ахъ! что истинно, не можеть бышь то ложно,
 Что спадося, тому исчезнуть ужъ не можно.
 Колико ни свирѣнъ, колико ни жестокъ,
 Уже исполненъ спалъ сей злополучный рокъ;
 Немилосердыя судьбы ужъ мечь свершилась:
 Москва, Россія вся накладокъ ужъ лишилась,
 Накладокъ и другихъ къ намъ вывозимыхъ модъ!
 О сколь теперь убогъ Россійской спалъ народъ!
 Россія, никакихъ сокровищъ не имѣя,
 Нашла друзей, о ней копоры сожалѣя
 Пошщились удѣлить ей отъ богатствъ своихъ,
 И лучше въ числѣ Французы были ихъ.
 За то, что мы лишь хлѣбъ и злато имъ давали,
 Они нарядами насъ щедро снабдѣвали:
 Явились духи со спиртами у насъ,
 Превкусные плоды, ранешы, ананасъ,
 Супуга, шпильками ставъ, вновь переродилась,
 И мѣдъ сибирская въ булавки претворилась;
 Вдругъ пудра сдѣлалась изъ нашея муки,
 И ею заняты у всѣхъ ужъ сундуки.
 Парижскіе цвѣты и моды лишь едины
 Наполнили у насъ пространны магазины; (*)

Узрѣ-

(*) Примѣч. чтобъ увѣришься въ сей истиннѣ, сподитъ только пройши по одной Ильинкѣ, то и увидишь вывѣски, *Magasins des fleurs et des modes*; въ другихъ же мѣстахъ можно найши и *fabriques des fleurs et des modes*.

Узрѣли мы плюмажъ, пеннажъ (*) Филе (***) лино;
Во ршу Шампанское, Бургонское вино.

Но, ахъ! Россіянки! что прежде получали.
Вы изъ Французскихъ рукъ, и что за даръ считали,

Надъ

(*) *Пеннажъ*, какъ то не только моднымъ щеголихамъ, но и обожателямъ ихъ извѣстно, называющагося пѣ длинныя Французскія перья, которыми Дамы пучкомъ къ волосамъ прикалываютъ; а какъ онѣ головы дѣлаютъ горами и громадами: то когда не можно уже ихъ носить, не бесполезно будетъ для знаемыхъ Госпожъ ихъ жечь, и ими куриться отъ Исперики. Таковаго чудесна сила Французскихъ товаровъ, что изъ нихъ, просто молвишь, ни одна дрянь не пропадетъ; но все можетъ обращено бытъ въ пользу.

(**) *Филе*, или поруски *сѣть*, изобрѣшенъ не только для уловленія, но и для задержанія въ плѣну сердецъ; а какъ сіе нынѣ чуть ли не малымъ ребенкамъ уже извѣстно: то сочинитель по скромности дальнѣйшее объясненіе умалчиваетъ, а между прочимъ совѣтуетъ только Госпожамъ носительницамъ сихъ сѣтей находящихя въ оплучкѣ отъ своихъ должностей, какъ - то отъ полковъ, отъ разсудка и благо нравія праздно шатающихся въпреныхъ бездѣльниковъ уловлять и опсылать куда надлежитъ, за трудыжъ въ награжденіе моглибы онѣ получить новоизобрѣшенное украшеніе головы, называемое *разумъ*, къ груди пучекъ цвѣтовъ, называемый *непорочность*, и рѣдкое новоманерное платье, именуемое *наблюденіе своихъ должностей*.

Надѣ шѣмѣ свершаете вы строгій приговорѣ,
 Мадаминыхъ шрудовъ терзаете уборѣ! (*)
 Тиранки! варварки! за что немилосердо
 Вы мучите его, губя жестокосердо?
 Восплачь ла Франсильйонѣ, Барнье и ла Фуа,
 Восплачьте ла Жуай, ле Фебрѣ, Сажѣ, ла Круа,
 Бонѣ-санѣ, ле Брюнѣ, Томасѣ, Мели, Грандон Роже,
 Лю Ронфѣ и дю Маре! и вы восплачьте поже!
 Хотя вамѣ плачь сія премѣна принесла,
 Не такѣ бы вамѣ она мучительна была,
 Когда бы не Сама разила васѣ Паллада;
 Но въ злѣйшей грусти сей еще вамѣ есть отрада:
 Во первыхъ, находясь въ плачевной сей судьбѣ,
 Найдете много вы участниковъ себѣ;
 Всѣ мошницы въ слезахъ, вся Франція рыдаешѣ,
 Парижѣ въ уныніи злу долю проклинаешѣ.
 То болѣе еще ихъ нѣжный духъ мяшетѣ,
 Что нами славный ихъ опринутѣ спалѣ глазешѣ,
 Что Руская парча совмѣстница глазеша,
 На Дамѣ и на Господѣ придворныхъ ужѣ надѣша.
 Другое вамѣ еще ушѣхой будетѣ то,
 Что пусть накладокѣ шѣхѣ не купитѣ хошѣ никшо.

Но

(*) Надлежитѣ замѣшпшѣ и внесшѣ въ число
 знашнѣйшихъ, въ календарѣ обыкновенно озна-
 чаемыхъ, дней сей день, въ который Россійскія
 Госпожи, закупивѣ себѣ прежде накладокѣ, кои
 цѣною восходили даже до 300 рублей, по вы-
 шедшему на носку широкихъ лоскушковъ запре-
 щенію, принуждены были оныя порошокъ и рѣ-
 зашѣ. Сіе нещадное убивство можно назвашѣ
подсемстпеннымѣ заколеніемѣ, или когда
 Руское слово нѣжнымъ ушамѣ шягосшно, то хошѣ
Байрамомѣ, дѣбо *Carnage horrible et universel.*

Но вы намъ новыя поуже вымышляйте ,
 И въ сѣшь Россіянокъ другую уловляйте ;
 Коварство , плутовство , обманъ употребя ,
 Француженки ! вы имъ опмѣсите за себя !
 Еще прошиву ихъ вы поступайте строже ,
 Нещадно съ нихъ за все берите вы дороже ;
 Какъ въ моду узкія накладки лишь войдушъ ,
 Опять ихъ покупать всѣ модницы придущъ .
 Хотя бы и всему вы въ шягость были Граду ,
 Отъ модъ вамъ щегольскихъ не будетъ вѣкъ
 (накладу ;
 Накладки будучи вершковъ не шире двухъ ,
 Авось преобразятъ въ красавицъ всѣхъ шарухъ .

 IX.

 Р О Н Д О .

Пожалуй отвѣжись ты отъ меня съ наукой ,
 Давно наскучилъ мнѣ ты эшою доукой .
 Поди скорѣе прочь , ступай и не кажись ;
 Я слушаать не хочу ; пожалуй отвѣжись .

Пожалуй отвѣжись ! Ужъ ли . то ты не знаешь ,
 Что ты ученемъ мнѣ мученіе причиняешь ?
 Ты самъ ребенкомъ будь , и во вѣки учись ;
 А я такъ не хочу , пожалуй отвѣжись .

Пожалуй отвѣжись , и самъ теперъ помысли :
 Ну къ счастѣль въ двашцать лѣтъ имѣшь шакія
 (мысли ?
 Такъ

Такъ подло думашь ты о насъ, мой другъ,
(спыдись;
Не то и на умѣ; пожалуй опвяжись.

Пожалуй опвяжись, не докучай миѣ болѣ,
Я право и романъ читаю по неволѣ.
На слово въ томъ мое ты твердо положишь,
И съ мудросью своей пожалуй опвяжись.

Пожалуй опвяжись. Фуй! бывши благороднымъ,
Не спыдноль заняшу ученьемъ быть безплод-
(нымъ?
Не къ Философимъ Дворяне родились;
На что науки намъ? пожалуй опвяжись.

Пожалуй опвяжись, ты прямо врешь по руски.
Лишь толькобъ дворянинъ болташь могъ по
(Французски,
И съ вершопрахами умѣлъ бы обойтись:
Довольно и того; пожалуй опвяжись.

Пожалуй опвяжись, не жди еще опвѣща,
Послушай моего ты здраваго совѣща:
Одѣнься щегольски, по модѣ причешись,
По модѣ поступай, Французомъ въ свѣшъ кажись!

X.

МАДРИГАЛЫ.

1.

Презрѣніе жизни.

Когда ты проводишь счастливый хочешь вѣкъ,
 Умѣй жизнь презирать, учись, о человекѣ!
 Не можешь жизнь того блаженной почитать,
 Кто всякой часъ дрожитъ, боясь съ ней разстаться.

2.

Презрѣніе смерти.

Храбронъ меня бранишь и шрусомъ называешь,
 Что духъ мой, вспомянувъ о смерти, унываетъ;
 Немолчно мнѣ твердишь: „ все въ свѣтъ презирай,
 „ Пренебрегая смерть, спокойно умирай!
 Изрядно, я съ тобой, Храбронъ, смерть презираю;
 За тѣмъ и умереть я очень не желаю.

XI.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Къ Болтунопу.

Съ тобою, Болтуновъ, не должно говорить,
 Не можешь никакой ты тайны скромно скрыть.
 Сего лишь никому ты самъ не открываешь,
 Что безъ разбору все ты всякому болтаешь.

2.

Безприменъ Утруждаешу.

Пожалуй отвяжись ты отъ меня, мой другъ,
 мнѣ право недосугъ.

Когда непраднаго меня ты утруждаешь,
 Ты шѣмъ мнѣ досаждаешь.

Не время мнѣ шеперь; я бду со двора...
 Охъ! мнѣ въ шракширѣ пора.

3.

Жизнь и смерть.

Всякъ хочешъ накопишь,

Чшобъ было съ чѣмъ прожить;

Но что о шомъ крушишься?

Коль будемъ шолько жить: то будешъ чѣмъ кор-
 миться.

Не лучше ли о шомъ намъ лобъ свой пошерешъ,
 Чшобъ было съ чѣмъ пошомъ поживши умерешъ?

4.

Миръ и человекъ.

Извѣстно эшо всѣмъ, извѣстно и не ложно,
 Что равное принять за равное возможно;

И такъ коль названъ въ древнѣй вѣкѣ

Былъ *малымъ миромъ* человекъ,

И въ семъ нашъ новый вѣкѣ согласенъ съ древнимъ
 вѣкомъ:

Зачѣмъ не названъ миръ *пеликимъ человекомъ*?

5.

Къ Г. Изыскаецу.

Какое изъ всѣхъ живошное опъ вѣка
 Походишь меньше всѣхъ всегда на человѣка?
 Скажи, любезный другъ, не прашя много словъ!
 „Всѣхъ меньше сходствуешь съ нимъ прямо Фило-
 (софъ)

 XII.

 ЭПИТАФИИ.

I.

Широкимъ накладкамъ и пысокимъ прическамъ.

Бывала ли кому шолная печаль?

Бывало ли кому кого нибудь такъ жаль?

Пресѣкся нашъ покой, скончалася ушѣха,
 Насталъ плачь вмѣсто игръ, веселія и смѣха.

Крушишь, прекрасной полъ, лей шоки горькихъ
 (слезъ!

Твой минулъ вѣкъ злашой, прошелъ, прошекъ,
 (исчезъ

Накладокъ, волосныхъ громадъ ужъ шы лишился,
 Того, о чемъ всего шы болѣе крушился:

Но ежели конецъ пришелъ нарядамъ симъ,

Прискорбный кипарисъ воздвигни въ память имъ,
 Да сей надгробною попомки разумѣюшь.

Чшо прежнихъ ужъ они накладокъ не имѣюшь,
 И чшо причоски ихъ не такъ ужъ высоки.

Прохожій! ахъ! скажи, просшите доскушки!

2.

Великому мужу.

Чей видишь камень здѣсь, прохожій ты узнаешь,
Когда надгробную его ты прочитаешь:

„Подъ камнемъ симъ лежитъ великій человекъ,

„Великій именемъ, великій и дѣлами,

„Ему подобнаго во вѣкъ

„Не сыщется межъ нами;

„Воспѣть ему хвалу не въ силахъ весь хоръ музъ.

Да ктожъ онъ былъ? Порфиной, учитель и Фран-

(цузъ.

XIII.

ЗАГАДКИ.

1.

Какъ малъ, какъ узокъ я, какъ шѣсенъ ни бываю,
Но небо я въ себѣ съ свѣшилами вмѣщаю.

2.

Чудесну силу я и дѣйствіе имѣю:

Открытымъ сдѣлаю я сокрытое умѣю;

Отверспоежъ ояшь

Могу я зашворять.

Служу равно я всѣмъ, кому ни достаюся;

Храню, и оцъ него взаимно я хранюся.

3.

Движенъе сильное въ себѣ я содержу :
Однако на одномъ все мѣстѣ я лежу.

Пока еще кричу ,
Всѣ люди говорятъ , что я тогда хожу ;
Когдажъ я замолчу :
То шопъ , кому служу ,
На молчаливость самъ досадуя мою ,
Всѣмъ явно говорю , что будио я спою .
На волоскѣ одномъ жизнь держится моя ,
Хопъ нѣшъ во мнѣ вины , но вѣшаютъ меня .

4.

Я лѣсъ назвашь опцемъ по истиннѣ могу ,
Я сдѣланъ изъ него , я видъ его являю ;
Скорѣ лошади я иногда бѣгу :
Но слѣду по себѣ нигдѣ не оставляю .

XIV.

*Египетское ученіе о способѣ , какимъ ра-
дильсь пѣ спѣтъ жипотныя , и о ко-
нечной судьбинѣ міра .*

Какъ скоро всевысочайшее и всемо-
гущее Существо начертало въ Боже-
ственномъ разумѣ своемъ планъ тво-
ренія , и благоволило быши тварямъ ;
небо и земля имѣли одинъ видъ , и есте-
сво

ство ихъ было одно съ другимъ смѣшано. По разлученіи одного отъ другаго сихъ тѣлъ, міръ получилъ зримой нынѣ порядокъ, а воздухъ непрерывное движеніе. Чистѣйшія и тончайшія огненные въ воздухѣ частицы, по причинѣ легкости своей природы, поднялись въ верхъ, и наполнили самыя высочайшія мѣста; а чрезъ то солнце и все прочее множество свѣтилъ получили свое вѣчное кругообращеніе: то же напрошивъ того, что имѣло влажную густоту и клейкость, по причинѣ тяжести своей, сбѣлось въ одно мѣсто. Оно, будучи безпрестанно само около себя и въ себѣ обращаемо, наконецъ изъ влажности своей произвело моря, а изъ суши землю, однакожъ очень еще грязную и мягкую. Но при первомъ возсіяннн находящагося въ солнцѣ огня земля окрѣпла, и при воскипѣннн своей поверхности во многихъ мѣстахъ вздулась влажность и получила, такъ сказать, гнилыя опухоли, покрытыя тонкою кожицею. И когда такимъ образомъ влажные зародыши въ ней исполнились теплоты, то во время ночей получали они для себя пищу изъ обтекающаго ихъ мрака, а днемъ отъ зноя укрѣпленіе. Наконецъ когда сіи порожденія достигли своего совершенства,

и когда отъ солнца сожжена и разорвана была покрывающая ихъ кожица, тогда появились, тако благоволящу Божию всеблагому промыслу, различныя роды животныхъ. Одни изъ нихъ, кои получили больше теплоты, поднялись на высоту, и учинились пернатыми: но тѣ, кои заимствовали болѣе отъ влажнаго вещества, преселились въ сродное себѣ мѣсто, и учинились плавающими, а прочія пресмыкающимися по земли. Земляже, весьма закрѣпивши какъ отъ солнечнаго зноя, такъ и отъ вѣтровъ, на послѣдокъ престала быть способною раждать большихъ животныхъ; однако и шутъ благоволило всеблагое провидѣніе раждаться онымъ посредствомъ взаимнаго совокупленія. — Но міръ сей, по нѣкоторыхъ времени переменъ, долженъ будетъ узрѣть надъ собою сожженіе, послѣ котораго послѣдуетъ возобновленіе, имѣющее возстановитъ всѣ вещи въ другомъ только тѣлѣ, подобіе же навсегда останется сходное съ первымъ.

